

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ВХ
4711.6112
S 92
1891

С 552,358

БИБЛИОТЕКИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ
КАЗАНСКОЙ
ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

УНИАТСКІЕ
ЦЕРКОВНЫЕ СОВОРЫ

СЪ КОНЦА XVI ВѢКА

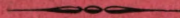
ДО ВОЗСОЕДИНЕНІЯ УНИАТОВЪ

СЪ ПРАВОСЛАВНОЮ ЦЕРКОВЬЮ

СОСТАВИЛЪ

Священникъ Іоаннъ Стрѣльбицкій.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

ОДЕССА.

Типо-хромолитографія Е. И. Фесенко, Ришельевск., с. д. № 47.

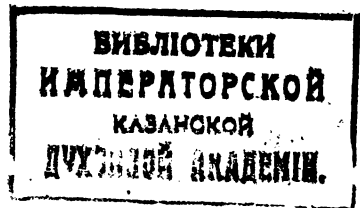
1891.

BX
4711.6112
.592
1891

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго цензурнаго комитета печатать
позволяется. 24-го іюля 1890 года.

№ 757.

Цензоръ архимандритъ Григорій.

Мѣры, подготовлявшія унію.

Одно только православіе прямо и честно заявило (на люблинской уніи), что ему будетъ не хорошо въ брачномъ союзѣ Литвы съ Польшею; но вѣрный голосъ его оказался какъ-бы неумѣстнымъ, потому что обѣ другія стороны (протестантство и латинство) запрятали свои религиозные счета и выставили впередъ какъ будто только чисто гражданскіе интересы,—съ одной стороны интересъ Польши, съ другой — интересъ Литовскаго княжества (Кояловичъ, Любл. унія).

Событіе, извѣстное въ исторіи подъ именемъ церковной уніи въ Брестѣ, было выработано и подготовлено предыдущей жизнію Польши и Литвы. Церковной уніи, какъ извѣстно, предшествовало нѣсколько гражданскихъ политическихъ уній, цѣлью которыхъ было укрѣпить государственный организмъ Польши и состоявшихся по проискамъ этой послѣдней, а не въ силу какихъ-нибудь народныхъ къ ней симпатій литовцевъ, или предполагаемаго національнаго единства литовскаго княжества и польскаго королевства. Таковы: унія, бывшая въ 1386 году при Ягеллѣ, Городельская унія 1413 г., Петриковская—1499 г. и, наконецъ, Люблинская—въ 1569 г. ¹⁾. Все онѣ были такого характера, что носили въ себѣ задатки разлада, ибо были только формальнымъ соединеніемъ двухъ народностей,—соединеніемъ, такъ сказать, de nomine. Въ частности, такимъ характеромъ заправлена была и Люблинская унія 1569 г.; но дѣло въ томъ, что со времени ея польское правительство становится въ особыя отношенія къ за-

падно-русскому народу, въ отношенія болѣе сильнаго и широкаго вліянія на западную Русь. Люблинская унія открыла свободныя двери въ Литву всѣмъ полякамъ. Съ этой точки зрѣнія, послѣдняя унія была замѣчательно твердымъ шагомъ осуществленія давно уже выхоленной идеи польскаго правительства о подчиненіи литовско-русскаго народа Польшѣ и вмѣстѣ шагомъ, приближающимъ этотъ народъ и его церковь къ той эпохѣ ихъ существованія, которая означилась въ 1596 г. крупнымъ переломомъ до-толѣшней церковно-религіозной ихъ жизни. Правда, унія была жестокимъ насиліемъ Польши и позорнымъ униженіемъ Литвы, была согласіемъ меньшинства и совершена съ большимъ усиленіемъ со стороны Сигизмунда-Августа²⁾; тѣмъ не менѣе она осуществилась, и Литва и Польша со времени ея начала составили Рѣчь посполитую. Но соединенныя формально двѣ народности не имѣли прочной внутренней связи, ибо были чужды другъ другу по самому важному въ жизни—по религіи. Литовско-русскій народъ исповѣдывалъ православную религію, а въ Польшѣ процвѣталъ католицизмъ. Нельзя, конечно, отрицать, что разновѣріе не можетъ препятствовать политическому развитію и укрѣпленію силъ двухъ народностей. Но дѣло въ томъ, что въ Рѣчи посполитой всегда практиковались искательства римскаго двора, съ цѣлію вытѣснить греческую религію изъ русскихъ областей и привить свои религіозныя начала. Виды Рима на русскую церковь, оставшіяся безуспѣшными въ продолженіи вѣковъ, съ 1569 г. стали приближаться къ желанному результату. Приверженность Польши къ Риму, засвидѣтельствованная всей ея исторіей, ручалась за осуществленіе желаній папскаго престола, а высокое положеніе польскаго духовенства, занимавшаго мѣста въ сенатѣ,—положеніе, съ котораго оно часто давало тонъ дѣламъ всего государства, увеличивало успѣхъ въ дѣлѣ латинизаціи литовско-русскаго народа.

Трудно рѣшить, какъ-бы далеко зашла эта готовность Польши служить Риму и насколько ускорила-бы тотъ переломъ жизни западно-русской церкви, который совершился въ 1596 г., если-бы въ концѣ первой половины XVI в. не явилось протестантство, нѣсколько измѣнившее, правильнѣе сказать, остановившее общее

теченіе дѣлѣ въ Литвѣ и Польшѣ. Протестантство своею новизною обратило на себя вниманіе всего литовско-польскаго латинскаго духовенства и на время отвлекло его отъ латинизаціи западно-русскаго народа. Хотя польское правительство и сдѣлало распоряженія противъ протестантовъ, тѣмъ не менѣе замѣчательныя успѣхи его до того шли быстро, что даже высшіе латино-польскіе іерархи не устояли противъ него, не говоря о низшемъ духовенствѣ, отъ перехода котораго въ протестантство замѣтно пустѣли монастыри и приходы ³). Латинская церковь въ Польшѣ была въ печальномъ положеніи; о церкви русскои у нея не могло быть и рѣчи. На дѣлѣ, однако, вышло совсѣмъ иное. Въ 1564 году, по приглашенію ученаго польскаго кардинала Гозія, архіепископа Вармійскаго, въ Польшѣ появились іезуиты и въ самое короткое время успѣли сдѣлать многое во вредъ протестантству. Такъ какъ реформаціонныя идеи развивались не только въ Польшѣ, но и въ Литвѣ, то виленскій бискупъ Валеріанъ Протасевичъ, для противодѣйствія кальвинскимъ и другимъ сектантамъ, пригласилъ достойныхъ учениковъ Лойолы и въ Литву (въ сентябрь 1569 г.). Здѣсь они прежде всего старались заслужить расположеніе народа, враждебныя чувства коего къ нимъ были имъ извѣстны. Для этого они выступали предъ народомъ въ самыхъ симпатичныхъ роляхъ безкорыстныхъ наставниковъ, ревностныхъ проповѣдниковъ, самоотверженныхъ подвижниковъ, благотворителей и т. д. Но и въ школахъ, и въ церкви и вездѣ, гдѣ можно было, на первомъ планѣ являлась истина латинства и нечестіе иновѣрцевъ. Этимъ послѣднимъ чаще и чаще давались чувствовать оскорбленія ихъ религіи какъ въ процессіяхъ и диспутахъ, такъ и въ проповѣдяхъ. Своими проповѣдями іезуиты возбуждали въ народѣ фанатизмъ къ защитѣ латинства. Въ этомъ отношеніи особенно прославились каноникъ Львовскій Петръ Скарга и Варшевицкій ⁴). Это была одна сторона дѣятельности отцовъ іезуитовъ,—сторона, такъ сказать, демократическая. Болѣе тонкой и незамѣтной была аристократическая ихъ дѣятельность, сказывавшаяся, собственно, въ результатахъ.

Обладая ученостью, свѣтской выправкой и общественнымъ положеніемъ, іезуиты пролагали себѣ дорогу въ дома магнатовъ и вельможъ и тутъ со свойственнымъ имъ тактомъ проводили идеи латинства ⁵⁾. Результатомъ этой дѣятельности было то, что жаркіе поборники протестантства, каковы были, наприм., сыновья Радзивила Чернаго, извѣстный Левъ Сапѣга, Иванъ Ходкевичъ, Иванъ Чарторійскій, Самуиль Сангушка, Заславскій и др., приняли католичество. Но, направляя свое искусство противъ протестантовъ ⁶⁾, іезуиты въ тоже время очень ловко забрасывали свои сѣти и на православныхъ. Сначала они стараются изучить православіе, измѣрить его силу, узнать его слабыя стороны и пока наступаютъ очень нерѣшительно. Но съ правленіемъ Стефана Баторія (1576 г.), дѣятельность іезуитовъ развивается при участіи самого польскаго правительства; іезуиты приобрѣтаютъ въ немъ вѣрнаго поборника своихъ плановъ, защитника и покровителя. Желая объединить не легко примиримые элементы литовско-польскаго государства, Баторій полагалъ, что лучшимъ для этого средствомъ будутъ іезуиты, которые закрѣпятъ литовско-польскій союзъ распространеніемъ въ Литвѣ польскаго образованія и латинской вѣры. Поэтому онъ обласкалъ іезуитовъ и виленскую ихъ коллегію возвелъ на степень академіи. Видя на своей сторонѣ симпатіи народа и покровительство короля, іезуиты теперь смѣло выступаютъ съ своими латинизаторскими планами и по отношенію къ православнымъ. Но они встрѣчаютъ на этомъ пути глубокую преданность своей вѣрѣ, твердость убѣжденій православныхъ и потому неожиданную для нихъ невозможность совращенія русскихъ въ латинство. Для іезуитовъ, какъ извѣстно, не существовало преградъ. Если нельзя было прямо обратиться въ латинство, то слѣдовало найти окольный путь къ цѣли. Этотъ путь и была церковная унія. Для нея-то надо было подготовить русскихъ, религіозныя качества которыхъ отчасти уже были извѣстны іезуитамъ. Задача не легкая, представлявшая много трудностей и преградъ, но обѣщавшая іезуитамъ благосклонность Рима и потому вдохновлявшая ихъ. Горячая дѣятельность ихъ уве-

личивается еще болѣе положеніемъ тѣхъ обстоятельствъ, какія совпадаютъ съ царствованіемъ Стефана Баторія.

Извѣстно, что война съ Иваномъ Грознымъ была очень выгодна для Польши и завоеванія Баторія ослѣпили его: Въ минуты блистательныхъ успѣховъ онъ мечталъ завоевать все московское царство. Иванъ Грозный, въ критическихъ обстоятельствахъ этой неудачной для Россіи войны, обратился къ папѣ съ ходатайствомъ—быть посредникомъ между нимъ и Баторіемъ, давалъ понять своей просьбой, что для Рима отъ Россіи будутъ такія-же, если не большія выгоды, чѣмъ отъ Баторія какъ въ дѣлѣ союза противъ турокъ, такъ и въ дружественныхъ отношеніяхъ съ папѣ. Хотя Баторій и выслалъ уже папѣ планъ уніи, которую онъ распространить въ московскомъ царствѣ ⁷⁾, тѣмъ не менѣе просьба московскаго царя и іезуитамъ, и папѣ показала надежнѣе и полезнѣе для латинства. Папскій легатъ, іезуитъ Антоній Поссевинъ, тотчасъ получилъ изъ Рима приказаніе хлопотать о заключеніи мира между Баторіемъ и Грознымъ. Послѣдній къ этому только и стремился; когда же прекратилась война, не хотѣлъ и слышать объ уніи ⁸⁾. Когда надежды Рима и его агентовъ — отцовъ іезуитовъ на водвореніе уніи въ московскомъ государствѣ такъ неожиданно были уничтожены, то они тѣмъ болѣе обратили вниманіе на западную Россію. Здѣсь, по ихъ мнѣнію, должна быть сперва распространена унія, а отсюда ее можно пересадить и въ московское государство. «Поелику, говоритъ Поссевинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ папѣ, вѣра московскаго государства прежде сего зависѣла отъ той части Россіи, которая нынѣ подъ державою польскаго короля, то весьма-бы способствовало къ обращенію московскаго народа, еслибъ епископы или владыки королевской оной Россіи присоединились къ католической церкви. О семъ-то усиленно надлежало-бы стараться» ⁹⁾. И дѣйствительно, старанія было приложено достаточно и, прежде всего, со стороны королевской власти. Баторій въ 1579 году отдалъ іезуитамъ во владѣніе всѣ русскія церкви и монастыри въ Полоцкѣ, основалъ коллегію и для ея содержанія пожаловалъ много селъ и имѣній ¹⁰⁾, а въ 1582 году открылъ такую-же коллегію въ Ригѣ. Кромѣ

этихъ двухъ, имѣли еще коллегіи въ Несвижѣ — имѣніи князя Николая Радзивила, основанную въ 1585 г., и въ Ярославлѣ (нынѣ мѣстечко Люблин. губ.), основанную еще въ 1571 г. Но самымъ важнымъ пунктомъ, такъ сказать, фокусомъ іезуитскаго просвѣщенія была, безъ сомнѣнія, Виленская академія, имѣвшая въ 1584 г. уже 54 іезуита и 700 воспитанниковъ ¹¹⁾. Если принять во вниманіе, что, кромѣ перечисленныхъ нами, у іезуитовъ было еще много другихъ училищъ и семинарій, то понятны будутъ средства, какими могли располагать іезуиты. Дѣйствуя въ пользу своихъ плановъ при помощи школъ, науки и просвѣщенія, іезуиты издали много книгъ. Упомянутый нами Антоній Поссевинъ издалъ на русскомъ языкѣ нѣсколько сотъ латинскихъ катехизисовъ, которые предназначались для православныхъ. Въ 1581 г. въ Вильнѣ издано первое извлеченіе изъ подложнаго сочиненія Геннадія Схоларія — Апологіи флорентійскаго собора о происхожденіи Св. Духа, въ 1582 г. въ Римѣ на русскомъ языкѣ катехизисъ Петра Канизія, а въ 1585 г. въ Вильнѣ изданъ былъ переведенный съ латинскаго «Катехизисъ или наука всѣмъ православнымъ христіанамъ»; изданы были также сочиненія іезуита каплана Гербеста, Станислава Радзивила и многія другія ¹²⁾. Дѣятельнымъ сотрудникомъ Поссевина былъ іезуитъ Петръ Скарга. О волненіи по поводу его сочиненій между православными львовское братство писало даже константинопольскому патріарху ¹³⁾. Кромѣ печатнаго слова, іезуиты, какъ въ свое время въ средѣ протестантовъ, дѣйствовали на православныхъ и устнымъ способомъ. Не ограничиваясь проповѣдью, они разжигали религіозныя чувства народа открытыми состязаніями о предметахъ вѣры. Лучшие люди того времени, какъ, напр., князь Курбскій, сознавали всю силу и значеніе этихъ диспутовъ и потому предупреждали своихъ уклоняться отъ нихъ или, если заставить необходимость, идти на диспутъ съ учеными ¹⁴⁾. Іезуиты старались заводить также братства и обратили кромѣ этого свое вниманіе на, такъ называемый, патронатъ.

Со свойственною имъ проницательностію іезуиты отлично понимали, что вся внѣшняя сила западно-русской церкви заключа-

ется въ патронатѣ, т. е. въ наследственномъ правѣ православныхъ дворянъ благоустроить, обезпечивать и охранять извѣстный монастырь и церковь (*jus donandi, jus praesentis, jus praesentandi* и *jus patronandi*). Ясно было имъ, что вѣрный защитникъ православной церкви могъ-бы быть ихъ покорнымъ слугою, если подорвать въ немъ любовь къ православію и переманить на свою сторону; тогда права патроната для блага церкви стали-бы средствомъ для пользы латинства. Расчетъ былъ вѣренъ. Къ несчастію православныхъ, нѣкоторыхъ изъ ихъ патроновъ уже коснулась направленная ловкой рукой іезуитизма латинизація и нерадѣніе о церкви явно сказывалось въ ихъ дѣйствіяхъ. Другимъ подспорьемъ для іезуитовъ было то, что въ русскихъ областяхъ въ числѣ патроновъ были поляки, конечно, вѣрные слуги Рима и братья отцамъ іезуитамъ по ремеслу ¹⁵). Опираясь на эти средства, не безъ содѣйствія, конечно, королевской власти, іезуиты старались, гдѣ можно было, возводить на православныхъ каѳедры такихъ людей, которые по своимъ качествамъ могли-бы соответствовать ихъ цѣли. Такимъ образомъ, на православныхъ епископскихъ каѳедрахъ очутились такіе недостойные іерархи, какъ Θεодосій Лазовскій, епископъ Холмскій, потомъ—Брестскій, Іона Красенскій, епископъ Луцкій, Леонтій Пельчинскій, Діонисій Збируйскій и мног. др. ¹⁶).

Заручившись въ высшей іерархіи православной церкви людьми, готовыми поддерживать дѣло латинизаціи, іезуиты перемѣняютъ образъ своихъ дѣйствій и пропаганду въ средѣ частныхъ людей переносятъ на почву жизни всей православной западно-русской церкви. Поводомъ къ этому послужило издание въ 1582 г. новаго григоріанскаго календаря. Этотъ случай далъ іезуитамъ возможность стать, какъ говорится, лицомъ къ лицу съ народомъ, узнать, какъ онъ мыслить, вѣрить и относится къ своей вѣрѣ и церкви.

Булла папы Григорія XIII (отъ 13 февр. 1582 г.) о введеніи новаго календаря была для іезуитовъ и вообще ревнителей латинства весьма благопріятнымъ обстоятельствомъ въ дѣлѣ религіознаго сближенія православныхъ и латинянъ; нельзя было не восполь-

зваться имъ. Поэтому іезуиты выпросили у короля универсалъ, которымъ предписывалось ввести новый календарь во всемъ литовско-польскомъ государствѣ. Энергія, съ какою они приводили въ исполненіе приказаніе короля или, правильнѣе сказать, съ какою они взялись осуществлять предначертаніе собственныхъ плановъ; ибо іезуиты измѣнили смыслъ королевской грамоты, вызвала сильное волненіе въ народѣ. Народъ не могъ не видѣть въ поступкахъ іезуитовъ посягательства на свою вѣру и потому на введеніе календаря отвѣтилъ сильнымъ противодѣйствіемъ. Замѣчательно, что придавая на словахъ очень мало значенія введенію новаго календаря, чтобы тѣмъ легче склонить православныхъ къ этой quasi-незначительной для вѣры уступкѣ,— на дѣлѣ, за отказъ принять новый календарь, іезуиты запирали и печатали церкви. Поэтому-то впоследствии православные и писали: «поселику римляне принятіе календаря почитаютъ дѣломъ маловажнымъ, говоря, что оно не есть догматъ вѣры и не относится ко спасенію, то имъ поэтому и нечего домогаться отъ насъ принятія его, и они не имѣютъ причины негодовать на насъ, если мы не угождаемъ имъ въ томъ, что они сами считаютъ маловажнымъ»¹⁷⁾. Надо замѣтить, что западно-русскій народъ въ дѣлахъ вѣры всегда обращался за совѣтомъ къ константинопольскому патріарху. Теперь было тоже самое. Князь К. К. Острожскій написалъ патріарху Тереміи о новомъ календарѣ и просилъ наставленій; тотъ отвѣчалъ, чтобы православные твердо стояли за исчисленіе, установленное на первомъ вселенскомъ соборѣ¹⁸⁾.

Мы не будемъ болѣе останавливаться на изображеніи борьбы народа съ іезуитами по поводу введенія новаго календаря, а перейдемъ къ тому, что вынесли іезуиты изъ этой борьбы. Въ столкновеніи іезуитовъ съ русскимъ народомъ сказалась въ послѣднемъ прежде всего та черта его, что онъ свято чтить старину, глубоко дорожилъ преданіемъ ея, охранялъ и берегъ ее, какъ священнѣйшее въ своей жизни. Посягнуть на отеческое преданіе—это значило задѣть жизнь народа, потому что преданіе лежало у него въ основѣ какъ частнаго семейнаго,

такъ и общественнаго быта. Поэтому-то въ перемѣнѣ лѣтосчисления народъ видѣлъ измѣненіе своей вѣры, своей жизни. Онъ еще не зналъ, чего хотѣлось достигнуть перемѣной календаря, для него непонятны были латинизаторскія комбинаціи, руководившія поборниковъ католицизма, онъ зналъ только, что священная отеческая старина святотатственно измѣняется, терпитъ отъ нововведеній и требуетъ защиты. Полагая въ ней основу своей жизни, народъ черпалъ изъ нея же право ея защиты и мы увидимъ въ исторіи уніатскихъ соборовъ, что онъ никогда не выходилъ изъ круга отеческаго преданія и вѣнъ его не искалъ опоры для своихъ правъ и требованій въ области церковной жизни¹⁹⁾. Эта черта западно-русскаго народа стала ясной поборникамъ латинства въ попыткѣ сблизить православныхъ съ католиками. Не могли они также не замѣтить и того высокаго уваженія къ авторитету восточныхъ патріарховъ, какое западно-русскій народъ всегда оказывалъ имъ, обращаясь въ затруднительныхъ случаяхъ за наставленіями и совѣтами. Іезуитамъ, а съ ними и всѣмъ ревнителямъ латинства, стало очевидно, что дѣло окатоличенія русскаго народа не можетъ имѣть успѣха, если начало его полагать въ жизни народа, что послѣдній слишкомъ крѣпокъ въ своей преданности старинѣ, чтобы колебать въ немъ вѣру въ нее, что, слѣдовательно, надо искать другаго пути для уніи западноруссовъ съ Римомъ. Если этотъ путь лежитъ въ средѣ народа, то, по расчету іезуитовъ, какъ оказалось впоследствии, весьма правильному, слѣдуетъ его искать въ средѣ высшихъ представителей православной церкви. Для этого необходимо прежде всего ослабить уваженіе къ авторитету константинопольскаго патріарха, чтобы тѣмъ легче замѣнить его въ дѣлѣ уніи авторитетомъ папы и найти людей предубѣжденныхъ противъ патріарха и болѣе склонныхъ видѣть во главѣ церковнаго управленія западно-русской церкви вмѣсто него папу²⁰⁾.

Въ бѣгломъ взглядѣ на внѣшнее состояніе народа, его пастырей и церкви мы покажемъ, какъ достигался этотъ планъ людей, подготовлявшихъ унію.

Каково было ви́шнее положеніе западно-русскаго народа предъ Брестскимъ соборомъ 1596 года? Положеніе его было очень незавидное, чтобы не сказать болѣе. Уже Люблинская унія, имѣвшая въ своихъ послѣдствіяхъ преобладаніе польскаго вліянія во всѣхъ дѣлахъ западно-русскаго народа, не обѣщала ему спокойнаго будущаго. Демократическое православное населеніе юго-запада, строго державшееся племенныхъ началъ, восточнаго православія и преданій старины, не гармонировало съ латинскими аристократами, своими сосѣдями, въ жизни которыхъ на первомъ планѣ были начала запада и тяготѣніе къ Риму. Чего могъ ожидать западно-русскій народъ отъ магнатовъ Рѣчи посполитой? Онъ могъ ожидать всего, но очень мало хорошаго для себя. Деспотизмъ, пограніе личныхъ правъ и свободы, притѣсненія разнаго рода—вотъ что дала ему Люблинская унія вмѣсто законныхъ привилегій равноправности посполитства. Выгоды сильныхъ насчетъ слабости бѣдняковъ и бѣдствія послѣднихъ обокъ съ польскимъ магнатствомъ—вотъ знаменатель, къ которому подводилось матеріальное состояніе западно-русскаго народа. Въ общественномъ отношеніи—это было *bydło*, по выраженію магнатовъ. Вѣра его—это *chłopska wiara*, по мнѣнію тѣхъ же магнатовъ, стоящая ниже всякой критики²¹⁾. Вообще надо замѣтить, что тогдашнему состоянію западно-русскаго народа трудно отыскать въ исторіи параллель. Какъ будто нарочно эпоха эта избрана для того, чтобы живописать жизнь народа одними только черными красками. Состояніе религіознаго просвѣщенія и нравственности народа было, за малыми исключеніями, почти таково же, какъ матеріальное и общественное его положеніе. Носители религіи, пастыри западно-русскіе, не могли оправдывать своего назначенія. Правда, было не мало причинъ, такъ или иначе подрывавшихъ отеческое попеченіе пастыррей о своихъ пасомыхъ, сильна была польская пропаганда, тушевавшая усердіе лучшихъ изъ нихъ²²⁾, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ ни къ мѣсту это случилось, видѣнъ былъ упадокъ пастырскаго служенія.

Религіозное просвѣщеніе было въ упадкѣ, потому что священники православные сами были люди темные, не ученые,

занимавшіе священническія мѣста прямо изъ мельниковъ да лакевѣ магнатовъ и всецѣло зависѣвшіе отъ нихъ²³). Что могъ сдѣлать такой пастырь для пасомыхъ своими, напр., проповѣдническими трудами въ то время, когда диспуты и проповѣди іезуитовъ имѣли такихъ авторовъ и ученыхъ, какими были Антоній Поссевинъ и Петръ Скарга?²⁴) У православныхъ едва начиналось знакомство съ наукою и школою, а латинство, какъ мы видѣли, владѣло уже десятками коллегій. Православные священники едва умѣли читать, а іезуитамъ знакомы были всѣ тонкости латинской казуистики.

Что касается православныхъ монастырей, то отъ нихъ церковь также не могла ожидать многого для себя. Монастыри, въ другое время лучшіе расадники религіознаго просвѣщенія, образцы вѣры и нравственности, въ изображаемый нами періодъ теряютъ свое высокое значеніе и назначеніе для жизни народной. Духъ времени проникъ и въ эти укромные уголки свѣта православія и тутъ на первомъ мѣстѣ стоитъ забота о помѣстьяхъ, о земляхъ и т. п.²⁵). Если на священническія мѣста папы назначали кого нибудь изъ своей «челяди», то короли-латиняне отдавали монастыри людямъ, далеко не соответствовавшимъ своему назначенію²⁶). Начальствовали въ нихъ свѣтскія лица, а то въ одно и то же время было два начальника, имѣвшіе право поставлять отъ себя намѣстниковъ. Саме собою разумѣется, жизнь и благосостояніе монастырей сильно терпѣли отъ такой неурядицы²⁷). Богатыя помѣстья монастырей, поступая въ пользу ихъ настоятелей и оплачивая разныя повинности²⁸), разорались; заботы о поддержкѣ монастырей не было; монашество менѣ всего удовлетворяло своему призванію. Все это не могло не ослабить ревности и усердія православныхъ къ монастырямъ. Число монастырей поэтому уменьшалось, новые строились рѣдко и значеніе ихъ падало все болѣе и болѣе²⁹). «Въ монастыряхъ честныхъ, писали галицко-русскіе православные дворяне кievскому митрополиту Онисифору, вмѣсто игуменовъ и братіи, игумены съ женами и дѣтьми живутъ, и церквами святыми владѣютъ и радятъ; съ крестовъ великихъ малые чинятъ и съ того што было Богу чести

и хвалѣ подано, съ того святокрадьство учинено и себѣ поясы и ложки и сосуды злочестивые къ своимъ похотямъ направують, и изъ ризъ саяны, съ метрахилевъ—брамы³⁰⁾.

Каковы были православные іерархи того времени, можно видѣть изъ того, что ими не были люди, готовившіеся къ этому высокому сану. Епископомъ могъ быть всякій дворянинъ, чѣмъ-либо заслужившій вниманіе и милость короля или получавшій отъ него грамоту на епископство по прояскамъ магнатовъ. Епископскія каѳедры въ рукахъ короля, за неимѣніемъ другихъ средствъ, были источникомъ, которымъ оплачивались заслуги магнатовъ, а въ рукахъ послѣднихъ онѣ были ни болѣе ни менѣе какъ статьей дохода и наживы. Случалось и такъ, что имѣнія известной епископской каѳедры заполучали два лица вмѣстѣ и тогда споръ между этими нареченными епископами рѣшался въ жаркой баталіи ихъ слугъ, при чемъ епископская резиденція бралась приступомъ. Въ этихъ схваткахъ нерѣдко участвовали и сами нареченные епископы. Раньше мы упоминали имена епископовъ, съ правленіемъ которыхъ западно-русская православная церковь соединяетъ черныя страницы своей исторіи. Всѣ они имѣли образцомъ своей жизни жизнь польскихъ магнатовъ съ ея великосвѣтской обстановкой, съ ея замками, охраннымъ войскомъ и т. д. Это были настоящіе вассалы, занимавшіеся разбоемъ и грабежами, а не дѣлами паствы³¹⁾. Да и могла ли имѣть мѣсто забота о паствѣ при такомъ порядкѣ вещей? Не преувеличивая можно сказать, что православные переносили столько же обидъ и насилій отъ своихъ епископовъ, сколько и отъ польскихъ магнатовъ. Вмѣсто поддержки православія, много терпѣвшаго отъ корелей, магнатовъ и іезуитовъ, и въ силу этого день ото-дня терявшаго своихъ чадъ во всѣхъ слояхъ общества, вмѣсто поддержки, говоримъ, въ управленіи епископовъ замѣчается характеръ деспотизма по отношенію къ пасомымъ, равнодушіе къ интересамъ церкви, а то прямо дѣйствование за одно съ польскимъ правительствомъ. Православные епископы печатаютъ церкви, запрещаютъ богослуженіе и т. п.³²⁾. Отчета въ своихъ дѣйствіяхъ они никому не отдають, да правду говоря, и

некому было отдавать его. Митрополиты жили такъ, какъ будто у нихъ не существовало болѣе обязанностей, какъ только заботы о собственныхъ выгодахъ. Только изрѣдка они проявляютъ блѣдную въ виду тогдашняго состоянія православной церкви дѣятельность³³). Таковы были Сильвестръ Белькевичъ, Іона Протасевичъ и Ілія Буча. Что касается правленія митрополита Онисифора (Дѣвочки), то для характеристики его дѣятельности мы обращаемся къ грамотѣ галицко-русскихъ дворянъ къ митрополиту, писанной въ 1585 году изъ Варшавы. «Хотя вашу милость старшимъ своимъ имѣемъ, однако в. м. не заботился о томъ, чтобы словесныхъ овецъ своихъ отъ губительныхъ волковъ оборонять... Во время пастырской вашей милости довольно всего злого въ нашемъ законѣ сталося: насилія святыни, замыканіе св. таинъ, запечатаніе церквей, запрещеніе звонить, выволакиваніе отъ престола изъ церквей Божіихъ поповъ и какъ будто бы злодѣевъ сажаютъ ихъ въ тюрьмы, а мірскимъ людямъ запрещаютъ въ церквахъ Божіихъ молиться... Но этого мало: рубятъ кресты святыя, захватываютъ колокола въ замокъ, отдаютъ ихъ въ распоряженіе жидамъ и еще в. м. листы свои отертыя противъ церквей Божіихъ жидамъ на помощь даешь... Изъ церквей дѣлаются іезуитскіе костелы... Но что еще хуже—в. м. поставляешь однихъ епископовъ безъ свидѣтелей и безъ насъ, братіи твоей, что и правила запрещаютъ, вслѣдствіе чего негодные люди становятся епископами и на столицахъ съ женами своими живутъ безъ всякаго стыда и дѣтокъ плодятъ... и другихъ, и другихъ, и другихъ бѣдъ великихъ и нестроенія множества!³⁴). Таково было состояніе православной церкви предъ униєю 1596 года.

Но это была, такъ сказать, одна сторона медали. Посмотримъ на другую. Видя несостоятельность пастырей въ дѣлѣ своего призванія, видя бѣдствія, переживаемыя церковью, неся и въ собственной жизни крестъ долгихъ страданій, западно-русскій народъ становится ближе къ кормѣ церковнаго управленія, хочетъ самъ принять участіе въ немъ, сбросить съ себя пассивную роль наблюдателя. Оскорбленная честь и разочарованіе въ собственныхъ руководителяхъ вызываютъ къ дѣятельности теплившіяся

въ глубинѣ его души силы; дѣйствія іезуитовъ раздувають это пламя народной дѣятельности. И вотъ православныя братства³⁵⁾, имѣвшія до сихъ поръ заботой только внѣшнее благолѣпіе церкви, расширяютъ по отношенію къ ней свою попечительность. Теперь они стараются поднять внутреннюю власть церкви, возвысить ея влияние на народъ и тѣмъ защитить свою вѣру отъ подтачивавшаго ее все болѣе и болѣе іезуитизма и католичества. Но раны, нанесенныя пропагандой іезуитовъ, были очень велики. Онѣ коснулись не только жизни народа, но и высшихъ іерарховъ, слѣдовательно, братствамъ предстояла трудная задача исправить недостатки самихъ пастырей. Но для этого необходимо было законное право, которымъ братства не владѣли. Правда, въ этомъ, такъ сказать, коллективномъ патронатѣ были членами высокія лица, сильныя своей властью, но все таки не имѣвшія права законно контролировать іерарховъ и исправлять ихъ. Въ этомъ случаѣ братствамъ незамѣнимую услугу оказали восточные патріархи. Такъ, въ 1586 г. антиохійскій патріархъ Іоакимъ, во время пребыванія своего въ Галиціи, по порученію патріарха константинопольскаго Іеремія II, далъ львовскому братству грамоту, въ силу которой за нимъ признавалось право наблюденія не только за мірянами и священниками, живущими не по закону Божию, но и за поведеніемъ своего епископа³⁶⁾. Въ 1588 г. тоже самое сдѣлалъ уже самъ патріархъ Іеремія для вѣленскаго братства³⁷⁾, а львовскому братству далъ при этомъ право ставропигии, т. е. непосредственной зависимости отъ себя³⁸⁾. По этому праву жизнь и дѣятельность братства опредѣлялась однимъ только патріархомъ и хотя братство подлежало власти митрополита, но только какъ власти патріаршаго экзарха. Такимъ правомъ пользовались и другія братства, какъ напр., смоленское³⁹⁾. Съ этихъ поръ дѣятельность львовскаго братства простирается на все пространство юго-западной церкви и ему поручается наблюденіе за монастырями, церквами, епископами, священниками и мірянами церкви⁴⁰⁾. Такимъ образомъ, недостающее братствамъ законное право исправленія жизни церкви было удовлетворено константинопольскимъ патріархомъ и одиночное, личное знаніе лучшихъ людей неудовлетворительности текущаго поряд-

ка жизни, соединенное въ братствахъ, придало церковному управленію характеръ общинный. Братства принимаютъ на себя трудную задачу обновленія жизни западно-русской церкви и не выступаютъ одни въ своей дѣятельности; значеніе силы братствъ было понято также литовско-русскими патронами и они, дѣйствуя до сихъ поръ отдѣльно, примыкаютъ теперь къ братствамъ такъ, что дѣятельность ихъ сливается съ дѣятельностію братствъ. Во главѣ братствъ и патроната стоитъ знаменитый поборникъ православія, князь Константинъ Константиновичъ Острожскій. Дѣятельность братствъ въ ближайшее къ уніи время представляетъ такое явленіе въ жизни западно-русской церкви, равнаго которому мы не встрѣчаемъ въ ея прошломъ. Пробудившіяся силы народа старались наверстать духовное усыпленіе прежняго времени и порывъ ихъ дѣятельности разрѣшился какъ нельзя лучшими для разсматриваемаго періода жизни церкви послѣдствіями. При братствахъ появились училища, напр., виленское, острожское, львовское; поднялось духовное просвѣщеніе, стали издаваться книги. Попеченіемъ кн. Острожскаго въ 1580 г. издана была первая Библия на славянскомъ языкѣ въ г. Острогѣ, а въ Вильнѣ (въ 1581 г. и слѣд. годахъ) изданы были псалтырь, октоихъ, служебникъ и пр.⁴¹⁾

Такимъ образомъ, рядомъ съ чернымъ, непригляднымъ состояніемъ западно-русской церкви въ данное время мы видимъ и свѣтлыя стороны ея жизни. Въ противовѣсъ іезуитизму и католичеству выступаетъ дѣятельность братствъ, навстрѣчу безпорядкамъ и злоупотребленіямъ, произведеннымъ въ православной церкви поборниками латинства, въ ней-же самой занимается заря новаго порядка жизни. Все это ясно показываетъ, что православная церковь еще не такъ слаба, какъ это можно было-бы предполагать въ виду испытанныхъ ею бѣдствій, что ея силы, надламывавшіяся въ продолженіи долгаго времени, какъ-бы по сговору короля съ его латинскимъ посолитствомъ и іезуитами, еще очень живучи, что унія—ключъ страданій православной церкви и источникъ вдохновенія поборниковъ латинства—будетъ имѣть

упорное противодѣйствіе себѣ, такъ какъ подготовленные ревнителями уніи безпорядки въ западно-русской церкви не суть еще залогъ ея успѣха ⁴²).

Дѣйствія іезуитовъ и вообще поборниковъ латинства, вызвавшія лучшей порядокъ жизни западно-русской церкви къ 90 годамъ XVI в., дали имъ возможность любоваться прекрасными цвѣтами своихъ трудовъ; осталось, повидимому, сдѣлать немного, чтобы воспользоваться и самими плодами ихъ. Обстоятельства содѣйствовали тому. Въ средѣ православныхъ къ этому времени ярко обозначились двѣ партіи. Одна изъ нихъ, чтобы остаться вѣрной религіи предковъ, готова была на всякую жертву для православія, другая, которую продолжительная религіозная борьба утомила, согласна была ради выгодъ на всякія сдѣлки съ латинствомъ. Къ первой партіи, какъ мы видѣли, принадлежалъ народъ, лучшие представители блага духовенства и матроны; ко второй—нужно отнести, какъ ни страннымъ это кажется, членовъ высшей церковной іерархіи ⁴³). Въ этой послѣдней іезуиты вмѣстѣ съ польскимъ правительствомъ, во главѣ котораго, кстати замѣтимъ, стоялъ Сигизмундъ III, креатура ихъ-же самихъ, и нашли людей, пригодныхъ для осуществленія послѣдняго пункта цѣли ихъ стремленій.

Посмотримъ, что выдвинуло такихъ людей и заставило ихъ измѣнительски попать свою религію, какое содѣйствіе оказало этимъ новымъ ревнителямъ уніи въ ихъ дѣлѣ польское правительство, какъ отнеслись къ нимъ другіе іерархи православной церкви и вообще какъ велось дѣло уніи, разрѣшившееся Брестскимъ соборомъ 1596 г.?

Въ 1589 году, по приглашенію великаго ревнителя православія, князя Острожскаго, константинопольскій патріархъ Іеремія II прибылъ въ подвѣдомственную ему западно-русскую церковь для исправленія увеличившихся въ ней безпорядковъ. Первое, что сдѣлано патріархомъ, было низложеніе митрополита Онисифора, какъ двоеженца, и назначеніе на его мѣсто минскаго архимандрита Михаила Рагозы ⁴⁴), на что и выданы были послѣднему двѣ грамоты короля отъ 27 іюля 1589 г. ⁴⁵). Кромѣ этого,

какъ мы видѣли, патріархъ утвердилъ братства, низложилъ настоятеля Супрасльскаго монастыря Тимофея Злобу, виновнаго въ убійствѣ ⁴⁶⁾ и, что очень важно, желая имѣть вполнѣ довѣреннаго себѣ человѣка, избралъ своимъ экзархомъ западно-русской церкви Луцкаго епископа Кирилла Терлецкаго ⁴⁷⁾, очень ревностнаго и достойнаго тогда іерарха. Казалось, патріархомъ сдѣлано все, что можно было сдѣлать добраго, чтобы доставить жизни церкви порядокъ и благоустройство. Низложеніе митрополита-двоеженца и назначеніе новаго, котораго, какъ говорилъ Сигизмундъ, «панове рада и рицарство великаго княжества Литовскаго» избрала, были дѣйствіями очень благодѣтельными, потому что уничтожали соблазнъ въ церкви и дали ей главой одного изъ лучшихъ людей того времени. Права, наданныя братствамъ, особенно права ставропигии, были тоже очень кстати; съ ними братства расширяли свою дѣятельность. Учрежденіе должности экзарха было дѣломъ необходимымъ. Патріарху, жившему вдали отъ Россіи, нужно было имѣть хоть одного близкаго человѣка. Такимъ образомъ дѣйствія патріарха, говоримъ, были очень благопріятны для западно-русской церкви. Между тѣмъ въ нихъ-же крылась одна изъ причинъ, ускорившихъ принятіе уніи западно-русскими іерархами. Должность экзарха была новою въ западно-русской церкви; съ нею соединялась власть бѣльшая той, каковую имѣлъ митрополитъ, такъ что учрежденіемъ экзархата патріархъ явно давалъ знать митрополиту, что онъ ему не довѣряетъ. Въ самомъ дѣлѣ, патріархъ далъ Терлецкому такую-же грамоту, каковую далъ гораздо раньше митрополиту ⁴⁸⁾. Послѣдній не могъ не видѣть, что отъ него отнимается власть, или, по крайней мѣрѣ, она умалется. Такъ или иначе, во всякомъ случаѣ поступокъ патріарха былъ оскорбленіемъ для митрополита и не могъ не подорвать въ послѣднемъ хорошихъ отношеній къ первому. Если-же принять во вниманіе, что патріархъ еще при поставленіи Михаила ⁴⁹⁾ высказалъ свое сомнѣніе въ немъ, то будетъ ясно, почему митрополитъ не хотѣлъ пополнить расходовъ, понесенныхъ патріархомъ въ Литвѣ. Пусть даже въ послѣднемъ случаѣ будутъ имѣть мѣсто своеобразныя виды митрополита, а не личное его неудовольствіе про-

тивъ патріарха, все-таки отношенія между ними были уже ненормальны. А это было очень важно для враговъ западно-русской церкви. Учрежденіе братствъ и надѣленіе ихъ правами ставропигіи, безъ сомнѣнія, одно изъ лучшихъ дѣйствій патріарха, хорошо понявшаго положеніе дѣлъ въ западно-русской церкви. Но не такъ понимали дѣло западно-русскіе іерархи ⁵⁰). Они видѣли въ братствахъ нарушеніе своей власти и за учрежденіе ставропигіи негодовали на патріарха ⁵¹). Это неудовольствіе, происходившее, конечно, отъ того, что ставропигіальныя братства имѣли право контроля дѣйствій епископовъ, увеличивалось еще врагами православія, употреблявшими все мѣры, чтобы представить дѣйствія патріарха хоть сколько-нибудь неблаговидными, а положеніе епископовъ безвыходнымъ. Обвиняли патріарха въ вымогательствѣ ⁵²), подносили ему, какъ незнающему славянскаго языка, для подписи незаконныя грамоты, что: дѣлалъ даже Львовскій епископъ Геденонъ ⁵³) и, вообще, старались ослабить въ глазахъ православныхъ авторитетъ константинопольскаго патріарха и выставить на видъ безуспѣшность его дѣйствій въ западно-русской церкви.

Таковъ былъ путь, которымъ проводилось въ сознаніе народа предубѣжденіе, что зависимость православной церкви отъ патріарха мало приноситъ пользы, что патріархъ самъ служитъ причиною безпорядковъ ⁵⁴) въ ней и что, наконецъ, залогъ лучшаго будущаго церкви можетъ найти только въ *соединеніи съ Римомъ*. Эти идеи уснащались большими обѣщаніями и наградами тѣмъ людямъ, которые возьмутся уладить дѣло уніи. Текущую-же дѣйствительность поборники латинства постарались обставить всеобщимъ притѣсненіемъ. Церковь терпѣла отъ всѣхъ, кто только могъ оказать услугу латинянамъ въ этомъ отношеніи ⁵⁵). Заманчивость будущаго чувствовалась еще сильнѣе при горечи такого настоящаго. И эта горечь имѣла за собой рядъ бѣдствій двухъ-вѣковаго періода жизни церкви. Само собой понятно, что ловко подведенныя пружины іезуитизма привели многихъ къ мысли — положить конецъ этимъ бѣдствіямъ, купить миръ принятіемъ уніи.

И дѣйствительно, первый, кто высказалъ мысль объ уніи, былъ человекъ, перенесшій на себѣ всю тяжесть борьбы съ латинствомъ ⁵⁶) и (не безъ навѣта тѣхъ-же поборниковъ латинства) плохо понимавшій благодѣтельное значеніе братства. Это былъ львовскій епископъ Гедеонъ Болобанъ. Недовольный патриархомъ (патріархъ осудилъ Гедеона за преслѣдованія братства ⁵⁷) еще въ 1587 году и теперь поручилъ митрополиту и экзарху наблюдать за нимъ) и ведя постоянную борьбу съ львовскимъ братствомъ-ставропигіей патриарха, Гедеонъ нѣсколько разъ говорилъ объ уніи въ благоприятномъ для защитниковъ ея смыслѣ, но говорилъ о ней только какъ о *средствѣ* выйти изъ своего стѣсненнаго положенія.

Но Гедеону не суждено было пойти далѣе открыто выраженной симпатіи къ уніи. Привести ее къ желанному для латинянъ концу вышло на долю человека, которому менѣе всего это было прилично, — экзарху западно-русской церкви Кириллу Терлецкому ⁵⁸).

Терлецкій былъ почти въ такомъ-же положеніи, какъ и Болобанъ. Если послѣдній велъ борьбу съ латинствомъ и львовскимъ братствомъ, то Кириллъ много терпѣлъ отъ луцкаго правителя Александра Семанки ⁵⁹), отъ своихъ пасомыхъ и отъ родни бывшего его предмѣстника, епископа Красенскаго ⁶⁰). Надо замѣтить, что хотя положеніе этихъ людей было одинаково, но они не были друзьями. Гедеонъ, какъ извѣстно, оклеветалъ Кирилла предъ патриархомъ ⁶¹), а Кириллу поручено было наблюдать за Гедеономъ. Какъ у того, такъ и у другаго были свои причины къ взаимному неудовольствію. Между тѣмъ случай сблизилъ ихъ. Кириллъ, чтобы уладить свое дѣло о нападеніи его слугъ на патриаршаго протонотарія Григорія ⁶²), прибылъ къ митрополиту. Прибылъ сюда также и Гедеонъ по дѣлу о новыхъ правахъ, данныхъ львовскому братству. Здѣсь они примирились, высказавъ другъ другу свои неудовольствія противъ патриарха и рѣшили собрать частный соборъ въ Бельзѣ ⁶³), уговаривая и митрополита пріѣхать туда-же. Хотя послѣдній, не менѣе предубѣжденный противъ патриарха, ничего не имѣлъ противъ частнаго собора,

однако, въ виду участія мірянъ въ дѣлахъ церкви, необходимо было созвать открытый соборъ и вмѣсто Бельзы митрополитъ назначилъ его въ Брестъ ⁶⁴). Это однако не смутило Кирилла и Гедеона, и они еще съ двумя епископами — пинскимъ Леонтіемъ Пельчицкимъ и холмскимъ — Діонисіемъ Збируйскимъ, собрались въ 1590 году въ Бельзъ ⁶⁵). Прикрывая свои совѣщанія относительно уніи, собравшіеся въ Бельзъ епископы рѣшили жаловаться королю на православныхъ за притѣсненія, какія терпятъ отъ нихъ церкви (подразумѣвая подъ этими притѣснителями каждый своихъ противниковъ и вообще братства и патроновъ) ⁶⁶). Въ такой формѣ и представили они свое постановленіе брестскому собору. На дѣлѣ же, подъ цвѣтами сочувствія православной церкви, они хоронили православіе, «списавшись» на унію и выпрашивая этимъ давно обѣщанную милость польскаго правительства,—милость, которая улучшила-бы ихъ положеніе, такъ какъ отъ православія они не надѣялись ее получить. Въ то время, какъ брестскій соборъ изыскивалъ средства для искорененія золь въ церкви, Кириллъ все болѣе и болѣе утверждался въ намѣреніи измѣнить ей. Къ этому побудили его поступки луцкаго войскаго Ждана Боровицкаго (Бронеускаго) и старосты Семашки. Первый въ отсутствіи Кирилла, когда этотъ ѣздилъ лѣчиться въ Сандоміръ, расхитилъ все его имущество; когда-же Кириллъ принесъ на него жалобу князю Острожскому, то войскій оклеветалъ его и онъ принужденъ былъ защищаться отъ обвиненія въ самыхъ щекотливыхъ поступкахъ ⁶⁷). Князь Острожскій, прежде очень расположенный къ Кириллу, послѣ этого охладѣлъ къ нему. Эта неудача благотворно повліяла на Кирилла въ пользу уніи. Между тѣмъ Семашка въ 1591 году запретилъ православнымъ богослуженіе въ праздникъ Пасхи и 20 и 21 апрѣля, въ Страстную субботу и Свѣтлое Воскресеніе, держалъ Кирилла въ заключеніи, не давая ему даже пищи. Начатый потерпѣвшимъ процессъ окончился ничѣмъ ⁶⁸). Послѣ этого Кириллъ рѣшился поспѣшить съ принятіемъ уніи, находя въ ней средство избавиться отъ подобнаго рода пытокъ. Въ 1591 году онъ отъ лица своихъ единомышленниковъ составилъ слѣдующую грамоту: «Мы, нижеподписавшіеся епископы, желаемъ признавать

пастыремъ нашимъ и главою намѣстника св. Петра, святѣйшаго папу римскаго, отъ чего ожидаемъ великаго умноженія хвалы Божіей въ церкви Его святой; но, желая быть въ повиновеніи у святѣйшаго отца папы, мы жслаемъ, чтобы оставлены были намъ всѣ церемоніи службы и порядки, какіе издавна св. церковь наша восточная держитъ, и чтобы его королевская милость вольности намъ грамотами обезпечилъ, и артикулы, которые нами будутъ поданы; утвердилъ, а мы облызаемся быть подъ властію и благословеніемъ папы, и листъ этотъ съ подписью нашихъ собственныхъ рукъ и приложеніемъ печатей дали мы брату нашему старшему, отцу Кириллу Терлецкому, экзарху и епископу луцкому и острожскому»⁶⁹). Въ мартѣ мѣсяцѣ 1592 г. Сигизмундъ въ отвѣтъ на эту грамоту, издалъ привилей, въ которомъ выражаетъ свою благодарность епископамъ, согласившимся на унію, общааетъ имъ разныя преимущества и защиту отъ всякой опасности. Между прочимъ, общааетъ «пріумноженіе ласки, приданіе вольностей и свободъ» наравнѣ съ латинскимъ духовенствомъ каждому, кто склонится къ уніи⁷⁰). Недавній врагъ, староста Семашка примирился съ Кирилломъ и послѣдній могъ вполнѣ предаться дѣлу уніи.

Дѣйствительно, въ 1592 году дѣло уніи уже нашло себѣ сочувствіе у многихъ православныхъ. Не считая четырехъ епископовъ, подавшихъ грамоту королю, и міряне, въ виду крайнихъ беспорядковъ въ церкви, выражали готовность послѣдовать ихъ примѣру⁷¹). Нѣтъ сомнѣнія, что своимъ епископамъ готовы были подражать и подвластные имъ священники. Созываемые митрополитомъ соборы не достигали цѣли, а зло расло все болѣе и болѣе. Львовское братство, узнавъ о соглашеніи на унію епископовъ (хотя ему неизвѣстно еще было, кто именно далъ это согласіе) донесло объ этомъ патриарху, слезно прося его прислать экзарха въ Литву⁷²).

Между тѣмъ поборники уніи пустили въ ходъ еще одно средство. Разнеслась молва, что даже и самъ митрополитъ готовъ принять унію. Чтобы предотвратить подобные слухи, которые могли усилить начавшіяся въ народѣ волненія, митрополитъ поручилъ новопо-

ставленному епископу перемышльскому Михаилу Копыстенскому защищать его предъ народомъ ⁷³).

Къ этому времени въ числѣ людей, готовыхъ служить дѣламъ латинства, появляется новое лицо. Это былъ Адамъ Поцѣй, сенаторъ и каштелянъ брестскій, человекъ знатнаго рода и обширнаго образованія, назначенный на брестскую кафедру на мѣсто умершаго въ январѣ 1593 г. епископа Мелетія Хрентовича. По окончаніи образованія въ краковской академіи, Поцѣй долго служилъ у князя Радзивила, покровителя протестантовъ и въ это время самъ принималъ протестантство. Потомъ онъ былъ писаремъ у короля, судьей и, наконецъ, въ званіи сенатора, каштеляномъ брестскимъ. По женѣ онъ состоялъ въ близкомъ родствѣ съ княземъ Острожскимъ и пользовался его дружбою. Лѣтъ за 20 предъ поступленіемъ въ духовное званіе, онъ опять принялъ православіе ⁷⁴). Такой человекъ, какъ Поцѣй, въ данное время былъ незамѣнимъ для іезуитовъ и всего латинства. Что всѣ поборники уніи полагали большія надежды на Поцѣя, это показалъ покровитель ея Сигизмундъ, когда своею грамотою митрополиту Михаилу повелѣвалъ посвятить своего каштеляна въ епископы «ничимъ ся вымовлючи»,—безъ всякихъ возраженій ⁷⁵), которыя, вѣроятно, ожидались отъ митрополита. Между тѣмъ, посвященный заявилъ себя такимъ подвижникомъ, ревнителемъ вѣры и чуткимъ охранителемъ правъ церковныхъ, что Поцѣй и для православныхъ былъ такой-же надеждой, какъ и для латинянъ ⁷⁶). Но, какъ оказалось, первые пріобрѣтали въ немъ врага, ибо лицемеріе его скоро обнаружилось, а послѣдніе—вѣрнаго друга, ибо онъ сталъ на ихъ сторонѣ,—друга знатнаго, ученаго, пламенно преданнаго уніи. Всѣ эти преимущества, безъ сомнѣнія, были главной причиной, почему Терлецкій уступилъ Поцѣю свою роль, а вмѣстѣ съ нею, какъ ни досадно ему это было, пальму первенства въ дѣлѣ начатой уніи. Хотя Поцѣй еще много раньше засвидѣтельствовалъ свои симпатіи уніи ⁷⁷), однако, Терлецкій, чтобы ускорить осуществленіе своихъ плановъ, считаетъ необходимымъ выставить Поцѣю на видъ слѣдствія принятія уніи. «Господарь король,—говорилъ онъ Поцѣю,—даетъ должности до смер-

ти, а патриархъ по пустымъ доносамъ безчестить и санъ отнимаетъ. А когда поддадимся подъ римскаго папу, то не только будемъ сидѣть на епископіяхъ нашихъ до самой смерти, но и въ лавицѣ сенаторской засядемъ и легче отыщемъ имѣнія, отъ церкви отобранныя»⁷⁸). Но Поцѣя ненадо было убѣждать. Такому ярому служителю уніи убѣжденія были излишни. 21-го іюня 1593 года князь Острожскій, движимый любовію къ православной церкви и народу, — любовію, которая не могла равнодушно переносить глубоко вкоренившихся въ нихъ бѣдствій, написалъ къ Поцѣю, какъ родственнику, другу и теплому ревнителю вѣры письмо, въ которомъ высказываетъ мысль о соединеніи церковей ради того, какъ самъ онъ говоритъ, «чтобы прекратить гоненіе, поруганіе и уничтоженіе церкви и бѣды народа»⁷⁹). Но соединеніе, о которомъ говоритъ князь, было не такого характера, какъ то, какого желали Поцѣй, Терлецкій и латиняне. Князь понималъ его, какъ соединеніе съ латинскою церковью не одной только западно-русской церкви, но и всей восточной, поэтому и главнымъ условіемъ его уніи было то, чтобы она состоялась съ согласія духовныхъ представителей всей православной церкви. Въ виду этого князь проситъ Поцѣя съѣздить въ Москву къ патриарху, а въ отвѣтъ папѣ (1598 г.) признаетъ необходимымъ, чтобы о соединеніи церковей судъ произносили отцы греческіе⁸⁰). Что унія князя не заключала ничего противнаго православію, это видно изъ собственноручной записи его, приложенной къ письму, написанному Поцѣю⁸¹). Понятно, что такая унія не входила въ планы Поцѣя, поэтому онъ словесно отвѣтилъ князю, что предлагаемое имъ дѣло трудное, а предъ западными іерархами, прибывшими тогда на соборъ 1593 года, совсѣмъ умолчалъ объ унії князя.

Вѣсти, дошедшія до патриарха въ Константинополь (ему, какъ извѣстно, писало львовское братство) убѣдили его, что западно-русской церкви грозитъ опасность, такъ какъ митрополитъ плохо управляетъ паствою и въ пятилѣтній (1589—1593 гг.) промежутокъ времени не успѣлъ успокоить церковь. Не вникая въ тяжелое, почти безвыходное положеніе митрополита, патриархъ при-

слать двѣ грамоты, гдѣ въ одной требовалъ низложенія Гедсона Болобана, а въ другой осуждалъ самого Михаила на временное запрещеніе ⁸²⁾. Эти грамоты вызвали въ митрополитѣ энергичный порывъ дѣятельности. Онъ разослалъ грамоты іерархамъ и братствамъ, приглашая ихъ на соборъ 24-го іюня 1594 года. Почти все братства откликнулись на эти грамоты и прислали своихъ депутатовъ. Что касается епископовъ, то изъ нихъ явились только Поцѣй и Терлепкій, — первый, какъ епископъ города, гдѣ происходилъ соборъ, а второй — съ своими особыми дѣлами. Соборъ осудилъ Гедсона, а митрополитъ отлучилъ его ⁸³⁾. Подняты были разные вопросы объ улучшеніи церкви. Виленское братство, между прочимъ, предложило, чтобы съ этихъ поръ экзархъ патріарха жилъ постоянно въ Литвѣ. Но какъ только соборъ открылъ свои совѣщанія, королевскій примасть, архіепископъ гнѣзненскій прислалъ Михаилу письмо, которымъ напоминалъ ему, что созванный соборъ, по сеймовой конституціи 1593 года, не имѣетъ законной силы, потому что въ отсутствіи короля (Сигизмундъ III былъ тогда въ Швеціи) запрещены какіе-бы то ни было съѣзды. Такимъ образомъ, соборъ отложилъ дѣла до другаго времени. Нельзя, однако, сказать, что митрополита не смутилъ такой оборотъ обстоятельствъ. Письмо примаса ясно говорило о настроеніи противъ него латинянь; а милость къ нему патріарха краснорѣчиво опровергалась грамотой о запрещеніи. Кирилль, присутствовавшій на соборѣ съ тѣмъ только, чтобы высмотрѣть, какъ обстоятъ тамъ дѣла, и безъ сомнѣнія, знавшій, что латиняне запротестуютъ противъ собора, не могъ не понять положенія митрополита. Теперь-то онъ и поспѣшилъ къ нему. Кирилль не зналъ еще, какой отвѣтъ получить онъ у митрополита, но онъ сознавалъ, какъ сознавали это все, кому дорога была унія, что согласіе митрополита — дѣло большой важности, что при этомъ только и возможенъ успѣхъ ходатайства объ унії предъ папою. Поэтому, хотя Кирилль еще раньше (21 мая 1594 года) внесъ въ актовыя книги въ Луцкѣ листъ объ унії ⁸⁴⁾ отъ имени крылошанъ, тѣмъ не менѣе ему необходимо было заручиться и согласіемъ митрополита. Митрополитъ, противъ всякаго ожиданія Ки-

рилла, далъ свое согласіе на унію. Побуждаемый къ тому своимъ безвыходнымъ положеніемъ, такъ какъ король и патріархъ были протівъ него, или, быть можетъ, увлекаясь примѣромъ епископовъ и князя Острожскаго, проводившихъ мысль объ уніи, — о чемъ было ему извѣстно, — или, наконецъ, имѣя въ виду своекорыстныя цѣли, желаніе осуществить которыя усилилось еще болѣе, когда Кириллъ искусствомъ «райскаго змія»⁸⁵⁾ разукрасилъ ему послѣдствія подчиненія папѣ, — такъ или иначе, во всякомъ случаѣ митрополитъ свое согласіе въ духѣ князя Острожскаго на унію выразилъ въ особой запискѣ, которую и вручилъ Кириллу⁸⁶⁾ для представленія королю. При этомъ онъ просилъ его никому не разглашать о происшедшемъ. Видно, что хотя рѣшеніе митрополита объ уніи созрѣло, тѣмъ не менѣе было еще у него много причинъ дѣйствовать молча. Въ дѣйствіяхъ Поцѣя и Терлецкаго замѣчается то же самое. Они, дѣлаясь другъ съ другомъ своими планами, даютъ слово молчать объ этомъ. Всѣ хитрятъ, скрываются. Дѣйствовалъ смѣяѣе другихъ одинъ только Гедeonъ, епископъ львовскій. Недовольствуясь даннымъ уже согласіемъ на унію, онъ оформилъ его еще соборнымъ постановленіемъ (28 января 1595 г.) о признаніи надъ собою власти папы⁸⁷⁾. Кириллъ, можно сказать, подражалъ Гедeonу. Порвавъ связи съ вельможами, онъ дѣйствовалъ свободно; если хитрилъ, то только предъ митрополитомъ и Поцѣемъ. Поѣхавши въ Краковъ въ февраль или мартъ 1595 года, какъ открытый поборникъ уніи, опасавшійся за свои дѣйствія, онъ выпросилъ себѣ у короля подтвердительную грамоту на должность экзарха и привезъ похвальную грамоту Поцѣю, въ которой были оцѣнены заслуги его для уніи⁸⁸⁾. Поощренные такимъ образомъ, Кириллъ и Поцѣй склонили митрополита дать имъ довѣренность вести отъ лица его переговоры объ уніи⁸⁹⁾, и съ этой цѣлью поѣхали въ Краковъ. Здѣсь исполнивъ свои дѣла и возвратясь въ Литву, потребовали свиданія съ митрополитомъ. Послѣдній назначилъ такое свиданіе въ Кобринѣ, но самъ не явился, а на посланное ему епископами письмо объ этомъ, просилъ 6 недѣль на размышленіе. 12 іюня было составлено соборное посланіе папѣ о принятіи уніи⁹⁰⁾. Положеніе митрополита было самое неустойчи-

вое. Онъ хотѣлъ оправдать свое поведеніе предъ православными вельможами и потому скрывалъ правду, съ другой стороны, согласившись на унію (въ своемъ смыслѣ), онъ видѣлъ уступки Поцѣя и Терлецкаго, но въ силу даннаго слова не могъ отказаться отъ своихъ обѣщаній. Онъ увѣряетъ князей, что далеко отъ мысли объ уніи и въ то же время даетъ грамоту о готовности принять ее. Стыдъ за неисполненіе долга и страхъ за будущность плановъ уніи смутили митрополита, довели его до беззастѣнчивости и лжи. Давши, какъ сейчасъ замѣчено, грамоту объ уніи, митрополитъ въ то же время, подражая князю Острожскому, убѣждавшему всѣхъ твердо стоять въ православіи ⁹¹⁾ и содѣйствовавшему примиренію Гедеона съ львовскимъ братствомъ ⁹²⁾, послѣ чего Гедеонъ написалъ извѣстную протестацію противъ Поцѣя и Терлецкаго ⁹³⁾, — отказываясь отъ уніи, митрополитъ, говоримъ, въ то же время шлетъ виленскому братству посланіе, отвергая разнесшійся слухъ о его измѣнѣ православію ⁹⁴⁾. Но братство знало уже о согласіи Михаила на унію и отправило къ Острожскому и Скумину депутацію съ документами, подтверждавшими это согласіе ⁹⁵⁾. Депутація поручено было просить князей, чтобы они выхлопотали у короля позволеніе созвать соборъ, на которомъ участвовали-бы и міряне ⁹⁶⁾. Митрополитъ тоже присталъ къ этой мысли братства, надѣясь, что предстоящій соборъ, рѣшая вопросъ объ уніи, облегчитъ его безпокойное, двусмысленное положеніе. Поцѣй и Терлецкій чуть ли не болѣе всѣхъ радовались такому обороту дѣла, такъ какъ имъ со дня на день угрожала опасность быть лишенными сана, если митрополитъ перейдетъ на сторону православныхъ. ⁹⁷⁾ Съ мыслями о перемѣнѣ дѣлъ къ лучшему, они поспѣшили въ Краковъ. На пути, въ городѣ Люблинѣ Поцѣй встрѣтился съ княземъ Острожскимъ, показалъ подлинныя грамоты, касавшіяся уніи, и на колѣнахъ слезно просилъ князя принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Князь понялъ, что мысль его о соединеніи церковей искажена, и отвѣчалъ Поцѣю что рѣшить дѣло уніи можно только на соборѣ.

По приѣздѣ въ Краковъ, Поцѣй и Терлецкій представили королю грамоты объ уніи и, обращая его вниманіе на свое

опасное положеніе, просили дозволить созваніе общаго собора. Король почти склонялся на ихъ сторону. Но въ это время къ нему стали доходить слухи, что православные не согласны принять унію. Не издавая пока универсала (уже заготовленнаго), онъ отпустилъ Кирилла и Терлецкаго домой на четыре недѣли⁹⁸), а самъ, будучи обрадованъ согласіемъ іерарховъ, предпринялъ мѣры для поддержанія уніи и со стороны православныхъ мірянъ. 28 іюля онъ написалъ грамоту князю Острожскому, въ которой, говоря о согласіи владыкъ соединиться съ римскою церковью, высказываетъ надежду, что князь воспользуется своимъ авторитетомъ оказать содѣйствіе уніи, которой онъ такъ желалъ⁹⁹). Въ то же время онъ пишетъ грамоту митрополиту, хваля его усердіе къ уніи, доказывать ея пользу и законность и поощряетъ его въ добромъ намѣреніи¹⁰⁰). Черезъ два дня послѣдовала еще грамота, гдѣ будущей уніатской іерархіи даются права наравнѣ съ латинскимъ духовенствомъ¹⁰¹). Король, очевидно, былъ очень доволенъ ходомъ уніи и потому поощрялъ всѣхъ заинтересованныхъ въ ней чѣмъ могъ. Это было, такъ сказать, отвѣтъ короля на поданную ему грамоту объ уніи. Такъ какъ эти условія были представлены и папскому нунцію, то и этотъ отвѣтъ, что предложенные артикулы будутъ утверждены папой, если въ нихъ не будетъ противорѣчія римской церкви¹⁰²). Въ то время, какъ со стороны короля посыпались милости на людей, сочувствующихъ уніи, митрополитъ все еще разыгрывалъ роль непричастнаго ей и ревностно стоящаго за православіе архипастыря и увѣрялъ поочередно то вельможъ, то народъ, что отнюдь не отдавался въ послушаніе римской церкви¹⁰³). Между тѣмъ остальные епископы, безъ хитрости, открыто заявляли себя поборниками уніи. Собравшись въ Луцкѣ, они составили актъ, въ которомъ говорили, что, принявъ унію, они не отступятъ отъ нея до смерти¹⁰⁴). Князь Острожскій, доподлинно узнавъ о ходѣ уніи отъ Поцѣя, желалъ едва-ли не болѣе всѣхъ созванія собора, но съ тѣмъ уже, чтобы подорвать унію. Преслѣдуя эту цѣль, онъ послалъ къ королю ходатайствовать о соборѣ православныхъ для разсужденія объ уніи. Но раньше, отправляя на протестантскій соборъ въ Торунѣ

посла, князь далъ ему инструкцію, въ которой довольно рѣзко отзывался о дѣйствіяхъ короля, потворствующаго замысламъ владыкъ на унію. Эта инструкція была перехвачена и доставлена королю. Само собой понятно, король отказалъ князю въ созваніи собора и въ то же время не переставалъ поощрять поборниковъ уніи, надѣясь этимъ упрочить ее¹⁰⁵), и торопилъ Поцѣя и Терлецкаго въ Римъ. Но эти послѣдніе сами уже спѣшили въ Краковъ: имъ надоѣла эта нерѣшительность короля и откладываніе поѣздки. Недалекое осуществленіе долгихъ ихъ стремленій воодушевляло ихъ, — только его они и имѣли въ виду. Когда митрополитъ узналъ, что Поцѣй и Терлецкій ѣдутъ прямо въ Римъ, то чрезъ своего протонотарія велѣлъ имъ возвратиться. Но они уже не обращали никакого вниманія на приказаніе митрополита. Въ Краковѣ все было приготовлено для предстоящей поѣздки. Еще раньше заложены были церковныя имѣнія¹⁰⁶) для покрытія путевыхъ издержекъ, и теперь, снабженные пропускными грамотами короля, Поцѣй и Терлецкій въ послѣднихъ числахъ сентября 1595 года выѣхали въ Римъ. Въ это время король издалъ манифестъ ко всемъ подданнымъ, извѣщая въ немъ, что для приведенія къ концу давно желаннаго соединенія восточной и западной церкви имъ отправлены въ Римъ епископы владимірскій и луцкій¹⁰⁷).

Отъѣздъ Поцѣя и Терлецкаго сильно возмутилъ православныхъ мірянъ. Князь Острожскій и новгородскій воевода Феодоръ Скуминъ, первый къ митрополиту, второй къ одному знатному гражданину Мамоничу, писали письма о смутѣ церковной¹⁰⁸). Въ то же время въ Вильнѣ съ церковной кафедрой сильно возставалъ противъ уніи и ея защитниковъ извѣстный проповѣдникъ Стефанъ Визаній. Манифестаціи возрастали все болѣе и болѣе. Эти манифестаціи и твердая защита православія въ томъ же 1595 году вызвали открытое преслѣдованіе православныхъ въ королевскихъ имѣніяхъ¹⁰⁹). Но это было только тѣнью того, что общала унія православію въ будущемъ.

Поцѣй и Терлецкій прибыли въ Римъ въ половинѣ ноября 1595 года. Папа, напередъ извѣщенный о ихъ прибытіи, выказалъ имъ замѣчательное вниманіе. Обстановка въ Римѣ для пословъ

была великолѣпная; имъ отведенъ былъ особый дворецъ, а на содержаніе щедро выдавались деньги ¹¹⁰). Сперва они имѣли частную аудіенцію у папы, а потомъ въ Ватиканской палатѣ представили все документы объ уніи на торжественной аудіенціи (23 декабря), отбывшейся по особому церемоніалу. Тутъ Поцѣй и Терлецкій прочитали исповѣданіе вѣры, содержащее въ себѣ краткое изложеніе ученія и обрядовъ римской церкви ¹¹¹), цѣловали у папы ногу и проч. Тогда же составленъ былъ протоколъ объ этомъ событіи папскими секретарями, а самимъ папой (12 января) «на память потомству» (*ku wiecznej pamiatce*) издано было особое постановленіе, въ которомъ излагается событіе принятія уніи ¹¹²). Въ память сего папа велѣлъ выбить медаль съ надписью: *Ruthenis Rescriptis* ¹¹³) (на присоединеніе россиянь), а Поцѣю и Терлецкому, послѣ богатыхъ празднествъ, учрежденныхъ въ ихъ честь, папа далъ званіе «придворныхъ прелатовъ и ассистентовъ апостольскаго престола» ¹¹⁴). Отпуская пословъ домой, онъ передалъ въ Литву и Польшу 16 посланій къ королю, митрополиту, епископамъ и князьямъ. Короля онъ проситъ содѣйствовать распространенію и утвержденію уніи, соблюдать артикулы, представленные епископами и принять русскихъ владыкъ въ число сенаторовъ ¹¹⁵). Митрополиту папа поручаетъ созвать соборъ, на которомъ бы и остальные епископы произнесли то самое исповѣданіе вѣры, какое произносили Поцѣй и Терлецкій и чтобы о постановленіи этого собора митрополитъ прислалъ въ Римъ письменный документъ. Сенаторовъ папа проситъ такъ или иначе содѣйствовать принятію епископовъ въ члены сената, а будущихъ членовъ-епископовъ—помогать дѣлу уніи ¹¹⁶). Въ мартѣ мѣсяцъ послы уже были дома.

Какъ исполнили Поцѣй и Терлецкій свое посольство? Они выполнили его далеко не такъ, какъ того желали митрополитъ и тѣ изъ православныхъ, кто довѣрялъ имъ посланіе къ папѣ. Они приняли не унію, а чистое латинство; исповѣданіе вѣры, произнесенное ими, было составлено по готовой формѣ, по которой въ Римѣ принимали вообще всехъ православныхъ, желавшихъ перейти въ католичество. Произнося это исповѣданіе, они совер-

шенно осуждали православіе, вполнѣ принимая римскую вѣру. Русскимъ оставлены были только обряды, не противорѣчившіе, по мнѣнію папы, ученію римской церкви. Безъ сомнѣнія, Поцѣй и Терлецкій очень хорошо понимали это, однако личина и тутъ имѣла мѣсто. Въ письмѣ къ примасу польскаго королевства Поцѣй сообщалъ, что дѣла уніи идутъ далеко успѣшнѣе, чѣмъ можно было ожидать ¹¹⁷), что папа ничего не измѣнилъ въ ученіи восточной церкви, оставивъ все ея особенности.

Король, получивши посланіе папы, привезенное Поцѣемъ и Терлецкимъ, не могъ откладывать собора, тѣмъ болѣе, что необходимо было окончить дѣло, начатое въ Римѣ. Но онъ ясно видѣлъ, что унія не встрѣчаетъ въ народѣ сочувствія, онъ видѣлъ отвращеніе къ ней и нареканія на ея виновниковъ. На варшавскомъ генеральномъ сеймѣ депутаты отъ разныхъ городовъ и князь Острожскій подали королю просьбу, чтобы Поцѣй и Терлецкій были лишены сана за ихъ поѣздку въ Римъ и замѣнены другими епископами ¹¹⁸). Волненія и протесты такъ перепугали Поцѣя и Терлецкаго, что заставили ихъ бояться за свое положеніе. Чтобы утвердить его, Терлецкій просилъ короля дать ему (несмотря на то, что у него уже одна была) новую грамоту, утверждавшую за нимъ его епископію. Вѣроятно о томъ же просилъ и Поцѣй. Король исполнилъ ихъ желаніе. Терлецкому даже предоставилъ Кобринскій монастырь съ имѣніями ¹¹⁹). Что касается собора, то король старался сдѣлать его негласнымъ и, что самое главное, не допустить участія въ немъ мірянъ, какъ видѣлъ онъ изъ протестацій, болѣе другихъ возстававшихъ противъ уніи. Поэтому онъ позволилъ митрополиту созвать соборъ въ Новогрудѣ только изъ духовенства ¹²⁰). Изъ грамоты этого собора видно, что занятія его состояли въ разсмотрѣніи сочиненій Зизанія и въ отлученіи его отъ церкви за противное ей ученіе ¹²¹).

Само собой понятно, что не такого собора ожидали православные, не таковъ онъ долженъ быть по идеѣ самихъ сторонниковъ уніи. Какъ тѣ, такъ и другіе имѣли свои основанія желать всеобщаго собора, — собора духовенства и мірянъ. Православные, не такъ давно видѣвшіе въ подчиненіи папѣ конецъ своихъ бѣдствій,

убѣдились теперь, что унія, принятая въ Римѣ, это зло, возвѣщающее начало новыхъ посягательствъ на вѣру и народность, и вмѣстѣ съ тѣмъ— начало новыхъ бѣдствій. По этой-то причинѣ православные такъ сильно протестовали противъ Поцѣя и Терлецкаго и ихъ уніи. Во всеобщемъ соборѣ они видѣли средство пристыдить своею правотою поборниковъ уніи и поразить ее самую. Для короля, іезуитовъ и всѣхъ, кто былъ на ихъ сторонѣ, унія, принятая въ Римѣ, была плодомъ ихъ долгихъ усилій и стараній, была дѣломъ величайшей важности. Они, стоя у цѣли своихъ стремлений, не могли не желать, выразимся такъ, санкціи ея. А эта санкція, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ тѣмъ виднѣе, если совершится въ присутствіи многочисленнаго общества на соборѣ. Вотъ для чего нуженъ былъ уніатской партіи всеобщій соборъ. Что касается увѣренности, что на соборѣ дѣло уніи поведется именно такъ, какъ того желали ея защитники, въ этомъ для нихъ не было сомнѣнія. На ихъ сторонѣ были старанія столь долгаго прошлаго, цѣлая когорта латинянъ и олатинившихся русскихъ, папа и вся курія и, наконецъ, что въ данномъ случаѣ имѣло особенную важность, королевская власть, дѣйствовавшая заодно съ іезуитами. Такимъ образомъ, два совершенно противоположные лагеря православныхъ и латинянъ видѣли въ одномъ и томъ же соборѣ—одни средство подавить унію, а другіе—поднять ее.

Взглянемъ теперь, какъ велось дѣло уніи до брестскаго собора. Современному соединенію Литвы съ Польшею начинается болѣе широкое вліяніе Польши на литовско-русскій народъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе удобное проведеніе въ средѣ его идеи уніи. Оно получаетъ видъ системы, видъ правильно организованнаго предпріятія въ рукахъ появившихся въ Польшѣ іезуитовъ, которые, со свойственною имъ ловкостію, расположили сперва въ свою пользу народъ, а потомъ пустили въ ходъ все свое искусство, чтобы привить въ его жизни латинство. Но это оказалось невозможнымъ, ибо народъ крѣпко стоялъ за свою вѣру. Тогда іезуиты перекинули мостъ къ латинству и выдумали унію. Всякими

неправдами навязывали они ее православнымъ, а болѣе всего старались привить ее къ податливому молодому поколѣнію при помощи своихъ школъ и своего іезуитскаго образованія. Искусству іезуитовъ не меньше способствовали мѣры, предпринимаемыя для уніи польскимъ правительствомъ. Однако, коль скоро народу стало очевиднымъ, къ чему клонятся происки первыхъ и мѣры втораго, онъ тотчасъ показалъ свою преданность православной вѣрѣ въ сильномъ протестѣ. Этого было достаточно, чтобы іезуиты перемѣнили планы своихъ дѣйствій. Натолкнувшись въ средѣ народа на чувство глубокаго уваженія къ вѣрѣ предковъ, они вербуютъ себѣ сообщниковъ въ средѣ представителей церкви и преимущественно высшей іерархіи. Правительство, само собою разумѣется, поддерживаетъ іезуитовъ и на этомъ пути, оно, можно сказать, принимаетъ на себя даже большую часть труда, ибо іезуиты всегда хитро и съ тактомъ внушаютъ только объ уніи, правительство же, дѣйствовавшее, правда, по указаніямъ тѣхъ же іезуитовъ, своими репрессивными мѣрами поливаетъ и растить ихъ и дѣлаетъ это до тѣхъ поръ, пока ростъ привитыхъ идей не станетъ замѣтнымъ и пока усвоившій ихъ не дастъ знать объ этомъ гласно. Объ руку съ такими средствами іезуитовъ и мѣрами королей, то ко внушенію мысли объ уніи и привитію ея, то къ утверженію и ея росту, идутъ обстоятельства жизни западно-русской церкви. Разумѣемъ прибытіе восточныхъ патріарховъ и надѣленіе ими братствъ правами ставропигіи. При подпольной, всегда неусыпной работѣ агентовъ уніи, толкованія дѣйствій патріарховъ породили у владыкъ западно-русской церкви недовольство ими, ихъ властію, обрядами и канонами, вообще, всею восточною церковью и ео ipso приводили такихъ владыкъ къ мысли о подчиненіи себя западной церкви. Достаточно было намѣтить такого (недовольнаго) человѣка, способнаго стать подъ знамя латинства, чтобы рядъ притѣсненій, нападковъ, а то—жестокостей и пытокъ, искусно направленныхъ противъ него, заставилъ его прийти къ убѣжденію, что жизнь въ православіи не легка, не безопасна, даже невыносима, что лучший

ея порядокъ въ латинствѣ, въ подчиненіи римской церкви. Если такой человекъ лицо іерархическое, важное по занимаемому посту, то образъ его мыслей усвоился подчиненными, разглашался въ еще низшихъ сферахъ и доходилъ до народа. Мы видѣли, что было такое время, когда самъ народъ выразилъ патріарху свое желаніе уніи. Но чаще и на дѣлѣ было не такъ. Іерархическія лица, склонившіяся къ уніи, говорили не за себя только, но и за всю подвластную имъ паству, которая и слышать не хотѣла объ уніи и самого пастыря ненавидѣла за его мысли. Трудно, безъ сомнѣнія, исчислить всѣ виды, пересчитать пути, изслѣдовать нити, которыми на вѣковомъ станкѣ времени соткана была унія.

Такъ или иначе увлеченные въ сферу латинизаторскихъ стремленій, къ концу XVI в. являются люди, которыхъ можно было употребить орудіями уніи и придать дѣлу ея такой видъ, будто православный народъ добровольно хочетъ соединиться съ западною церковью. Безъ сомнѣнія, истинные виновники уніи конечно рады были, что наконецъ ихъ стремленія увѣнчались успѣхомъ. Плодъ долгихъ усилій іезуитовъ и польскаго правительства, унія передается въ руки Поцѣя и Терлецкаго, которые должны будутъ отъ лица всего западно-русскаго народа, какъ звонкую монету, передать всѣми силами его души ненавидимую имъ унію папѣ,—передать съ просьбой принять никогда и не помышлявшій объ этомъ народъ подъ высокую власть папскаго престола. И западно-русскій народъ, возстающій противъ латинства и его поборниковъ, соединяющій въ братствахъ весь остатокъ своихъ надломленныхъ и угнетенныхъ долгими бѣдствіями силъ для того, чтобы отстоять религію предковъ предъ посягательствами олатинить ее,—этотъ самый народъ въ Римѣ, предъ папою, въ лицѣ Поцѣя и Терлецкаго, смиренно преклоняется, цѣлуетъ его ногу, читаетъ исповѣданіе латинской вѣры и привозитъ ее въ предѣлы западно-русской церкви! Такъ обставлены были обстоятельства принятія уніи,—этого истиннаго несчастія въ жизни западно-русскаго народа и его церкви. Но необходимо было еще тутъ, на почвѣ, гдѣ росли сѣмена уніи въ ея избран-

никахъ, торжественно огласить ее, т. е. повторить то, что дѣлалось въ Римѣ, — необходимо для того, чтобы дать ей законную силу, оформить ее и потомъ безъ оглядки, опираясь на quasi законныя основанія, распространять ее въ средѣ народа. Съ другой стороны, этого требовалъ и самъ папа, въ одинъ день на одну и ту же тему подписавшій 16 посланій о мѣрахъ къ утверждению уніи. Съ этой дѣлю, какъ мы сейчасъ увидимъ, и созванъ былъ брестскій соборъ въ 1596 году, соборъ единственный въ своемъ родѣ, какъ по различному характеру его представителей и ихъ стремленій, такъ и по веденію дѣлъ на немъ и по его слѣдствіямъ.

Брестскій соборъ, провозгласившій церковную унію 1596 года.

Уступая общему желанію православныхъ и поборниковъ уніи, Сигизмундъ рѣшился созвать соборъ въ г. Брестѣ, для чего 14 іюня 1596 г. онъ издалъ универсалъ. Нельзя не замѣтить, что въ своемъ универсалѣ король старается опровергнуть мнѣніе народа объ уніи. Западно-русскій народъ считалъ недѣйствительной унію потому, что принята она была только двумя епископами, безъ согласія патріарховъ, остальнаго западно-русскаго духовенства и самаго народа. Поэтому король, желая снять вину съ епископовъ, говоритъ, что онъ самъ возымѣлъ желаніе соединить церкви. Съ другой стороны, пиша, что эти епископы не привезли ничего новаго изъ Рима, хочетъ опровергнуть то мнѣніе народа объ уніи, по которому она всегда была для него расколомъ ¹²²). Въ универсалѣ объявляется всѣмъ подданнымъ, что соединеніе раздѣлившихся между собою церквей восточной и западной, бывшее предметомъ желаній великихъ государей, онъ хочетъ окончить и желаетъ вмѣстѣ съ своими подданными нахо-

даться въ одной вѣрѣ,—что съ этою цѣлю, съ согласіемъ высшихъ іерарховъ православныхъ, отправлены были послами въ Римъ къ папѣ епископы владимірскій и луцкій, которые теперь уже возвратились назадъ, не принеся оттуда ничего новаго, что было бы противно спасенію подданныхъ и различалось отъ ихъ обычныхъ церковныхъ церемоній; напротивъ, все имъ сохранено, согласно ученію святыхъ отцовъ и соборовъ, о чемъ и имѣютъ отдать владыки подробный отчетъ. «И какъ не мало знатныхъ людей греческой вѣры,—писалъ король,—желающихъ святой уніи, просили насъ; чтобы мы, для окончанія этого дѣла, велѣли созвать соборъ, то мы позволили нашему митрополиту, киръ Михаилу Рогозѣ созвать соборъ въ Брестѣ, когда признаетъ то съ другими вашими старшими духовными наиболее удобнымъ; будучи увѣрены, что вы, когда хорошо поразсудите, ничего полезнѣе, важнѣе и утѣшительнѣе для себя не найдете, какъ святое соединеніе съ католическою церковію, которое умножаетъ между народами согласіе и взаимную любовь; охраняетъ цѣлость Рѣчи-посполитой и другія блага небесныя и земныя». Далѣе Сигизмундъ объявлялъ, что на соборѣ можетъ явиться всякій православный, только являлся бы скромно, «не беручи съ собою толпы неоптребно»,—что на соборѣ, кромѣ католиковъ и православныхъ, никто болѣе не долженъ быть допущенъ и, кромѣ дѣла уніи, никакихъ другихъ дѣлъ не должно быть возбуждаемо. Въ концѣ своего універсала король напоминаетъ, чтобы на соборѣ соблюдалось полное уваженіе къ его верховной власти и все совершалось въ мірѣ и согласіи на радость ему и всей Рѣчи-посполитой¹²³).

Въ августѣ мѣсяцѣ того-же года митрополитъ издалъ отъ себя окружную грамоту православнымъ сановникамъ и мірянамъ о съѣздѣ на соборъ въ Брестѣ. Въ этой грамотѣ онъ извѣщаетъ, что съ позволенія короля днемъ собора назначено 6-е октября, къ какому числу и приглашаетъ прибыть всякаго благовѣрнаго христианина для „прислуханья и обмышливанья“¹²⁴). Формальная сторона дѣла была совершена, распоряженіе о соборѣ послѣдовало. Однако между противниками уніи волненія не унимались. Осужденный митрополитомъ и королемъ¹²⁵), дидаснагъ вилен-

скаго братства Стефанъ Зизаній подалъ въ виленскій трибуналь-ный судъ жалобу на митрополита, каковая была принята судомъ и осужденный Михайль присужденъ былъ искать защиты у короля. Хотя король 21-го июня послалъ грамоту депутатамъ ¹²⁶⁾, однако, волненія продолжались въ Вильнѣ и въ слѣдующіе мѣсяцы, такъ что грамоты были присылаемы еще два раза и въ послѣдней изъ нихъ Сигизмундъ далъ строгій приказъ духовенству и гражданамъ повиноваться митрополиту ¹²⁷⁾. Въ Кіевѣ также осудили митрополита, какъ и въ Вильнѣ, и онъ опять долженъ былъ прибѣгнуть къ защитѣ королевской власти ¹²⁸⁾. И въ епархіяхъ Поцѣя и Терлецкаго не обошлось безъ волненій. Но здѣсь дѣло не доходило до короля. Поцѣй за протестаціи противъ него запретилъ священникамъ совершать для непокорныхъ какія-бы то ни было требы и приказалъ считать ихъ еретиками, такъ что протестовавшіе сами должны были крестить, проповѣдывать и т. д. ¹²⁹⁾. Въ это бурное время жизни церкви православные изъ разныхъ мѣстъ обратились къ отдаленному востоку, извѣщая патріарховъ о принятіи владыками уніи въ Римѣ и прося помощи ¹³⁰⁾. Александрійскій патріархъ Мелетій на просьбу православныхъ отвѣчалъ обширнымъ посланіемъ, гдѣ хвалилъ ихъ за непреклонность къ уніи, обличалъ измѣнившихъ православію, выставлялъ на видъ несостоятельность ученія о главенствѣ папы и, наконецъ, совѣтовалъ православнымъ избрать себѣ новаго митрополита и епископовъ, если отступившіе не раскаются и не возвратятся къ православію ¹³¹⁾. Чѣмъ особенно была цѣнна услуга патріарха Мелетія, такъ это тѣмъ, что вмѣстѣ съ своимъ посланіемъ онъ прислалъ къ православнымъ ученаго Кирилла Лукариса, протосинкелла александрійской церкви ¹³²⁾. Къ этому-же времени прибылъ на помощь къ нимъ уполномоченный константинопольскаго престола Никифоръ, великій протосинкеллъ константинопольской церкви, котораго за ученость патріархъ Іеремія называетъ „премудрѣйшимъ“. Хотя по сану онъ былъ только архидіаконъ, тѣмъ не менѣе имѣлъ полную патріаршескую власть занимать первое мѣсто на соборахъ, имѣлъ преимущество чести не только предъ митрополитами, но и

надъ блаженнѣйшими архіепископами (напр., ахридонскимъ, кипрскимъ и петрскимъ ¹³³).

Прибытіе такихъ людей, какъ Кирилль и Никифоръ, было весьма важно для православныхъ. Никто изъ нихъ не зналъ, какъ поведутся дѣла на предстоящемъ соборѣ. Быть можетъ, для доказательства неправоты уніи и превосходства надъ латинствомъ православія, потребуется прибѣгнуть къ спорамъ, придется вести пренія, къ которымъ были такъ надки іезуиты, съ знаменитостями латинскаго краснорѣчія, какъ Петръ Скарга? Кого тогда противопоставить имъ? Кто будетъ состязаться съ ними? Теперь у православныхъ были ученые мужи, «исполненные всякой науки и свѣдующіе въ богословіи». Не было неизвѣстнымъ православнымъ и то, что митрополитъ поддержитъ сторону владыкъ, привезшихъ унію изъ Рима, слѣдовательно, имъ съ двумя епископами (Гедеонъ Болобанъ и Михайль Копыстенскій) придется быть только пассивными свидѣтелями того, что будутъ дѣлать они для уніи, или противопоставлять безсильное сопротивление меньшинства общему согласію короля, знатнѣйшихъ магнатовъ-латинянъ, первыхъ своихъ іерарховъ и всей фаланги поборниковъ уніи. Пробываніе Кирилла, а особенно Никифора, устраняло эти, мало сказать, неудобства. Послѣдній, какъ чрезвычайный уполномоченный константинопольскаго престола, превосходилъ своею властію митрополита и, по праву, самъ долженъ былъ предсѣдательствовать на соборѣ. Слѣдовательно, и по силѣ своихъ духовныхъ представителей православные могли надѣяться, что они не уступятъ уніатамъ, если не превзойдутъ ихъ. Послѣднее, дѣйствительно и случилось.

Еще задолго до собора стали сѣзжаться въ Брестъ лица, имѣющія принять участіе въ немъ. Это были, съ одной стороны, православные, намѣревавшіеся отстоять у ревнителей уніи вѣру своихъ отцовъ, замѣненную въ Римѣ латинствомъ, и рѣшившіеся не поддаваться уніи, съ другой — лица, принявшія унію, — съ своими покровителями — латинянами, имѣвшія цѣлью дать окончательное торжество уніи, еще не утвержденной гласно на почвѣ западно-русской церкви, и надѣявшіяся привлечь на свою сторо-

ну православныхъ. Надо замѣтить; что сторона православныхъ была многочисленнѣе. Главными представителями ея были: два восточныхъ епископа, протосинкеллы — Никифоръ изъ Константинополя и Кирилль Дукарисъ изъ Александрии, Лука, митрополитъ велиградскій, Макарій, архимандритъ монастыря Симона-Петра на св. горѣ, прибывшій по порученію Паисія, епископа венецкаго, архимандритъ Матѳей изъ святогорскаго Пантелеимонова монастыря, приеланный Амфилохіемъ, епископомъ музацкимъ, не прибывшимъ лично, потому что это ему трудно было (по старости или, быть можетъ, по болѣзни)¹³⁴; два западно-русскихъ епископа: Гедеоуъ Болобанъ, епископъ львовскій и Михаиль Копыстенскій, епископъ перемышльскій; съ ними девять архимандритовъ: киево-печерскій, дерманскій, супрасельскій, пинскій, дубенскій, дорогобузьскій, лаврашевскій, пересопницкій и степанскій, два игумена и много протоіереевъ, священниковъ и монаховъ¹³⁵). Изъ свѣтскихъ лицъ прибыли многіе сановники Рѣчи посполитой, каковы: князь Б. Б. Острожскій, сынъ его Александръ, воевода волынской, каштелянъ новогрудскій Александръ Полубенскій, Андрей Боговитянь, стольникъ земли волынской; судья луцкій Чапличъ и владимірскій — Павловичъ; послы отъ трибунала княжества литовскаго, воеводства киевскаго, брацлавскаго, пинскаго и проч., представители отъ городовъ: Кіева, Вильны, Львова, Каменца-Подольскаго, Бреста, Минска, Владимира и мн. др.¹³⁶).

Чѣмъ объяснить прибытіе на соборъ такого множества православныхъ не только духовныхъ, но и свѣтскихъ лицъ? Само собой разумѣется, что прежде всего цѣлью этого собора¹³⁷). Цѣлью его былъ вопросъ — быть или не быть уніи, — вопросъ слишккомъ важный для того, чтобы, какъ говорится, стать къ нему спиною. Всякій городъ желалъ знать, — доподлинно — знать, чѣмъ, наконецъ, кончатся эти затѣи владыкъ, путешествовавшихъ въ Римъ, это маскированіе митрополита и происки іезуитовъ. Съ другой стороны, православные твердо рѣшились не принимать уніи; а рѣшеніе большинства болѣе фундаментально, чѣмъ если его постановятъ немногіе. Это было очевидно для всѣхъ православныхъ; вотъ почему они собрались въ воз-

можно большимъ числѣ. Наконецъ, грамота короля, изданная за четыре мѣсяца до собора (12 іюня — 6 октября) и посланіе митрополита, приглашавшія всякаго христіянина, увеличивали число желавшихъ присутствовать на соборѣ.

Въ противоположномъ лагерѣ, на сторонѣ уніатовъ, были съ митрополитомъ Роговою во главѣ, прежде всего, ближайшіе виновники этого собора, владыки — прототроній владимірскій Ипатій Поцѣй и экзархъ, епископъ луцкій Кирилль Терлецкій, потомъ Германъ полоцкій, Іона Гоголь пинскій, Діонисій Збигурайскій холмскій и съ ними три архимандрита: брацлавскій, лаврашевскій и минскій; послы папы: Янъ-Дмитрій Соликовскій, архиепископъ львовскій, Бернардъ Маціевскій, бискупъ луцкій, Станиславъ Гомолицкій, бискупъ холмскій и съ ними четыре іезуита: извѣстный Петръ Скарга, пользовавшійся особою милостію короля, товарищи Скарги: Іустъ Робъ, Максимъ Латерна и Каспаръ Нагай; послы короля: князь Христофоръ-Николай Радзивиль, гетманъ литовскій, староста брестскій Дмитрий Галецкій и много другихъ вельможъ и лицъ менѣе знатныхъ¹³⁸). Какъ и слѣдовало ожидать, прибывшіе раздѣлились на двѣ партіи. Православные сгруппировались около экзарховъ и князя Острожскаго, а латиняне соединились съ митрополитомъ, Поцѣемъ и Терлецкимъ. Надо замѣтить, что вопреки королевскому универсалу, которымъ предписывалось являться на соборъ безъ «толны», знатные вельможи пріѣхали на соборъ съ многочисленной свитой, татарами, гайдуками, казаками и даже съ пушками¹³⁹). Обѣ партіи представляли собой два лагеря, которые, казалось, заняли окрестности Бреста съ тѣмъ, чтобы дать генеральное сраженіе. Такъ это собраніе не похоже было на мирный съѣздъ, цѣлью котораго было разсужденіе о вѣрѣ. Православные, видимо, превосходили уніатскую партію. Королевскіе послы, вѣроятно, ожидая мятежа, тревожно спрашивали князя Острожскаго, зачѣмъ такое ополченіе. Князь увѣрялъ ихъ, что все обойдется мирно¹⁴⁰), хотя, быть можетъ, раздѣлялъ съ другими православными мысль, что латинская партія, не взявши верхъ на соборѣ, не остановится предъ насиліемъ и что, слѣдовательно, мѣры предосторожности велики.

Еще не все представители собрались ¹⁴¹⁾, как день, назначенный для собора, приблизился. Православные, как раньше замѣчено, собрались еще до наступленія дня, назначеннаго для собора и, понятно, интересовались, гдѣ будетъ назначено мѣсто для собора, въ какое именно время надо являться туда, каковъ будетъ порядокъ собраній, вообще желали знать, какъ будутъ вестись соборныя дѣла, т. е. старались удовлетворить то чувство, которое всегда и вездѣ повторяется въ ожиданіи какого-нибудь важнаго, еще не наступившаго событія. Съ этою цѣлю, а также для привѣтствія митрополита православные отправили къ нему посольство. Посланные, однако, были отпущены имъ съ отвѣтомъ, не клонящимся къ любви и согласію ¹⁴²⁾. 5-го октября, предъ самымъ соборомъ, Кириллъ и Нилфоръ послали отъ себя митрополиту грамоту; привѣтствуя его и напоминая, чтобы онъ и находящіеся съ нимъ епископы явились къ нимъ, какъ представителямъ восточной церкви, засвидѣтельствовать должное почтеніе и посовѣтоваться относительно предстоящаго собора. Но и это посольство возвратилось съ неблагопріятнымъ отвѣтомъ: «уви-димъ, говорили, если слѣдуетъ намъ придти, то мы придемъ» ¹⁴³⁾.

Кромѣ духовныхъ лицъ, князь Острожскій также посылалъ къ митрополиту, желая съ нимъ видѣться; желаніе князя митрополитъ не удовлетворилъ, а просилъ его, чтобы князь постарался видѣться съ нимъ въ домѣ Поцѣя ¹⁴⁴⁾.

Отвѣты, получаемые православными, краснорѣчиво свидѣтельствовали о настроеніи митрополита и его сообщниковъ. Очевидно было, что они сторонятся православныхъ, уклоняются и избѣгаютъ ихъ общества. Да оно, дѣйствительно, такъ и было. У поборниковъ уніи вопросъ о ней былъ уже рѣшенъ; ихъ пріѣздъ на соборъ только съ тѣмъ былъ и предпринятъ, чтобы тутъ повторить недавно принятое ими въ Римѣ исповѣданіе вѣры и торжественно объявить свое подчиненіе папѣ. Для этого, конечно, не стоило искать общенія съ православными, которые, хотя неизвѣстно было, какъ поведутъ дѣла на соборѣ, но несомнѣнно, что не въ пользу уніи, — напротивъ, какъ не единомыслящихъ, ихъ слѣдовало избѣгать. Но это, такъ сказать, общія причины, быв-

шія на виду у каждаго изъ защитниковъ уніи. Что касается митрополита, то у него были свои личные расчеты, по которымъ сближеніе съ православными могло быть очень неприятымъ ему. Если-бы онъ вошелъ въ соглашеніе съ православными, то предстоящій соборъ имѣлъ-бы председателемъ не его, а лицо, выше его стоящее, т. е. протосинкелла Никифора; а если-бы послѣдній председательствовалъ, то при большинствѣ православныхъ, унія не была-бы принята и самъ митрополитъ, какъ ея поборникъ, былъ-бы осужденъ ¹⁴⁵). Таковы были причины нерѣшительности и уклончивости митрополита. По нимъ замѣтно было, что двумъ партіямъ, имѣющимъ общій интересъ, не придется сойтись въ одномъ соборѣ, не придется достигнуть согласія, потому что каждая изъ нихъ прибыла сюда съ предвзятыми мыслями. Такъ оно, дѣйствительно, и случилось.

6-го октября, въ день собора, митрополитъ, не извѣстивъ православныхъ, съ одними только представителями уніи какъ духовными, такъ и свѣтскими, отправился въ церковь св. Николая ¹⁴⁶). Тутъ они слушали литургію, по окончаніи которой были прочитаны молитвы, какія обыкновенно читались предъ началомъ собора и, такимъ образомъ, соборъ былъ открытъ. Актъ открытія приказано было записать публичному нотарію. Больше ничего не было сдѣлано въ первый день ¹⁴⁷).

Что-же дѣлали въ этотъ день православные? Собравшееся православное духовенство и міряне, не получая отъ митрополита никакихъ извѣстій и распоряженій, было въ затрудненіи, гдѣ собраться и что дѣлать. Нѣкоторые предложили собраться въ какую-нибудь церковь. Оказалось, однако, что Поцѣй, какъ мѣстный епископъ, распорядился запретить всѣ церкви, чтобы лишить православныхъ приличнаго для собора мѣста ¹⁴⁸). Оставалось найти какое-нибудь помѣщеніе и тамъ предпринять что-нибудь въ виду отдѣленія латинской партіи. Такъ и сдѣлали. Принимая во вниманіе, что древняя практика допускала соборы въ домахъ, рѣшили собраться въ удобномъ для многочисленнаго собранія домѣ, предложенномъ протестантскимъ паномъ Райскимъ ¹⁴⁹), собраться съ тѣмъ, чтобы отсюда отправиться на мѣсто, которое указано

будетъ для собора митрополитомъ. Однако, не смотря на то, что приближался уже вечеръ, извѣстій отъ митрополита не было никакихъ. Чтобы кончить чѣмъ-либо это выжидательное положеніе, рѣшили отправить новое посольство. Оно состояло изъ шести лицъ ¹⁵⁰) и снабжено было особой грамотой (нарагностикомъ), въ которой православные приглашали митрополита придти къ патриаршимъ экзархамъ, чтобы потомъ открыть въ какой-нибудь церкви соборъ ¹⁵¹). Посольство отправилось сначала къ послу папы, архиепископу Соликовскому, объявляя ему, что православные давно собрались и ожидаютъ отъ митрополита (какъ хозяина на соборѣ) распоряженій о началѣ собора, который самъ онъ назначилъ на этотъ день. Объявивъ это въ тонѣ жалобы Соликовскому, посольство отправилось къ митрополиту. Но его нигдѣ не нашли, ни дома, ни въ церкви, ни въ другихъ мѣстахъ, гдѣ искали его ¹⁵²). Вслѣдъ за отправленіемъ посольства, православные (вѣроятно, отъ кого-либо изъ очевидцевъ) узнали, что митрополитъ открылъ уже свой соборъ въ Николаевской церкви. Такой образъ дѣйствій митрополита въ связи съ уклончивыми отвѣтами, даваемыми имъ прежде, не могъ не свидѣтельствовать о разрывѣ его съ православными. Поэтому они рѣшили открыть свой соборъ въ томъ самомъ домѣ, гдѣ были собраны. Такимъ образомъ, вмѣсто одного собора образовалось два — униатскій и православный.

Имѣя въ виду предетавить дѣйствія перваго, мы не можемъ, безъ ущерба для нашей цѣли, обойти второй; поэтому будемъ излагать ихъ въ параллели.

Посмотримъ, что дѣлали православные 6-го октября. Рѣшившись открыть свой соборъ, прежде чѣмъ возвратится посланное къ митрополиту посольство, православные раздѣлились на два кола или партіи: коло духовное и коло свѣтское ¹⁵³), которыя должны были засѣдать особо ¹⁵⁴). Какъ коло духовныхъ; такъ и свѣтскихъ избрало себѣ прѣимкирѣевъ или маршалковъ. Въ колѣ духовныхъ ихъ было два: протопопъ заблудовскій Несторъ, на обязанности котораго было смотрѣть за порядкомъ въ засѣданіяхъ кола, и пресвитеръ острожскій Игнатій, избранный для ру-

ководительства соборными нотаріями ¹⁵⁵). Свѣтскіе изъ своей партіи избрали волынскаго посла Демьяна Гулевича ¹⁵⁶). Послѣ этого освящена была комната, прочитаны молитвы предъ началомъ собора и между двумя, отдѣльно занявшими мѣста, кѣлами поставлено на аналоѣ св. Евангеліе. Когда все такимъ образомъ устроилось, Гедеонъ, владыка львовскій, началъ рѣчь по-русски, которую іеродіаконъ Кипріанъ переводилъ по-гречески.

Почему открываетъ рѣчью соборъ Гедеонъ, а не Никифоръ, которому, какъ предсѣдателю, всего естественнѣе было-бы это? Быть можетъ, Никифоръ поручилъ ему, какъ старшему изъ присутствовавшихъ западно-русскихъ епископовъ сказать вступительную рѣчь или, что, кажется, будетъ вѣрнѣе, Гедеонъ говорилъ, какъ младшій изъ имѣвшихъ произносить рѣчи. Мы видимъ, что вслѣдъ за нимъ говорили на одну и ту же тему Кириллъ и Никифоръ и рѣчь Никифора, какъ предсѣдателя, была послѣдней. Аналогію такой постепенности можно наблюдать и въ теперешнихъ собраніяхъ, гдѣ мнѣнія отбираются по старшинству, начиная съ младшаго, и за старѣйшимъ остается послѣднее рѣшающее слово. Въ своей рѣчи, говоря о преданности собравшихся сюда православныхъ, Гедеонъ выставляетъ на видъ собранію противозаконность дѣйствій митрополита и его сообщниковъ, выражающуюся въ томъ, что они не явились къ восточнымъ экзархамъ и предлагаетъ собору разсмотрѣть это дѣло ¹⁵⁷). Объ этомъ же предметѣ говорили Кириллъ и Никифоръ. Говоря, что митрополитъ незаконно поступилъ, Никифоръ добавилъ: «мы, однако, такъ неосмотрительно поступать не станемъ, а во всемъ будемъ согласоваться съ канонами нашей восточной церкви» ¹⁵⁸). Рѣчи были одобрены всѣми присутствовавшими. Послѣ рѣчей нѣкоторые изъ депутатовъ хотѣли было заявить о дѣлахъ, на которыя въ предстоящемъ соборѣ уполномочили ихъ воеводства и города, но разсмотрѣніе ихъ, вѣроятно, за позднимъ временемъ, отложено было до слѣдующаго 7-го октября ¹⁵⁹). Такъ прошелъ первый день собора; ни православные, ни уніаты не постановили ничего опредѣленнаго.

На слѣдующій день православные очень рано собрались опять въ домъ Райскаго. Предполагалось, что митрополитъ приметъ кого-нибудь изъ своихъ, чтобы объяснить свой вчерашній поступокъ и пригласить сегодня на соборъ ¹⁶⁰). Предположенія, однако, не сбылись; никто не приходилъ. Не было сомнѣнія, что митрополитъ съ своими епископами ведетъ соборныя дѣла особо. Лука, митрополитъ велиградскій выступилъ теперь съ такою рѣчью: „Ясно можете видѣть, говорилъ онъ собору, по поступкамъ митрополита и его епископовъ, что онъ самъ себя осуждаетъ, — самъ себѣ противорѣчить; вслѣдствіе принятыхъ на себя уніатскихъ дѣлъ, — что мы всѣ замѣчаемъ, — въ которыхъ и раньше былъ подозрѣваемъ, — онъ не осмѣливается предстать предъ нашимъ соборомъ“ ¹⁶¹). Все собраніе не сомнѣвалось въ справедливости словъ достоуважаемаго владыки, но председатель собора Никифоръ, строго слѣдуя канонамъ церкви, рѣшилъ отправить митрополиту новое посольство съ новымъ приглашеніемъ на соборъ. Какъ и вчерашнее, посольство состояло изъ шести лицъ: трехъ архимандритовъ, двухъ протопоповъ и нотарія ¹⁶²) и снабжено было парагностикомъ. Въ немъ говорилось: «слѣдовало милости вашей вчерашняго дня, по приглашенію, прибыть на нашъ соборъ, который ожидалъ васъ до самаго вечера. Теперь этимъ вторымъ парагностикомъ чрезъ почтенныхъ архимандритовъ и пресвитеровъ мы опять просимъ, чтобы вы прибыли, а не чуждались тѣхъ дѣлъ, которыя поставлены будутъ у насъ» ¹⁶³).

7-го октября, какъ раньше было замѣчено, прибыли королевскіе послы и, по предложенію латинскихъ епископовъ, просили князя Острожскаго принять мѣры, чтобы спокойствіе не было нарушено, что князь имъ и обѣщалъ. Посламъ, безъ сомнѣнія, было доложено, что вчера послѣдовало открытіе собора, совершившееся отдѣльно отъ православныхъ въ Николаевской церкви. Новоприбывшимъ нельзя было отмѣнять рѣшенія уже открывшихъ соборъ и они, выражая свое согласіе о мѣстѣ собора, приказали прибыть объ этомъ объявленія къ дверямъ церкви св. Николая и римскаго костела. Между тѣмъ, посольство, отправленное православными, отыскивая митрополита, старавшагося, какъ можно

рѣже встрѣчаться съ православными, подходило къ дому Поцѣя. Объ этомъ извѣстили пословъ, которые тотчасъ сами поспѣшили туда. Тамъ они заставили прочитать парагностикъ ¹⁶⁴).

По возвращеніи къ своимъ, на вопросъ о результатѣ ихъ посольства, Андрей, пресвитеръ львовскій, нотарій, объявилъ, что, будучи посланы отъ собора къ кievскому митрополиту Михаилу и къ находящимся при немъ владыкамъ, они отъ четвертаго часа ожидали его въ домѣ до самого вечера (do wieczornej godziny) и только въ это время онъ отпустилъ насъ, говоря: «напрасно вы насъ ожидаете, мы не пойдемъ». Остальные члены посольства единогласно подтвердили слова нотарія ¹⁶⁵). Такъ кончился второй день собора.

Православные въ ожиданіи, не предприметь-ли чего-нибудь митрополитъ, уніаты вслѣдствіе приѣзда королевскихъ пословъ, тѣ и другіе вслѣдствіе выжидательной нерѣшительности, не постановили ничего новаго въ сравненіи съ вчерашнимъ днемъ.

Долго сдерживаемое недовольство православныхъ на митрополита выразилось на слѣдующій день, 8-го октября. Какъ только собрались православные, тотчасъ съ обоихъ коловъ поднялись нареканія противъ митрополита за то, что онъ не обратилъ вниманія на двѣ грамоты патріаршихъ экзарховъ, посланныя къ нему еще предъ соборомъ ¹⁶⁶) и на два парагностика, отправленные вчера и третьяго дня. Такъ какъ Игнатій, пресвитеръ острожскій, объявилъ, что копии грамотъ, писанныхъ митрополиту до собора имѣются подъ рукой, а Никифоръ, архимандритъ кievскій, добавилъ, что имѣются даже по-русски написанными, то приказано было прочитать эти грамоты. Первою была прочитана грамота Никифора отъ 13-го сентября. Вотъ ея содержаніе: „Святѣйшему митрополиту кievскому Михаилу, миръ и спасеніе отъ Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа съ Духомъ Святымъ. Этимъ нашимъ посланіемъ увѣдомляемъ милость вашу, что въ прошломъ сентябрѣ, когда святѣйшій патріархъ Іеремія узналъ о замѣшательствѣ, происшедшемъ здѣсь вслѣдствіе нѣкоторыхъ новыхъ вымысловъ, то благоволилъ писать намъ, чтобы, по стародавнему обычаю, мы прибыли сюда въ качествѣ экзарха и все, что, по навѣту діа-

вола, на огорченіе людямъ произошло между важными владыками, исправили и усмирили. Когда-же мы сюда прибыли, то о происшедшемъ намъ доносили различно. Одни говорили, что твоя милость въ св. богослуженіи еще поминаешь имя патріарха и во всемъ, согласно обычаю; какъ и прежде поступаешь. Другіе доносятъ, что твоя милость имени патріарха не поминаешь и не держишься древнихъ св. обычаевъ и догматовъ восточной св. католической и апостольской церкви, чему мы не вѣримъ. Вслѣдствіе всего этого пишемъ милости вашей, чтобы ваша милость собственнымъ отвѣтомъ объявили всю правду о томъ, держитесь ли вы древнихъ обычаевъ и св. догматовъ, слѣдуете-ли вы древнему обычаю или уже его оставили,—сообщите, чтобы мы, узнавъ достовѣрно истину, все, что ненавистникъ добра діаволь сдѣлалъ, устроили при помощи Св. Духа, чтобы, такимъ образомъ, миръ церкви былъ соблюденъ и связь единомыслія и любви между іереями Божиими остались цѣлыми, чѣмъ-бы Господь нашъ, въ Троицѣ восхваляемый, былъ умилостивленъ. Такъ поступи, братъ нашъ найлюбезнѣйшій, напиши о всѣхъ этихъ дѣлахъ, а также постарайся, чтобы какъ можно скорѣе, на какомъ-либо мѣстѣ съѣхавшись, увидѣлись и поразсудили объ этомъ, будто бы замѣшательствѣ и тревогѣ между владыками, во Христѣ любезными братьями нашими» ¹⁶⁷).

Потомъ была прочитана копія посланія, которую Никифоръ и Кириллъ отправили митрополиту 5-го октября. Приведемъ дословно и это посланіе. «Святѣйшему митрополиту киевскому Михаилу и находящимся съ нимъ возлюбленнымъ о Господѣ владыкамъ, миръ, любовь и спасеніе отъ Бога. Св. восточная и апостольская церковь, имѣющая попеченіе о всѣхъ церквахъ въ своихъ границахъ, когда узнала о замѣшательствѣ, происшедшемъ между владыками, а также между князьями, вельможами, рыцарствомъ и другими православными христіанами, находящимися въ предѣлахъ польскаго королевства и вмѣстѣ съ нами наслѣдующими обычаями и св. догматы, когда узнала о замѣшательствѣ, происшедшемъ вслѣдствіе новыхъ вымысловъ, то намъ, какъ наименьшимъ своимъ слугамъ во Св. Духѣ, приказала, чтобы мы

сюда прїѣхали и все, что говорятъ на васъ доподлинно, согласно каноническимъ постановленіямъ, узнали и успокоили, а особенно предостерегли, чтобы догматы ея и обычаи никакой перемѣны не потерпѣли, но чтобъ остались въ своемъ видѣ и строго были соблюдаемы. Прибывши сюда, мы узнали, что милостивѣйшій король Сигизмундъ III назначилъ Брестъ-Литовскій для частнаго собора, куда и собрались, какъ это мы видимъ. И мы къ назначенному сроку сюда послѣдивши и, скоро прибывши, до твоей милости, равно какъ и до владыкъ твоихъ, посылаемъ это наше посланіе, служащее знакомъ нелицемѣрной, истинной во Христѣ любви нашей, которую къ вамъ питаемъ и, такимъ образомъ, братіе, напоминаемъ вамъ, чтобы вы соблюдали каноны и постановленія св. отцовъ, наслѣдуя оныя, какъ члены св. Божіей католической и восточной церкви. Покажите теперь, какъ прежде это дѣлали, свою ревность и преданность ей, чего и сама справедливость отъ васъ требуетъ, и прибудьте до тѣхъ, которые служатъ здѣсь представителями церкви, во-первыхъ для того, чтобы утѣшиться другъ другомъ, исполняя любовь братскую въ Господѣ Христѣ, во-вторыхъ для того, чтобы посовѣтоваться, какую церковь избрать для собора и при этомъ успокоить всякія замѣшательства и тревоги и съ помощію Св. Духа показать примѣръ къ почитанію и славѣ единого трїипостаснаго Бога, на утѣшеніе и радость народу христіанскому. Будьте здоровы. Въ Брестѣ, октября 5-го, индикта 10-го. ¹⁶⁸).

По прочтеніи этихъ грамотъ, великій протосинкелль Никифоръ въ сказанной имъ рѣчи объяснилъ причину дѣйствій митрополита. — „Какъ сдѣлавшій зло, ненавидитъ добро и не можетъ приступить къ нему, — говорилъ онъ, — такъ и митрополитъ съ своими владыками не можетъ явиться сюда, боясь понести достойное наказаніе, котораго, однако, не избѣжитъ, если будетъ пребывать въ своемъ намѣреніи“ ¹⁶⁹).

Чтобы не отступать отъ постановленій церковныхъ, узаконявшихъ троекратный призывъ на соборъ, рѣшено было, по предложенію Никифора, отправить къ митрополиту еще одно посоль-

ство, въ которомъ на этотъ разъ участвовало семь лицъ ¹⁷⁰). По примѣру предыдущихъ разовъ, соборъ снабдилъ посольство параностигомъ, въ которомъ говорилось, что, если митрополитъ не явится на соборъ и послѣ этого, третьяго приглашенія, и не объяснится въ томъ, въ чемъ его письменно и устно обвиняютъ, то соборъ вынужденъ будетъ поступить съ нимъ по канонамъ св. отцовъ и потомъ не будетъ уже мѣста оправданію ¹⁷¹).

Посольство скоро возвратилось и доложило собору, что митрополитъ такъ имъ отвѣтилъ: «что сдѣлано, то уже сдѣлано; иначе теперь быть не можетъ; хорошо или дурно мы поступили, только мы отдались западной церкви» ¹⁷²). Выслушавши этотъ отвѣтъ, протосинкеллъ Никифоръ обратился къ собору съ обширною рѣчью. Въ ней онъ сильно обличалъ митрополита и единомышленниковъ ему епископовъ за ихъ пренебреженіе къ патриарху константинопольскому и къ церкви восточной и за произведенныя ими измѣной ея догматамъ безпорядки въ средѣ преданныхъ ей сыновъ. Примѣрами изъ ветхозавѣтной исторіи онъ доказывалъ, что измѣнившіе вѣрѣ должны быть замѣнены достойнѣйшими изъ вѣрныхъ. Затѣмъ хвалилъ присутствовавшихъ за ихъ преданность православію, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, и предостерегалъ ихъ отъ выгодъ и богатствъ, стремясь къ которымъ, многіе измѣняютъ своей вѣрѣ. Потомъ защищалъ себя противъ тѣхъ, которые говорили, будто онъ не имѣлъ права присутствовать на соборѣ, какъ предсѣдатель, и въ заключеніе, обращаясь къ собранію, спросилъ, когда и какимъ образомъ митрополитъ и владыки начали стараться объ отступничествѣ ¹⁷³). На этотъ вопросъ отъ лица всѣхъ присутствовавшихъ отвѣчалъ (порусски, а іеродіаконъ Кипріанъ перевелъ по-гречески) кievскій архимандритъ Никифоръ. Въ своей рѣчи онъ указалъ, что начало отступничества митрополита замѣтнымъ стало съ того времени, какъ патриархъ цареградскій Іеремія за непозволенные и непристойные поступки наложилъ на него своей грамотой временное запрещеніе ¹⁷⁴); съ этого времени митрополитъ вошелъ въ согласіе съ другими епископами и высказалъ намѣреніе отступить отъ восточной церкви, для чего владимірскій и луцкій епископы по-

ѣхали въ Римъ, откуда возвратившись, и всѣхъ хотѣли заставить послѣдовать ихъ примѣру... «Но мы,—говорилъ Никифоръ,—никогда не отступали отъ обычаевъ и св. догматовъ, которые приняли отъ нашихъ предковъ, напротивъ, свидѣтельствуемъ, что будемъ держаться ихъ до конца нашей жизни. И не только тѣ изъ насъ, которые прибыли сюда на соборъ, но и всѣ православные христіане этой епархіи: князья, вельможи, рыцарство, церковныя братства и великое множество народа русскаго. Что это дѣйствительно такъ, видно изъ инструкцій, которыя чрезъ пословъ присланы на соборъ изъ разныхъ мѣстъ»¹⁷⁵).

Затѣмъ приступлено было къ разбору самыхъ инструкцій, которыхъ было очень много, но всѣ онѣ сводились къ тремъ главнымъ положеніямъ. Во-первыхъ, чтобы духовные, которые отступили отъ православной церкви и поддались власти папской, были лишены того сана, какой они имѣли до отступленія. Во-вторыхъ, чтобы на этомъ помѣстномъ брестскомъ соборѣ не было постановляемо соединеніе съ западною римскою церковью безъ позволенія патріарховъ и всей восточной церкви,—безъ соглашенія о всѣхъ разностяхъ въ вѣрѣ, только на основаніи положенномъ двумя владыками, имѣющими въ этомъ своекорыстные виды—покрыть свои преступленія и приобрѣсть себѣ пользу и возвышеніе; напротивъ, древнее христіанское богослуженіе, принятое предками отъ восточной церкви и содержимое всѣми, подтвержденное привиллегіями, конфедераціями и королевскими присягами, должно быть оставлено въ цѣлости, безъ перемѣны обрядовъ и прежней патріаршей власти. Въ-третьихъ, чтобы не принимать новаго календаря, явно противнаго правиламъ церковнымъ, а сохранять ненарушимо свободное употребленіе стараго, на основаніи грамоты короля Стефана и бывшаго постановленія по сему предмету¹⁷⁶). По разсмотрѣннн инструкцій, тотъ же архимандритъ кievскій Никифоръ сказалъ, что съ отступниками должно поступить по опредѣленію св. отцовъ и по канонамъ церковнымъ. Кирилль, протосинкелль церкви александрійской, вслѣдъ за Никифоромъ высказалъ то же самое.

Еще онъ не окончилъ своей рѣчи, какъ отъ королевскихъ пословъ пришла депутація, съ приглашеніемъ православныхъ выслать къ нимъ представителей для выслушанія королевской воли. Въ этой депутаціи былъ знаменитый іезуитъ Петръ Скарга и нѣкоторые вельможи латинскіе. Придя въ домъ, гдѣ засѣдали православные, Скарга вызвалъ князя Острожскаго и его сына Александра изъ общей залы въ отдѣльную маленькую комнату и тамъ, со свойственнымъ ему искусствомъ, повелъ рѣчь, стараясь склонить ихъ къ уніи. Узнавъ объ этомъ, предсѣдатель собора Никифоръ сказалъ, что приличнѣе было бы Скаргѣ явиться въ общее собраніе и диспутировать здѣсь открыто съ учеными богословами, чѣмъ посредствомъ діалектики тайно вести дѣло съ людьми не специалистами въ богословіи. «Тѣмъ болѣе прилично было бы такъ поступить, — говорилъ онъ, — что мы просили всѣхъ, желающихъ возражать что-либо противъ обычаевъ, каноновъ и св. догматовъ восточной церкви, являться въ соборную залу»¹⁷⁷). Попытка Скарги не имѣла успѣха. Православные хотя и признавали, что депутаціи королевскихъ пословъ слѣдовало предстать предъ ихъ соборомъ, но чтобы избѣжать упрековъ, а главнымъ образомъ изъ почтенія къ королю, представителями котораго они пріѣхали на соборъ¹⁷⁸), отправили къ посламъ восемь человекъ, по четыре отъ каждаго кола. Съ ними, согласно просьбѣ королевскихъ пословъ, отправились владыки львовскій и перемышльскій съ нѣкоторыми священниками¹⁷⁹). Королевскіе послы обратились къ пришедшимъ съ обширной рѣчью. Въ ней они говорили, что три года тому назадъ король получилъ заявленіе отъ митрополита и отъ владыкъ, въ числѣ которыхъ были львовскій и перемышльскій, за ихъ собственноручною подписью, что они желаютъ подчиниться власти римской церкви. Извѣстно было королю, что и князь Острожскій¹⁸⁰) желалъ уніи и для этого въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ сносился съ папою Григоріемъ XIII чрезъ Поссевина и недавно (на варшавскомъ сеймѣ) лично просилъ короля созвать соборъ, обѣщая помочь соединенію церквей, что нѣкоторыя просьбы князя о соборѣ король выполнилъ. Потомъ упрекали православныхъ за то, что они пріѣхали съ вооружен-

ными людьми, какъ будто хотѣли этимъ устрашить кого-нибудь, и отдѣльно собравшись, выбрали себѣ маршалковъ, игнорируя этимъ власть уполномоченныхъ короля; — что допустили къ себѣ еретиковъ и, что хуже всего, поставили во главѣ своей сходки грека Никифора, бѣглеца, человѣка неблагонадежнаго, агитирующаго противъ Польши, — что допустили къ участию людей свѣтскихъ и собрались въ домѣ, а не въ церкви. Говорили, затѣмъ, что если нѣкоторые владыки отступили отъ власти царьградскихъ патріарховъ, то хорошо сдѣлали; потому что сами патріархи отступили отъ Божіей церкви (римской) и теперь не хотятъ съ ней соединиться или не могутъ вслѣдствіе турецкой неволи. Далѣе, выставляли на видъ, что хотятъ согласія и любви, которыя тѣмъ болѣе необходимы, что Польша грозитъ опасность отъ Турокъ, какая уже постигла грековъ и другихъ еретиковъ ¹⁸¹).

Королевскіе послы предполагали, что пришедшая отъ православныхъ депутація вызоветъ ихъ на диспутъ о единствѣ церкви, поэтому они призвали Скаргу, о присутствіи котораго на соборѣ лично просили короля, и товарища его, іезуита Густа Роба ¹⁸²). Но депутація, не желая входить въ какіе бы то ни было диспуты, поспѣшила донести своему собору о томъ, что слышала отъ королевскихъ пословъ. Послѣдніе того же дня вечеромъ получили такой отвѣтъ отъ православныхъ. «Мы съ благодарностію принимаемъ отеческое его милости короля попеченіе о согласіи между его подданными и весьма рады приступить къ нему...., но послѣлику изъ исторіи видно, что сіе св. соединеніе, сколько ни было заключаемо, всякій разъ было и разрывается, ибо не были устраняемы все препятствія къ нему, — то не желая болѣе созидать такіа непрочна дѣла, мы хотимъ приступить къ сему согласію осмотрительнѣе, надлежащими средствами и путями, чтобы оно, утвержденное на крѣпкомъ основаніи, могло пребывать долго и — дай Богъ — вѣчно. Но, примѣчая, какіе люди подали теперь поводъ къ утвержденію этого согласія, и видя, что на это нѣтъ позволенія всей церкви восточной и особенно патріарховъ; зная также, что этимъ дѣломъ завѣдуютъ владыки подозрительные по большей части; — а разности относительно вѣры не могутъ быть приведены здѣсь въ надлежащее

согласіе, —мы не видимъ на этотъ разъ добраго основанія къ такому соединенію, а потому рѣшительно недопускаемъ его». Затѣмъ православные просили, чтобы ихъ теперешнее несогласіе на унію не было истолковано въ худую сторону и не навлекло на нихъ гибѣна короля, такъ какъ они готовы съ радостію приступить къ ней, если на это согласится вся восточная церковь и особенно патріархи ¹⁸³). Отправивъ этотъ отвѣтъ королевскимъ посламъ, православные занялись разсмотрѣніемъ дѣла дидаскала виленскаго братства Стефана Зизанія и двухъ священниковъ—Василія и Герасима, осужденныхъ митрополитомъ за ересь. Соборъ оправдалъ ихъ ¹⁸⁴). Остальное время этого дня посвящено было разсужденіямъ о панской власти и другимъ вопросамъ, предложеннымъ присутствовавшими, отвѣты на которые были даваемы Никифоромъ и Кирилломъ ¹⁸⁵). Все сдѣланное въ этомъ соборномъ засѣданіи было записано въ соборные акты. Такъ прошелъ третій день брестскаго собора.

9-го октября королевскіе послы, усомнившись въ согласіи между православными и латинянами, напомнили бискупамъ и владыкамъ, чтобы они приступили къ исполненію того, для чего собрались сюда, «не обращая вниманія на эту, болѣе еретическую, чѣмъ греческую сторону», какъ выражается Скарга ¹⁸⁶). Послѣ этого бискупы и владыки, въ полномъ облаченіи, согласно сану каждаго, съ протопопами, священниками, архимандритами и игуменами, а также съ большимъ множествомъ пановъ и народа, при колокольномъ звонѣ, отправились въ церковь св. Николая. Здѣсь, совершивши молебствіе о соединеніи христіанъ, они размѣстились такъ, что по однойсторонѣ были послы папы и короля, а по другой—митрополитъ съ единомышленными ему владыками. Затѣмъ вышелъ на амвонъ полоцкій архіепископъ Германъ и, держа въ рукѣ подписанную грамоту, прочелъ по ней напередъ составленный актъ уніи. Въ этой грамотѣ митрополитъ съ владыками на вѣчную память объявляютъ, что на соборѣ въ Брестѣ они признали главенство римской церкви, которое и восточными патріархами въ продолженіи немалаго времени было признаваемо, что для этой цѣли они, съ вѣдома короля, прошлаго года посы-

лали въ Римъ Поцѣя и Терлецкаго, что папа согласился на ихъ просьбу, приказавъ, чтобы они созвали здѣсь соборъ и св. исповѣданіе вѣры учинили, — что, затѣмъ, это сдѣлано теперь «яко то листы наши и подписанія властныхъ рукъ съ приложеніемъ печатей нашихъ свѣтчатъ» и, наконецъ, что листы эти вручены посламъ папы въ присутствіи пословъ его милости, короля и всѣхъ находящихся на соборѣ лицъ какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ¹⁸⁷). Когда была прочитана грамота, епископы западной церкви въ знакъ единенія облобызались съ владыками церкви восточной, давая другъ другу увѣренія любви и согласія. Потомъ, воспѣвъ хвалу тріипостасному Богу, въ тѣхъ же облаченіяхъ со всѣми присутствовавшими отправились въ латинскій костелъ св. Маріи и тутъ пропѣли: *Te Deum laudamus*. «Видя это торжество, пишетъ Скарга, народъ проливалъ слезы радости, дивясь этому счастливому и давно желанному часу и любви Бога, соединяющаго разрозненныхъ и возвышающаго покорныхъ¹⁸⁸). Актъ уніи митрополитъ приказалъ вывѣсить въ разныхъ мѣстахъ¹⁸⁹). Въ тотъ же день митрополитъ и владыки — уніаты лишили сана епископа львовскаго Гедеола за то, — какъ сказано въ грамотѣ, — что онъ «съ митрополитомъ, пастыремъ и старшимъ своимъ на мѣстце синодови звыклое сходитися не хотѣлъ..., а особно схажки якись мѣлъ, и тамъ покутнѣ зъ еретыками сполкововалъ и зъ особами до собору неналежными»; о чемъ извѣщено его милости, королю, чтобы вакантную епископію Гедеола отдалъ кому пожелаетъ¹⁹⁰). Также осужденъ и лишенъ былъ сана кievскій архимандритъ Никифоръ Туръ, которому, какъ и Гедеола, вечеромъ, 9 октября, прислана была объ этомъ соборная грамота митрополита¹⁹¹). На слѣдующій день, въ воскресенье, издана была грамота, осуждающая и Михаила Копыстенскаго, епископа перемышльскаго, а также многихъ архимандритовъ, игуменовъ и священниковъ (въ ней же подтверждается осужденіе Гедеола и Никифора) за то, что всѣ они, по словамъ митрополита, «зъ еретыками сполковали и зъ ними сомницы лукаво совѣтовали, отъ святаго собора нашего отлучившися»¹⁹²). Того же дня нововозсоединившіеся владыки служили вмѣстѣ съ латинскими бискупами въ церкви св. Николая, гдѣ иезуитъ Скарга говорилъ проповѣдь о

мирѣ и счастливомъ соглашеніи во Христѣ (православныхъ и латинѣ). Окончивши такимъ образомъ дѣла, которыя, какъ мы видѣли, были очень несложны, изложивъ ихъ письменно и скрѣпивъ печатами, участвовавшіе въ соборѣ уніаты и латиняне разѣхались¹⁹³).

Какъ же окончился соборъ у православныхъ? Въ субботу, 9 октября, православные собрались очень рано (*jeszcze na zorghach*) и тотчасъ приступили къ суду надъ митрополитомъ и его сообщниками. Никифоръ открылъ засѣданіе рѣчью, въ которой очень подробно перечислилъ ихъ проступки, обвиняя ихъ въ томъ, во-первыхъ, что они преступили данную ими присягу повиновенія власти патріаршей (Никифоръ привелъ и самыя слова ихъ присяги), во-вторыхъ, что нарушили постановленія древнихъ соборовъ (9-е прав. 4-го всел. собора, которое и было приведено), запретившихъ епископамъ одного церковнаго округа относиться въ другой округъ вмѣсто своего; въ-третьихъ и четвертыхъ, что, преступая соборныя постановленія, своею властію, безъ соизволенія патріарха, рѣшили вопросъ о соединеніи церквей, который можетъ подлежать рѣшенію только вселенскаго собора и, въ-пятыхъ, что не обратили вниманія, на троекратное приглашеніе ихъ на соборъ, чтобы дать отчетъ въ своихъ поступкахъ¹⁹⁴). Какъ только Никифоръ окончилъ свою рѣчь, соборъ сталъ требовать, чтобы немедленно былъ объявленъ приговоръ надъ митрополитомъ и провинившимися владыками. Тогда Никифоръ сталъ на возвышеніи и, держа въ правой рукѣ крестъ, а въ лѣвой—евангеліе, произнесъ слѣдующее: «обиженная (*wzgardzona*) св. восточная церковь повелѣваетъ намъ и настоящему собору, чтобы митрополитъ и епископы¹⁹⁵) лишены были архіерейскаго достоинства, власти и епископскаго названія и всякаго нашего духовнаго сана»¹⁹⁶). Приговоръ былъ подписанъ всѣми членами духовнаго кола и въ тотъ же день отправленъ имъ. Кромѣ этого, всѣми членами собора сдѣлано было постановленіе просить короля, чтобы не удерживалъ этихъ ложныхъ пастырей, отрѣшилъ ихъ, какъ явныхъ отступниковъ и назначилъ другаго митрополита и другихъ владыкъ¹⁹⁷). Того же 9 октября была написана на соборѣ

православныхъ протестація. Въ ней воѣ члены собора возражаютъ противъ митрополита и осужденныхъ съ нимъ владыкъ, составившихъ и обнародовавшихъ соглашеніе относительно обрядовъ восточной и западной церкви, — соглашеніе сдѣланное безъ вѣдома членовъ собора и противъ всякой справедливости. «Поэтому мы, писали православные, свидѣтельствуемъ и протестуемъ противъ лицъ, дѣлъ и самого поступка и обѣщаемся не только не принимать его, но и противоборствовать ему воѣми силами; свое же дѣло, сдѣланное противъ нихъ, будемъ поддерживать воѣми нашимъ достояніемъ..., а особенно просьбами нашими у его королевской милости. Сіе заявленіе наше посылаемъ въ брестскій радъ, для внесенія его въ тамошнія книги. Писано въ Брестѣ, 9 октября, по старому календарю 1596 года»¹⁹⁸). Такъ окончился соборъ православныхъ.

Такимъ образомъ, вмѣсто предполагавшагося одного собора, въ Брестѣ отбылось ихъ два—православный и униатскій, оба совершенно различные другъ отъ друга до полной противоположности. Характеръ дѣйствій того и другаго вытекаетъ, конечно, изъ цѣли ихъ. Эти цѣли намъ извѣстны: одни ѣхали утвердить унию, а другіе поразить ее. Но первыя имѣли уже готовое, напередъ составленное рѣшеніе, а вторые должны были выработать его. Поэтому-то дѣйствія латинской партіи отличаются только формальной стороною, тогда какъ дѣйствія православныхъ поражаютъ глубокимъ анализомъ внутренняго содержанія ихъ. Надо было осудить унию и ея виновниковъ и необходимо было сдѣлать это на основаніи канонв и постановленій церкви. И, дѣйствительно, православные такъ поступили, не опуская изъ виду и формальной стороны. Замѣчательно въ ихъ дѣйствіяхъ строгое исполненіе соборныхъ правилъ. Завѣдомо перешедшій на сторону митрополитъ призывается на соборъ три раза. Въ самомъ осужденіи митрополита и измѣнившихъ владыкъ ведется дѣло такъ, что на всякій пунктъ обвиненія приводится нарушенное соборное правило. Вообще, во всемъ видна у православныхъ основательность, вѣрное знаніе гражданскихъ и церковныхъ законовъ, прямота дѣйствій, любовь къ королю и даже противной партіи. Сами поборники униі отлично

сознавали каноническую законность дѣйствиі собора православныхъ и потому не имѣли возможности ихъ обличать, чего, конечно, они не преминули бы сдѣлать.

Характеръ дѣйствиі уніатскаго собора, какъ замѣчено выше, чисто формальный и, въ смыслѣ подражанія собору православныхъ (а латинская партія старалась подражать), онъ можетъ быть названъ очень блѣдной копіей своего прототипа. Православные тоекратно посылали къ нимъ посольства; надо было сдѣлать что-нибудь въ этомъ отношеніи и латинской партіи. И вотъ присылается депутація съ словеснымъ, надо замѣтить, приглашеніемъ православныхъ на соборъ. Но что же? Здѣсь, какъ и вездѣ, сказывается подпольный образъ дѣйствиі латинства. Скарга, посланный въ качествѣ посла пригласить православныхъ на соборъ, кабинетнымъ образомъ старается склонить князя Острожскаго къ уніи. Было ли это личнымъ дѣйствиемъ Скарги или общимъ интересомъ всѣхъ посылавшихъ его, во всякомъ случаѣ фактъ самъ по себѣ очень краснорѣчивый. Больше посольствъ не было. Нельзя не видѣть, что въ процессіяхъ, въ торжественныхъ ходахъ изъ церкви въ костелъ, въ обстановкѣ, бьющей на эффектъ, латинская партія преслѣдовала только одну форму. Надо было оформить унію, а это лучше всего выражалось въ пышныхъ церемоніяхъ, которыя, какъ мы видѣли, и занимали большую часть времени у латинской партіи. Когда вопросъ рѣшенъ, то и разсуждать о немъ нѣтъ необходимости. И, дѣйствительно, на соборѣ уніатовъ не имѣли мѣста ни совѣщанія, ни разсужденія. Напередъ составленный и подписанный актъ уніи читается прямо, какъ дѣло рѣшенное. Въ соборѣ православныхъ, согласно церковнымъ канонамъ, принимали участіе міряне, такъ какъ вопросъ объ уніи касался ихъ отношеній къ церкви; уніатамъ не было нужды въ совѣщаніи съ народомъ, да его и не было на ихъ соборѣ. Надо было, наконецъ, выместить чѣмъ-нибудь епископамъ, не принявшимъ участія въ уніи. Для этого они прямо обвиняются въ сопротивленіи митрополичей власти, осуждаются и лишаются сана, безъ всякихъ основаній. Если, повторемъ, на соборѣ православныхъ все дѣлалось на основаніи правилъ и каноновъ церк-

ви, то уніаты вовсе не руководствовались ничѣмъ такимъ или, правильнѣе сказать, только и руководствовались желаніемъ утвердить унію,—желаніемъ, которому все остальное приносилось въ жертву. Какъ православные, такъ и уніаты постановили каждыя свои рѣшенія, такъ же противоположныя, какъ не сходны были цѣль ихъ прибытія на соборъ и дѣйствія на немъ, и эти рѣшенія представили королю. Напередъ можно было угадать, на чьей сторонѣ будетъ королевская власть. Нѣтъ сомнѣнія,—на той, къ которой и раньше она склонялась, т. е. на сторонѣ уніатовъ. Такъ и случилось,—и со времени брестскаго собора унія стала фактомъ совершившимся, какъ ни ненормальны были мѣры для распространенія ея, какъ ни противорѣчила она жизни западно-русскаго народа, всегда ее ненавидѣвшаго, и, наконецъ, какъ ни незаконно совершилось принятіе ея. Унія теперь имѣла всѣ права внѣшней авторитетности, внѣшней законности, ибо торжественно была принята высшими духовными представителями западно-русской церкви и утверждена королемъ. Получивъ, такимъ образомъ, со времени брестскаго собора юридическое право на свое существованіе, унія не могла не стать во враждебное отношеніе къ православію. Иначе и не могло быть. Оставить унію на порогѣ фактическаго принятія ея всѣми, которое, какъ казалось латинянамъ, должно было осуществиться, было бы дѣломъ неоконченнымъ, да это и не входило въ расчеты польскаго правительства. Унія и православіе не могли существовать вмѣстѣ, и такъ какъ на сторонѣ первой были симпатіи короля, папы, польскаго латинства и принявшихъ ее іерарховъ, то второе должно было уступить ей свое мѣсто.

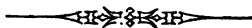
Насколько успѣла въ этомъ унія, какія лица выступили во главѣ уніатскаго движенія и что встрѣтило поборниковъ уніи на пути ихъ стремленій осуществить свои планы, — это мы увидимъ ниже, а теперь скажемъ нѣсколько словъ о послѣдствіяхъ брестскаго собора для польскаго правительства и православныхъ.

Извѣстно, къ чему стремилось польское правительство и въ частности всѣ тѣ, которые дѣйствовали съ ними заодно въ

пользу уни. Они стремились объединить посредством единовѣрія разноэлементный составъ Рѣчи посполитой и тѣмъ укрѣпить слабый государственный организмъ Польши. По ихъ разсчету, униа должна была служить звеномъ, скрѣпляющимъ латицо-польскій и литовско-русскій народы, и брестскій соборъ, но мысли короля (какъ это видно изъ манифеста по этому поводу) и поборниковъ латинства, придавъ внѣшнюю законность унии, долженъ былъ, выразимся такъ, служить послѣднимъ словомъ въ дѣлѣ этого единенія. Но, какъ мы видѣли, дѣйствія брестскаго собора вовсе не оправдали ожиданій польскаго правительства. Онъ не только не содѣйствовалъ сближенію двухъ народностей, не только не достигъ желаннаго латинствомъ единенія, а напротивъ, усилилъ разогрѣтое происками латинской партіи чувство,—чтобы не сказать болѣе,—нерасположенности къ ней и, раздѣливъ народъ на два враждебныхъ лагеря, усилилъ раздоръ и тѣмъ содѣйствовалъ разстройству и безъ того уже ослабленнаго польскаго государства. Таковы послѣдствія брестскаго собора для Польши.

Что-же принесъ этотъ соборъ православнымъ? Не любъ былъ русскому народу его сосѣдъ—полякъ, не любя была ему и вѣра латинская. Онъ защищался, насколько позволяли ему его силы отъ нежданныхъ притязаній навязать эту чуждую ему вѣру. Но сила, какой располагали ревнители унии, была велика и упорна и потому отвергнутая самимъ народомъ, латинская вѣра была принята отъ лица его іерархами. Эти послѣдніе до времени брестскаго собора, если не были на дѣлѣ пастырями русскаго народа, то, по крайней мѣрѣ, по формѣ считались такими для него и, если ходившая молва обвиняла старѣйшаго изъ нихъ митрополита Рогозу въ участіи его въ унии, то не было фактовъ, могущихъ явно посвидѣтельствовать объ этомъ (какъ извѣстно, іерархи — поборники унии даже другъ предъ другомъ скрываются). Теперь, когда дѣла въ Брестѣ окончились взаимнымъ проклятіемъ собравшихся сюда и депутаты, бывшіе на соборѣ, разгласили объ этомъ каждый въ своемъ краѣ, народъ увидѣлъ, что и эта внѣшняя, юридическая связь митрополита съ нимъ порвана, что его вѣра поправа ея-же верховнымъ представителемъ и что съ этихъ поръ,

дѣйствуя заодно съ польскимъ правительствомъ, митрополитъ съ своими единомышленниками хочетъ олатинить русскій народъ. Горько было сознание своей безпомощности въ виду предстоящей борьбы съ насиліемъ со стороны поборниковъ уніи. Но какъ всегда бываетъ, при отсутствіи внѣшней помощи и поддержки, человѣкъ старается найти ее въ себѣ самомъ, обращается къ своему внутреннему міру. Такъ случилось теперь и съ литовско-русскимъ народомъ. Но, ища въ себѣ самомъ поддержки, онъ въ то же время обращаетъ свой взоръ къ далекому, единовѣрному востоку.

Православные и уніаты послѣ провозглашенія брестской церковной уніи.

Такъ какъ интересы уніи находились въ тѣсной связи съ интересами польскаго государства, то королевская власть, несмотря на законность дѣйствій и правоту дѣла православныхъ, стала на сторонѣ латинской партіи. Король Сигизмундъ утвердилъ рѣшенія, постановленныя уніатами на брестскомъ ихъ соборѣ, и 15 декабря 1596 г., окружною грамотою къ литовско-русскому духовенству и мірянамъ приказывалъ, чтобъ они признавали своими пастырями владыкъ, принявшихъ унію, и съ Гедеономъ львовскимъ и Михаиломъ перемышльскимъ не имѣли-бы никакого общенія, какъ съ низложенными ¹⁹⁹). Вскорѣ затѣмъ (въ февралѣ и мартѣ 1597 г.), на варшавскомъ сеймѣ король осудилъ бывшаго предсѣдателя на соборѣ православныхъ—Никифора, ложно обвиненнаго въ шпіонствѣ, и заточилъ его ²⁰⁰). Такой поступокъ короля не могъ не ободрить уніатовъ-іерарховъ въ ихъ дѣйствіяхъ на пользу уніи и они, пуская въ ходъ то проклятіе за неповиновеніе, то угрозу лишить занимаемыхъ должностей, завлекаютъ въ унію многихъ изъ православнаго духовенства. Король содѣйствовалъ владыкамъ и жаловалъ ихъ своими милостями ²⁰¹).

Но начало юридической жизни уніатской церкви, въ силу уже извѣстныхъ намъ причинъ, не могло не встрѣтить противо-дѣйствія со стороны православныхъ. Уже на варшавскомъ сеймѣ западно-русскіе послы требуютъ, чтобы были соблюдаемы *роста conventa* и чтобъ принявшіе унію владыки были низвергнуты. Но, главнымъ образомъ, православные противо-дѣйствуютъ уніи подѣ влияніемъ увѣщаній протосинкелла Никифора ²⁰²), находившагося тогда въ Литвѣ и особенно вслѣдствіе посланій и писемъ мѣстоблюстителя цареградской кафедрѣ, александрійскаго патріарха Мелетія. Послѣдній, одобрявъ дѣйствія православныхъ на брестскомъ соборѣ, писалъ имъ избрать новаго митрополита и епископовъ (вмѣсто принявшихъ унію), а пока назначилъ для западно-русской церкви трехъ экзарховъ: Кирилла Лукариса, епископа Гедеона и князя Острожскаго, вмѣняя имъ въ обязанность просить короля о дозволеніи православнымъ жить по отеческимъ обычаямъ и догматамъ. Писалъ также братствамъ, вельможамъ, духовенству, народу и, чаще другихъ, кн. Острожскому, всѣмъ завѣщая хранить православную вѣру ²⁰³).

Для православныхъ особенно благотѣльно было назначеніе Гедеона цареградскимъ экзархомъ. Въ этомъ званіи онъ былъ архипастыремъ не только для львовской паствы, но и первосвятителемъ для всѣхъ православныхъ западно-русской церкви, находившихся въ предѣлахъ епархій уніатскихъ владыкъ, удовлетворяя ихъ нужды, какъ въ поставленіи священниковъ, такъ и въ выдачѣ антиминовъ, въ освященіи церквей и т. п. Эти дѣйствія Гедеона до того возмущали уніатовъ, что Рогоза принужденъ былъ составить подложное постановленіе (которое онъ приписалъ собору, бывшему въ 1509 г. въ Вильнѣ) и въ нарушеніи этого постановленія, запрещавшаго одному епископу «духовныя sprawy отпраувати» въ чужой области, надо полагать, обвинилъ Гедеона предъ королемъ. По крайней мѣрѣ послѣдній въ своей грамотѣ къ Гедеону (отъ 22-го марта 1599 г.) приказываетъ ему прекратить свои незаконныя дѣйствія и жить спокойно ²⁰⁴). Противо-дѣйствуя уніи въ оборонительномъ, такъ сказать, положеніи, православные, по естественной враждѣ къ ней, дѣйствовали и на-

ступательно. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія обвиненіе Поцѣя и Терлецкаго на варшавскомъ сеймѣ 1598 г. послами воеводства волинскаго, сходное съ обвиненіемъ ихъ на православномъ соборѣ въ Брестѣ. Но, явно покровительствуя уніи, король отложилъ это дѣло до сейма 1600 г. ²⁰⁵), хотя обвиняемые и были вызваны въ Варшаву ²⁰⁶). Видя безуспѣшность своихъ жалобъ королю, державшему сторону уніатовъ, и дерзость поступковъ этихъ послѣднихъ, православные рѣшили создать новую форму противодѣйствія уніи съ правами законности, полагая ее въ союзѣ съ протестантами ²⁰⁷); съѣхавшись (4-го мая 1599 г.), съ цѣлью укрѣпленія этого союза, въ Вильно, знатные православные и протестанты дали клятву защищать отъ уніи и латинства свои храмы и духовенство, какъ и гдѣ только можно будетъ и, чтобъ наблюдать за положеніемъ православныхъ и протестантовъ, избрали 120 провизоровъ ²⁰⁸). Кромѣ этой гражданской, хотѣли было заключить еще религіозную унію: Но послѣдняя, вслѣдствіе несогласій въ вѣрѣ, не состоялась, а потому и первая не принесла ожидаемыхъ плодовъ, хотя, конечно, до уясненія уніатами ея несостоятельности, сильно встревожила ихъ. По крайней мѣрѣ на старческія лѣта М. Рогозы этотъ союзъ имѣлъ гибельное вліяніе, — онъ подкосилъ надломленные его силы и свелъ въ могилу ²⁰⁹).

Брестскій соборъ, открывъ усиленную борьбу православныхъ съ уніатами въ жизни, далъ ей также мѣсто и въ литературѣ. Нельзя пройти молчаніемъ этого знаменательнаго явленія тѣмъ болѣе, что религіозная полемика, возникшая непосредственно за брестскимъ соборомъ, затронула самые живые вопросы литовско-польской жизни. Полемисты, защищая каждый свою партію, рассуждали не только о догматическомъ достоинствѣ православія, уніи и соприкосновеннаго ей латинства, но и о правахъ въ дѣлѣ религіи короля, іерарховъ и народа. Писали въ высшихъ и низшихъ сферахъ; писали защитники уніи и латинства, писали и православные. Одни доказывали правоту уніи и нападали на православіе, другіе осуждали унію и латинство и защищали православную вѣру, тѣ и другіе вмѣстѣ приводили массу доказательствъ

въ пользу своихъ положеній, возбуждая другъ въ другъ горячность къ писанію. Писать объ уніи вошло прямо въ моду, такъ что даже официальные бумаги превращались въ богословскіе трактаты и зараза писать объ уніи коснулась даже чиновниковъ ²¹⁰). Какъ православные, такъ и уніатскіе писатели, чѣмъ болѣе углублялись и преслѣдовали политическія цѣли, тѣмъ сильнѣе высказывали убѣжденія и характеристическія черты своей партіи, часто предавая гласности темныя стороны своихъ противниковъ. Сочиненія, пущенныя въ ходъ, конечно, производили свое дѣйствіе на читателей, вызывая въ нихъ то новый порывъ къ полемикѣ въ литературѣ, то желаніе дѣйствовать въ пользу извѣстной партіи въ жизни. Благодаря этой литературной борьбѣ, появились сочиненія, имѣющія величайшее значеніе для исторіи этой эпохи ²¹¹). Въ то же самое время, выдавая убѣжденія и взгляды различныхъ партій, съ такимъ жаромъ подымавшаяся полемика не могла, конечно, не отмѣтить и лицъ, стоявшихъ во главѣ полемическаго движенія, хотя послѣднія, по большей части, и старались скрывать свои настоящія имена, обозначая издаваемые ими сочиненія псевдонимами ²¹²). Для польскаго правительства очень необходимы были такіе люди изъ уніатской партіи. Принятая меньшинствомъ и, притомъ, насильно, унія нуждалась въ твердыхъ людяхъ, въ дѣятеляхъ и защитникахъ тѣмъ болѣе, что въ рядахъ своихъ она имѣла много отступившихъ отъ православія или изъ страха, или по своекорыстнымъ цѣлямъ.

Такимъ человѣкомъ, уже извѣстнымъ, по понесеннымъ для уніи трудамъ, и испытаннымъ по своей преданности ей, намѣченъ былъ полемигой и Ипатій Поцѣй, назначенный королемъ, по смерти М. Рогозы, на митрополичью кафедру ²¹³). По своимъ качествамъ Поцѣй могъ оправдать ожиданія польскаго правительства. Если предшественникъ его былъ человѣкомъ, лишеннымъ самоопредѣленія и болѣе склоннымъ отображать мысли и проекты другихъ, а потому, принявъ унію, предоставилъ ее ей-же самой, собственному ея развитію и силѣ, то Поцѣй, по своей практичности, по своей способности къ обширнымъ планамъ и сноровкѣ въ отысканію средствъ для осуществленія ихъ, хотѣлъ выпол-

нить идеи папы и латинско-польской партіи и подчинить униі всю западно-русскую церковь. Можно представить, какой упорной борьбой должны были разрѣшиться эти планы Поцѣя, когда навстрѣчу имъ выступитъ крѣпкая сила отборной массы православныхъ съ накипѣвшей ненавистью къ униі. Уже назначеніе Поцѣя стоило королю двухъ грамотъ, ибо въ продолженіи полугода послѣ первой грамоты митрополитъ не былъ принятъ духовенствомъ ²¹⁴). Движеніе православныхъ, происходившее на глазахъ Поцѣя, конечно, не было ему неизвѣстно. Онъ хорошо понималъ и раздраженіе ихъ противъ униі, и злобу къ представителямъ ея; но въ этомъ-то онъ и видѣлъ прекрасную нишу для своей энергической натуры и смѣло выступилъ съ своими затѣями. Не станемъ говорить, во что обошлось ему осуществленіе ихъ; но скажемъ, что Поцѣемъ сдѣлано для униі болѣе, чѣмъ всякимъ другимъ на его мѣстѣ. Быть можетъ, по своимъ качествамъ одинъ только онъ и въ состояніи былъ вести дѣло такъ; что униі, при ненависти къ ней православныхъ, стала твердой ногой на первыхъ порахъ своего существованія. Обстоятельства ея будто бы законнаго принятія вовсе не были такого характера, чтобъ по нимъ можно было ручаться за успѣхъ ея процвѣтанія. Поцѣй создалъ униі, ему-же пришлось и растить ее, и пока только ему одному. Остальные епископы, получивъ послѣ брестскаго собора богатыя помѣстья, ступшевываются, какъ-бы находя, что ихъ дѣло кончилось, тогда какъ для Поцѣя время послѣ принятія униі было именно періодомъ самой горячей дѣятельности. Впрочемъ, кажется, и самъ Поцѣй ясно видѣлъ качества своихъ собратовъ-епископовъ ²¹⁵), потому что для подкрѣпленія силъ іерархіи старался возвысить лицъ, прежде неизвѣстныхъ. Поцѣю, такимъ образомъ, одному пришлось утверждать униі, одолевать ея противниковъ и своей энергіей доставить торжество ей. Къ концу его правленія она имѣла много церквей, монастырей и послѣдователей. Быть можетъ, ея успѣхи были-бы еще шире, число принявшихъ ее еще больше, если-бы униі, какъ это и было въ проектѣ, ближе стояла къ православію и если-бы Поцѣй въ латини-

зоторскихъ стремленіяхъ не зашелъ слишкомъ далеко, наводняя ее латинствомъ ²¹⁶). Условіе это, подмѣчаемое сквозь призму историческаго изслѣдованія, не имѣло, конечно, мѣста среди неодолимыхъ затрудненій, съ какими приходилось бороться Поцѣю, а если и имѣло, то противное вовсе не входило въ программу польскаго правительства. Съ латинской закваской унія, поднявшая противъ себя православныхъ и, по преимуществу, мірянъ (духовенство, какъ и аристократія принимаютъ, за немногими исключеніями, сравнительно малое участіе), благодаря энергіи Поцѣя, твердо вступила на историческую почву своей жизни и, съ задатками на прочное, повидимому, существованіе, перешла въ руки новаго митрополита Вельямина Рутскаго.

Іосифъ-Вельяминъ Рутскій происходилъ изъ древней фамиліи русскихъ бояръ Вельяминовыхъ и очутился въ подданствѣ Польши при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Отецъ его, начальникъ отряда русскихъ, защищавшихъ замокъ Улу, измѣнилъ своему отечеству во время войны Іоанна Грознаго съ Польшею въ 1568 году, передавъ ввѣренное его охранѣ мѣсто князю Сангушкѣ. За это онъ получилъ въ Литвѣ вотчину Руту, отъ которой и носилъ названіе Рутскаго. Молодой Іосифъ въ польскихъ училищахъ перемѣнилъ православіе на протестантство, и нѣсколько спустя, благодаря стараніямъ іезуитовъ, былъ обращенъ въ латинство. Тѣ-же іезуиты, подмѣтивъ въ Рутскомъ природныя дарованія, отправили его для высшаго богословскаго образованія въ римскую академію. Здѣсь онъ оказался вполне пригоднымъ для латинства человѣкомъ, почему Поцѣй и сдѣлалъ его сперва архимандритомъ, потомъ коадьюторомъ и, наконецъ, еще при жизни своей, назначилъ своимъ преемникомъ на митрополію, что король подтвердилъ грамотою, а папа Павелъ V буллою въ 1611 году ²¹⁷).

Вступивъ, по смерти Поцѣя, въ управленіе уніатскою церковью, Рутскій совершилъ въ ней весьма крупныя преобразованія, имѣвшія важное значеніе на всю послѣдующую ея жизнь и развитіе. Если унія обязана Поцѣю тѣмъ, что онъ, такъ сказать, создалъ для нея внѣшній видъ, утвердилъ ее внѣшнимъ образомъ, отнявъ у православныхъ множество монастырей и церквей, то

многимъ больше унія обязана Рутскому за то, что онъ организовалъ ее внутреннимъ образомъ, придавъ ей внутреннюю прочность. Находясь въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ возлѣ Поцѣя и дѣйствуя подѣ его руководствомъ, слѣдовательно, вполне приглядѣвшись къ ходу дѣлъ уніи, Рутскій не могъ не понять, что ей недостаетъ внутренней организаціи и силы. Конечно, эта сила заключалась въ представителяхъ, въ просвѣщенныхъ пастыряхъ уніатской церкви, которые своимъ воздѣйствіемъ на массу много помогли-бы дѣлу уніи; но этихъ просвѣщенныхъ, преданныхъ уніи и заботящихся о ней пастырей совсѣмъ не доставало уніатской церкви. Ея пастырями были тѣ самые священники, которые такъ недавно считались православными. Одни по принужденію, другіе въ надеждѣ на улучшение будущаго становились въ ряды уніатовъ въ то самое время, когда ихъ церкви переходили въ руки Поцѣя. Могла-ли здѣсь имѣть мѣсто забота объ уніи? Если іерархи, ратовавшіе въ Римѣ и Брестѣ бездѣятельно сидѣли въ своихъ помѣстьяхъ, то что можно было ожидать для пользы уніи отъ вчерашняго православнаго священника, который, быть можетъ, и не предвидѣлъ, что надъ нимъ сегодня совершится превращеніе въ унію. Еще Поцѣй ясно видѣлъ это; но занятый расширеніемъ внѣшнихъ предѣловъ уніатской церкви, при сложности препятствій, для преодоленія которыхъ надо было придумать средства, онъ физически, такъ сказать, не могъ заняться вопросомъ внутренней организаціи уніи. На него обратилъ вниманіе и, можно сказать, посвятилъ свое правленіе м. Рутскій. Онъ видѣлъ, что на бѣлое уніатское духовенство нечего надѣяться, что оно само еще, если не нуждается въ утвержденіи, то въ должной мѣрѣ не окрѣпло въ уніи, поэтому поручить ему интересы ея было-бы дѣломъ рискованнымъ. Быть можетъ, выходя изъ положенія, что не заинтересованное обязанностями семейныхъ пастырей, черное духовенство лучше послѣднихъ способно будетъ служить уніи, м. Рутскій обратилъ все свое вниманіе на монашество и вопросъ, кому поручить задачу привитія уніи, увеличить число ея послѣдователей и придать ей болѣе внутренней силы и прочности, разрѣшенъ былъ въ томъ смыслѣ,

что западно-русская церковная унія поручалась монашеству. Но чтобъ монашество съ пользою могло выполнить возлагаемую на него миссію, его необходимо было преобразовать. Въ римской церкви, какъ извѣстно, имѣлись особыя спеціальныя корпораціи людей, на обязанности которыхъ лежало распространеніе и утверженіе латинской вѣры, — это были монашескіе ордена бенедиктинцевъ, францисканцевъ, бернадиновъ, іезуитовъ и друг. Этотъ латинскій прототипъ м. Рутскій задумалъ скопировать ²¹⁸⁾ и въ жизни уніатской церкви — въ организаціи отдѣльнаго монашескаго ордена. Въ этомъ собственно и заключалось преобразование, какое совершено было митр. Рутскимъ въ черномъ уніатскомъ духовенствѣ. Оно коснулось не только внутренней и вѣшной его стороны, но и самаго названія. Съ 1617 года уніатское монашество, какъ особая корпорація, выступило на поприще исторической жизни и дѣятельности въ пользу уніи подъ названіемъ Базилианскаго ордена.

Но задавшись цѣлью преобразовать уніатское монашество, м. Рутскій хотѣлъ сначала приготовить для него средства, при помощи которыхъ оно могло-бы выполнить свою задачу. Поэтому, еще при жизни Поцѣя, онъ просилъ короля, для поднятія образованія его русскихъ подданныхъ, дозволить уніатскимъ инокамъ, живущимъ въ виленскомъ Св.-Троицкомъ монастырѣ завести школы въ разныхъ мѣстахъ Рѣчи-посполитой. Въ 1613 г. король особой грамотой разрѣшилъ обществу инокѡвъ заняться устройствомъ школъ и обучать въ нихъ разнымъ наукамъ и языкамъ ²¹⁹⁾. Спустя два года, м. Рутскому съ тою-же цѣлью прислана была грамота и отъ папы ²²⁰⁾. Заводимыя школы, по своимъ правамъ, уравнивались со школами латинскими и, будучи подчинены исключительно своимъ только основателямъ-инокамъ, освобождались отъ какой-бы то ни было опеки свѣтскихъ властей. М. Рутскій хотѣлъ придать уніатскимъ школамъ такое-же устройство, какое имѣли іезуитскія латинскія училища. Одновременно съ грамотою объ основаніи школъ, король присоединилъ къ виленскому монастырю минскій монастырь съ тѣмъ, чтобъ оба они считались за одну обшину ²²¹⁾ и этимъ способствовалъ планамъ

митр. Рутскаго, по мысли котораго центръ просвѣщенія долженъ былъ находиться въ Вильнѣ.

Рѣшившись ввѣрить образованіе монашеству, митр. Рутскій, такимъ образомъ, позаботился сперва объ учрежденіи школы, чтобъ преобразованное монашество могло сразу приняться за дѣло, къ которому призывалось. Съ другой стороны, находя, что въ настоящемъ его видѣ оно не можетъ удовлетворять дѣлу просвѣщенія и руководства униатовъ, онъ позаботился о ея преобразованіи, принявъ за образецъ въ этомъ случаѣ латинскіе ордена.

Новогрудскій униатскій соборъ.

Общественныя русскіе монастыри въ основаніи своего устройства имѣли вообще въ литовско-польскомъ государствѣ уставъ св. Василія Великаго ²²²), хотя нѣкоторые изъ нихъ имѣли и свои частныя уставы. При этомъ всѣ они, находясь въ разныхъ мѣстахъ, подчинялись каждый своему епархіальному епископу и своему ближайшему начальнику, настоятелю монастыря. Съ такимъ устройствомъ, конечно, они перешли при Падцѣ въ унию. М. Рутскій задумалъ обобщить всѣ эти монастыри, соединить ихъ какъ-бы въ одинъ общій монастырь и образовать общую корпорацію подъ однимъ особымъ управленіемъ. Для этой цѣли въ 1617 году онъ созвалъ въ своемъ имѣніи Новогрудкѣ (нынѣ уѣздный городъ Минской губ.) соборъ ²²³) (конгрегацию) изъ униатскихъ архимандритовъ, игуменовъ и другихъ представителей монастырей. Сюда также пригласилъ онъ двухъ иезуитовъ, которые-бы совѣтовали и руководили въ преобразованіи монашества по образцу, какой имѣлъ ихъ орденъ. Соборъ, имѣвшій десять засѣданій подъ предсѣдательствомъ самого митрополита, выработалъ правила базилианскаго ордена. По этимъ правиламъ все монашеское униатское духовенство, какъ особое общество, съ названіемъ ордена базилианъ, освобождалось изъ-подъ

власти не только епархіальныхъ архіереевъ, но и самого митрополита. Во главѣ ордена стоялъ протоархимандритъ ²²⁴), какъ ближайшій его начальникъ, съ четырьмя совѣтниками. Эти лица избирались всегда изъ среды самого ордена и имъ принадлежало управление и надзоръ за всѣми монастырями, ихъ настоятелями, братіей, имуществами и проч. Протоархимандритъ имѣлъ своего вицаря или провинціала, а орденъ, сверхъ сихъ должностныхъ лицъ, имѣлъ еще прокуратора, члена ордена, жившаго въ Римѣ и бывшаго постояннымъ уполномоченнымъ при апостольскомъ престолѣ (*procurator in Urbe* ²²⁵); такой-же уполномоченный былъ въ Варшавѣ (для посредничества съ польскимъ правительствомъ) и при всякомъ епархіальномъ архіерее, по назначенію протоархимандрита. Всѣ униатскіе епископы, согласно постановленію новогрудскаго собора, должны быть избираемы исключительно изъ базилианскаго ордена, такъ что даже назначеніе митрополитомъ себѣ преемника можетъ совершиться только съ согласія протоархимандрита и совѣтниковъ ордена. На обязанности ордена лежитъ воспитаніе и образованіе униатовъ и онъ завѣдуетъ всѣми униатскими училищами ²²⁶). Во многомъ сходный съ уставомъ іезуитовъ, уставъ новаго ордена измѣнилъ и внѣшній видъ монашеской одежды; греческій покрой ея былъ замѣненъ одеждой весьма похожей на ту, какую носили іезуиты. Архимандриты и настоятели монастырей были переименованы въ аббатовъ и суперіоровъ, а мѣстопробываніемъ генерала ордена—протоархимандрита назначенъ былъ виленскій Св.-Троицкій монастырь ²²⁷). Съ такой организаціей орденъ базилианъ началъ свою дѣятельность послѣ новогрудскаго собора 1617 года ²²⁸).

Какъ повліяло учрежденіе базилианскаго ордена на бѣлое духовенство, монаховъ и мірянъ? Образованіе митр. Рутскимъ упомянутаго ордена по образцу латинскихъ монашескихъ орденовъ вызвало большое недовольство какъ въ средѣ бѣлаго униатскаго духовенства и монашества, такъ и между мірянами. Бѣлое духовенство, во главѣ котораго стояли, такъ называемые клирошане или крылошане ²²⁹), было недовольно на митр. Рутскаго, что онъ обходитъ его, такъ сказать, игнорируетъ имъ. Воспитаніе юноше-

ства, для котораго учреждался орденъ, всецѣло вручалось этому послѣднему, слѣдовательно, бѣлое уніатское духовенство, безъ сомнѣнія, принимавшее до сихъ поръ участіе въ образованіи, признавалось митр. Рутскимъ неспособнымъ для дѣла воспитанія. Конечно, это болѣе всего могло не нравиться тѣмъ изъ духовенства, которые были людьми образованными. Но сравнительно малое недовольство достигало гораздо большихъ размѣровъ, особенно въ средѣ клирошанъ, въ виду того, что митр. Рутскій, отдавшись всецѣло идеи возвышенія монашества, произвольно отнималъ у нихъ имѣнія и приписные приходы и, для матеріальнаго обезпеченія монашества, отдавалъ ихъ монастырямъ. Этимъ сильно подрывалась самостоятельность этого почетнаго духовенства, какою, надо замѣтить, оно пользовалось въ значительныхъ размѣрахъ, и вызывалось общее недовольство распоряженіями митрополита.

Съ другой стороны нельзя сказать, чтобы реформы митроп. Рутскаго были встрѣчены сочувственно монашествомъ, для благосостоянія и возвышенія котораго онъ собственно и были предприняемы. Дѣло въ томъ, что жизнь монашества дореформенная значительно разнилась отъ жизни подъ тѣмъ уставомъ, какой выработанъ былъ въ 1617 году въ Новогрудкѣ. Строгая дисциплина устава, требовавшая постояннаго подчиненія, не допускала той свободы и удовольствій, какими пользовалось монашество до преобразования. Міряне, въ свою очередь, не могли не видѣть реформъ митр. Рутскаго въ ихъ настоящемъ свѣтѣ; для нихъ ясно было подражаніе его латинству и стремленіе наводнить имъ унію, поэтому и они вмѣстѣ съ духовенствомъ также были недовольны митрополитомъ.

Отдавъ образованіе въ руки базилянъ и наблюдая, какіе принесетъ оно плоды, митроп. Рутскій трудился надъ новымъ проектомъ, который намѣренъ былъ осуществить въ недалекомъ будущемъ. Предметомъ его вниманія и заботъ былъ на этотъ разъ свѣтскій клиръ, — бѣлое духовенство уніатской церкви. Нельзя было не замѣтить въ немъ множества недостатковъ, изъ коихъ первыми было невѣжество и грубость клира. Вѣрный

латинской традиціи, которой и самъ былъ обязанъ воспитаніемъ, митр. Рутскій задумалъ преобразовать и свѣтскій клиръ по образцу клира латинскаго, введя между униатскими священниками безбрачіе (целибатство).

Какими мотивами руководствовался митр. Рутскій, трудясь надъ проектомъ новаго мѣропріятія въ пользу униі? Безъ сомнѣнія, въ этому привело его, общее веѣмъ поборникамъ униі стремленіе основать униатскую церковь на началахъ латинства, но главной и ближайшей причиной новаго преобразованія было, по нашему мнѣнію, само-же униатское духовенство, еще недавно служившее православію. Принявъ унию вслѣдствіе какихъ-бы то ни было причинъ, соблюдал, допустимъ, даже по убѣжденію всѣ обязанности, налагаемыя ею—нечего говорить, что такихъ было мало,—униатское духовенство не могло, конечно, порвать тѣхъ связей, симпатій и родственныхъ чувствъ, какія соединяли его съ родными и друзьями, оставшимися въ православіи. Для священника приходилось одно изъ двухъ: перейти въ унию или отказаться отъ мѣста. При господствовавшемъ тогда у многихъ убѣжденіи, что униа и православіе одно и то же, большинство пастырей избирало первое. Но проблемы, разрѣшаемой такимъ образомъ пастырями, не существовало для ихъ семьи, родныхъ и друзей. Они оставались православными. Вліяніе ихъ (конечно, въ духѣ православія) на пастыря, при зачаточномъ существованіи униі, не было для нея пользой, не могло служить для ея блага. Вотъ это-то вліяніе и было для Рутскаго, повторимъ еще разъ, имѣвшаго достаточно времени присмотреться къ ходу униі, — главнымъ мотивомъ, почему для поднятія ея, онъ рѣшился ввести безбрачіе между униатскимъ духовенствомъ. Его необходимо было обособить, изолировать отъ всего, что могло неблагопріятно отразиться на немъ не въ пользу униі, а отъ родственниковъ, всегда могущественныхъ вліяній,—это надо было сдѣлать по преимуществу. Чѣмъ-же больше можно было достигнуть этой цѣли, какъ не введемъ въ средѣ духовенства безбрачія, которое въ значительной степени умаляло кругъ семейныхъ вліяній, поставляя извѣстное лицо въ болѣе благопріятныя условія для дѣла униі.

Тѣмъ болѣе желательно было ввести безбрачіе въ униатскомъ духовенствѣ, что его сосѣди, латинскіе священники были нежешаты. Этимъ, хотя и въ малой степени, однако, достигалось сближеніе съ церковью римскою.

Что-же предпринято было митр. Рутскимъ для введенія въ униатской церкви безбрачнаго духовенства? Для этой цѣли онъ задумалъ основать особую семинарію въ Минскѣ, гдѣ и воспитывалось униатское монашество, предназначавшееся для замѣщенія настоятельскихъ мѣстъ. Составленный имъ проектъ новой семинаріи, по представленіи его кардиналомъ Бандинымъ папѣ, заслужилъ самый лестный отзывъ послѣдняго. Вотъ что проектировалъ митр. Рутскій, по его собственнымъ словамъ: «Изъ предполагаемой семинаріи будутъ выходить семинаристы, свѣтскіе клирики-холостяки. Правда, въ нашемъ исповѣданіи это дѣло неслыханное и мы не найдемъ тамъ ничего подобнаго не только нѣсколько лѣтъ назадъ, но и нѣсколько вѣковъ; но многіе при этомъ его желаютъ. Во время уніи нами сдѣлано очень многое такое, что вначалѣ сильно оуждалось противниками и чему они теперь сами подражаютъ; то же самое можетъ повториться и относительно благочестивыхъ клириковъ. Образованные, безженные, они будутъ помѣщаться нами во всѣхъ епископскихъ епархіяхъ, по городамъ, при церквяхъ кафедральныхъ, коллегіатскихъ, которыя даютъ лучшія средства содержанія и большія выгоды, чѣмъ другіе приходы. Изъ нихъ будутъ поступать на должность визитаторовъ деревенскихъ церквей и даже на мѣста священниковъ въ эти послѣднія, и для св. уніи приготовится такимъ образомъ великая опора и украшеніе. Въ разныя мѣста Руси они будутъ посылаться наставниками школъ для обученія юношества, для укрѣпленія благочестія, вѣры, и по своему положенію, какъ холостые, охотно и съ удовольствіемъ будутъ выполнять свое назначеніе. Гдѣ будутъ приходскими священниками, тамъ удобнѣе они поведутъ дѣло съ панами объ улучшеніи фундацій; эти послѣдніе сейчасъ увидятъ, что имѣютъ дѣло съ гораздо достойнѣйшими людьми, чѣмъ ихъ предшественники. Изъ воспитанниковъ таковой семинаріи монастыри будутъ пополняться хорошими иноками

и много можетъ разлиться добра по всеѣмъ частямъ Руси изъ того учрежденія. Смѣло можемъ обѣщать себѣ, что въ короткое время этимъ средствомъ во всеѣмъ королевствѣ подавленъ будетъ расколъ»²³⁰). Вотъ какія полагалъ надежды и какія благотворныя послѣдствія хотѣлъ извлечь митр. Рутскій изъ проектировавшейся семинаріи. Послѣ этого понятны будутъ тѣ хлопоты, какими рѣшился пожертвовать онъ, чтобъ довести къ благополучному концу начатое имъ предпріятіе. Послѣ того, какъ проектъ новой семинаріи одобренъ былъ апостольской столицей, необходимо было позаботиться, чтобъ и у польскаго правительства онъ заслужилъ должное вниманіе и утвержденіе. Что было сдѣлано для этого—неизвѣстно. Можетъ быть, митр. Рутскій лично объявилъ королю важность и значеніе предполагавшейся семинаріи, хотя могло случиться, что подробный проектъ представленъ былъ письменно. Такъ или иначе, во всякомъ случаѣ митр. Рутскій просилъ короля, чтобъ онъ дозволилъ ему созвать помѣстный соборъ для разсужденія о церковныхъ дѣлахъ, главною цѣлью котораго было учрежденіе униатской семинаріи.

Кобринскій соборъ.

Король 31 марта 1626 года разрѣшилъ открыть соборъ, о которомъ просилъ митр. Русскій, въ городѣ Кобринѣ (нынѣ уѣздн. гор. Гродненской губ.). Въ своей окружной грамотѣ, по этому случаю, Сигизмунъ говоритъ, что, на основаніи каноновъ церковныхъ, узаконяющихъ собранія епископовъ для разсужденія о дѣлахъ церкви, онъ «тотъ синодъ отправувать и о добромъ душъ людскихъ и потребахъ церковныхъ обмышлять» позволяетъ «велебному отцу митрополиту» 6-го сентября 1626 года «съ епископами, архимандритами, игуменами и иными всеми станы духовными и свѣтскими». Въ заключеніе грамоты, король напоминаетъ, чтобы соборъ совершился правильно и спокойно, какъ

еслибы онъ самъ на немъ присутствовалъ и чтобъ для блага церкви приложено было какъ можно болѣе старанія ²³¹). Въ силу этой грамоты, митр. Рутскій вошелъ въ соглашеніе съ епископами и въ назначенный день открылъ соборъ.

На немъ, кромѣ митрополита Рутскаго, присутствовали слѣдующіе епископы: Іоакимъ Мороховскій, епископъ владимірскій и брестскій, Іеремія, епископъ острожскій и луцкій, Антоній, архиепископъ плоцкій, витебскій и мстиславскій, Григорій, епископъ пинскій и туровскій, Левъ, епископъ смоленскій и черниговскій ²³²). Если принять во вниманіе, что всѣ перечисленные іерархи прибыли на соборъ каждый съ своимъ клиромъ, въ которомъ были архимандриты, игумены и протопопы, кромѣ того, сюда-же пріѣхало много лицъ свѣтскихъ,—такъ какъ грамотой короля и имъ разрѣшалось присутствовать на соборѣ,—то можно думать, что собраніе въ Кобринѣ было весьма многолюдно. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ извѣстій о количествѣ засѣданій, о дѣйствіяхъ, вообще, о частностяхъ этого, безспорно, многочисленнаго собора. До насъ дошло только постановленіе съѣхавшихся епископовъ, которое мы приводимъ въ такомъ видѣ, въ какомъ оно утверждено было папою Урбаномъ VIII. «Въ 6-й день сентября 1626 г., мы, Божіею милостію, архіепископъ-митрополитъ кievскій и галицкій, и всей Россіи Іосифъ и (поименованные выше) епископы съ клиромъ нашимъ, архимандритами, игуменами и протопопами (*protoporis primariis*), собравшись въ городѣ Кобринѣ для общаго собора изъ всѣхъ областей Россіи, подчиненныхъ кievскому митрополиту и призвавши св. Духа, имѣли разсужденіе о благосостояніи св. церкви Божіихъ и о спасеніи душъ вѣранныхъ намъ Богомъ, чтобы онѣ не отвращались отъ добрыхъ и способныхъ пастырей, просвѣщающихъ ихъ ученіемъ и своею жизнію, и подробно разсмотрѣли общее благо, (которое можетъ произойти) отъ наилучшаго обученія юношей какъ въ церковной жизни, такъ и въ гражданской. Итакъ, всѣ мы единодушно, по общему глубокому сознанію, постановили и опредѣлили, чтобъ въ какомъ нибудь мѣстѣ кievской митрополіи было выстроено училище, въ которое бы изъ всѣхъ частей Россіи, родители знатнаго рода, греческаго

исповѣданія, посылали для воспитанія своихъ дѣтей съ хорошими способностями, пока они не достигнутъ болѣе совершеннаго возраста. Болѣе богатые пусть воспитываются на свой счетъ, а изъ бѣдныхъ, кого наставники этого училища признаютъ способными къ ученію и распространенію, во славу Божию, нашего греческаго исповѣданія, пусть воспитываются на средства училища. Такое учрежденіе у грековъ обыкновенно называлось «*φροντιστήριον*», а у латинянъ «*seminarium*». Пищу и одежду пусть они имѣютъ свою. Съ этою цѣлью, каждый изъ насъ архіепископскимъ своимъ словомъ обѣщаетъ сумму денегъ изъ собственныхъ своихъ доходовъ, и изъ присутствующихъ, по нижеслѣдующему порядку, обязываемся (внести): митрополитъ Іосифъ—десять тысячъ флориновъ²³³); епископъ Іоакимъ—двѣ тысячи и кромѣ того, ежегодно, пока я живъ буду, по сто флориновъ; Іеремія епископъ—двѣ тысячи флориновъ въ теченіи четырехъ лѣтъ, а послѣ этого, въ продолженіи другаго четырехлѣтія 1200 польскихъ флориновъ; Антоній архіепископъ—тысячу фл., Григорій епископъ—2500 фл., Левъ епископъ—500 фл., Аванасій перемышльскій и самборскій—500 флориновъ. Игумены всѣхъ монастырей виленской св. троицкой конгрегаціи, такъ и имѣющихъ присоединиться изъ каждой киновіи должны вносить въ продолженіи 4-хъ лѣтъ восьмую часть своихъ доходовъ. Въ частности же мы отнесли сюда доходы минскаго монастыря, присоединеннаго къ той-же конгрегаціи. Кромѣ того, названная конгрегація обѣщаетъ даже теперь дать латинскихъ наставниковъ риторики и магистровъ, которые могутъ преподавать на русскомъ нарѣчій самыя необходимыя для священническаго сана науки. Затѣмъ, въ продолженіи четырехъ лѣтъ всѣ суммы должны быть соединены въ одну и на эти средства должно быть устроено нѣчто полезное (для семинаріи—*bona aliqua pro illis emenda*). А если случится, кто-нибудь изъ насъ не внесетъ обѣщанной суммы, тотъ обязанъ заплатить вдвое; если-же онъ и снова откажется, то лишается должности. Наконецъ, собравши деньги, должно будетъ произвести выборъ воспитанниковъ въ такомъ количествѣ, сколько каждый изъ насъ можетъ послать для этой семинаріи, съ обя-

зательствомъ выдавать каждому по сто польскихъ флориновъ на одежду и пищу. Всѣ остальные воспитанники поступаютъ въ семинарію съ согласія митреполита и размѣщаются по его усмотрѣнію. Когда соберется общій епископскій соборъ, надлежитъ выбрать провизоровъ для этой семинаріи, въ присутствіи протоархимандрита, которому названные провизоры обязаны повиноваться и во всемъ поступать и слѣдовать согласно его усмотрѣнію и волѣ. Протоархимандритъ же въ общемъ собраніи долженъ представить епископамъ отчеты отъ всѣхъ провизоровъ. Поэтому, подписывая собственною рукою эти условія и утверждая ихъ нашими печатами, мы даемъ слѣдующее письменное обязательство. Каждый изъ епископовъ будетъ увѣщевать на своихъ соборахъ пресвитеровъ, чтобы они посылали въ семинаріи воспитывать возрастныхъ дѣтей для обученія ихъ, какъ наукамъ въ области полезныхъ (*bonarum*) искусствъ, такъ и обычаямъ (*in moribus*), касающимся священническаго сана. Вклады и пожертвованія лицъ (знатныхъ) привилегированныхъ, какихъ-бы размѣровъ не оказались они у нашихъ священниковъ, должны быть присылаемы епископамъ своей епархіи, а епископы, получивъ ихъ, должны засвидѣтельствовать собственными подписями то, что они получили и, если случится какая нибудь настоятельная нужда, (т. е. если кто-либо по непредвидѣннымъ причинамъ захотѣлъ-бы отнять пожертвованное), то они должны воздерживаться отъ уступки и уплаты (вкладовъ) ихъ жертвователямъ.

Должно избѣгать какъ можно тщательнѣе, такъ называемой, симоніи, какъ при посвященіи во епископы, такъ и при совершеніи епископами таинства (священства). Пусть помнятъ, что должно воздержаться рѣшительно отъ всякаго побора, подъ страхомъ наказанія симонистовъ, налагаемаго священными канонами. Если же, дѣйствительно, внесена какая-нибудь сумма денегъ, то это пагубное и позорное для церкви пріобрѣтеніе должно искореняться внутреннимъ духовнымъ образомъ (*penitus*), при помощи тѣхъ наказаній для симонистовъ, какія должны быть извѣстны всѣмъ на епископскихъ соборахъ. Епископы и протоархимандриты пусть позаботятся о томъ, чтобы ежегодно сноситься съ

митрополитомъ посредствомъ посланія, въ которомъ должно быть обозначено положеніе церковныхъ дѣлъ; митрополитъ въ свою очередь долженъ сноситься съ апостольскимъ престоломъ. Нѣтъ надобности посвящать двухъ священниковъ къ одной церкви, исключая тѣ случаи, когда приходъ великъ и раздѣленъ на части съ давняго времени. Для того, чтобъ удержать однообразіе при совершеніи священнодѣйствія литургіи, никому изъ имѣющихъ получить посвященіе (ставленниковъ) не должно избѣгать своего епископа, потому что, спустя нѣсколько времени, каждый изъ нихъ можетъ научиться у него (своего епископа) совершать литургію съ должнымъ вниманіемъ (собственно *potum faciens*) точно такъ же, какъ и всѣ остальные таинства. Никто изъ епископовъ нашей духовной конгрегаціи не долженъ принимать посвящающихся къ себѣ, если нѣтъ на то письменнаго соизволенія высшаго начальства. Монашествующіе ни въ какомъ случаѣ не должны брать на себя обязанностей мірскихъ священниковъ; они не имѣютъ на это никакого права и никакой власти; точно также и наоборотъ: мірскіе священники не должны вмѣшиваться въ кругъ обязанностей монаховъ, какъ это постановлено согласіемъ главнаго собора. Въ теченіи четырехлѣтія въ опредѣленное время и въ назначенномъ мѣстѣ долженъ быть собранъ митрополитомъ заранѣе объявленный соборъ; о мѣстѣ-же и времени должно предупредить за четверть года впередъ.²³⁴⁾

Изъ этого постановленія видно, что кромѣ вопроса объ учрежденіи семинаріи, разсматривались и другіе. Нельзя однако не замѣтить, что этотъ первый былъ собственно цѣлью собора, такъ какъ о немъ подробно излагается въ постановленіи и онъ стоитъ впереди. Крупныя пожертвованія, какія сдѣлали собравшіеся епископы, освѣщаютъ проэкты митр. Рутскаго относительно семинаріи. Наличныхъ денегъ собрано было 18 съ половиною тысячъ польскихъ флориновъ, т. е. около десяти тысячъ рублей серебр. на наши деньги. Сумма, сама по себѣ, въ то время весьма почтенная для основанія предполагаемой семинаріи. Но къ ней присоединялись еще бенефиціи епископовъ, обѣщавшихъ вносить пожертвованія ежегодно и, потомъ, $\frac{1}{8}$ часть доходовъ монасты-

рей въ продолженіи четырехъ лѣтъ, не говоря уже о пожертвованіяхъ частныхъ лицъ, которыя несомнѣнно были, потому что относительно ихъ приѣма соборъ постановилъ даже правила. Принимая все это во вниманіе, надо предполагать, что задуманная митр. Рутскимъ семинарія могла быть вполне обеспечена материально, слѣдовательно, хорошо конструирована и обставлена. Надо думать, далѣе, что учреждая эту семинарію въ Минскѣ²³⁵), Рутскій хотѣлъ создать училище, которое могло-бы сравняться съ знаменитой тогда латинской академіей въ Вильнѣ. Воспитаніе именно въ этой семинаріи молодого поколѣнія свѣтскаго клира было узаконено соборомъ тѣмъ, что онъ обязалъ епископовъ внушать священникамъ высылать для воспитанія дѣтей въ основывающееся училище. Это постановленіе, безъ сомнѣнія, было направлено противъ того, чтобы родители не ограничивались только воспитаніемъ дѣтей у базилианъ, которые за девять лѣтъ своей дѣятельности по образованію могли снискать громкую извѣстность.

Вторая часть соборныхъ постановленій касается симоніи, съ вѣроятностью можно предположить, имѣвшей большое развитіе, при тогдашнихъ церковныхъ смутахъ, въ средѣ духовныхъ лицъ. Видно, размѣры практики симоніи были очень обширны, если соборъ призналъ необходимымъ примѣнять къ провинившимся всю силу наказаній церковныхъ канонѣвъ, налагаемыхъ за святокупство. Цѣлью остальныхъ постановленій собора было, съ одной стороны, точнѣе опредѣлить отчетность о положеніи церквей и монастырей и время для соборныхъ совѣщаній, а съ другой—предотвратить неправильное размѣщеніе священниковъ по приходамъ и вмѣшательство чернаго духовенства въ кругъ обязанностей мірскихъ священниковъ и наоборотъ. Последнее опредѣленіе намъ будетъ понятно, если примемъ во вниманіе, что усиливающийся постепенно базилианскій орденъ переступалъ часто границы своей воспитательной дѣятельности и, въ ущербъ бѣлому униатскому духовенству, нарушалъ церковныя постановленія вмѣшательствомъ въ исполненіе обязанностей сего послѣдняго.

Постановленія кобринскаго собора, отправленныя въ Римъ, были утверждены папой ровно черезъ три мѣсяца послѣ собора т. е. 6 декабря 1626 года. Похваляя высокое благочестіе и ревность къ религіи митр. Рутскаго и всѣхъ участвовавшихъ въ соборѣ, папа, послѣ того какъ представленныя постановленія были тщательно просмотрѣны и признаны годными комиссіей кардиналовъ de propaganda fide, утвердилъ ихъ, чтобъ «постановленное было непоколебимо и сохранялось неизмѣнно» ²³⁶).

Однако, сему такъ прекрасно задуманному и, повидимому, не менѣе блистательно оконченному проекту образованія новой семинаріи, не суждено было осуществиться, не смотря на всѣ старанія митр. Рутскаго, поэтому и введеніе безбрачія и вообще, проектированное улучшеніе бѣлаго униатскаго духовенства не могло быть приведено въ исполненіе. Причины тому были слѣдующія. Базиліане, предвидя, что питомцы новой семинаріи могутъ быть опасными конкурентами имъ не только въ воспитаніи юношества, но, что болѣе важно, въ занятіи іерархическихъ должностей, очень усердно старались повредить плану митр. Рутскаго. Обстоятельства способствовали имъ. Польское войско, сражавшееся въ то время противъ козаковъ, терпѣло всякія лишенія и нужды, вслѣдствіе недостатка денегъ, Этому-то войску и отданы были, по прояскамъ базиліанъ, деньги, собранныя на учрежденіе семинаріи ²³⁷). Такимъ образомъ, отчасти базиліане, отчасти политическія обстоятельства лишили митр. Рутскаго возможности преобразовать бѣлое униатское духовенство по предначертанному плану.

Но если проектъ относительно бѣлаго униатскаго духовенства окончился неудачно, то преобразование монашества въ орденъ базиліанъ, безспорно, имѣло великое значеніе для униі. Распространеніе ея шло весьма успѣшно въ рукахъ базиліанъ. Православіе все болѣе и болѣе приходило въ упадокъ. Бѣдственное положеніе православныхъ увеличивалось еще тѣмъ, что они не имѣли архипастырей. Непринявшіе униі епископы сошли давно въ могилу, а назначеніе новыхъ польское правительство хотя и обѣщало, но никогда не исполняло своихъ обѣщаній. Оно предполагало, что,

не имѣя своихъ епископовъ, православные въ силу необходимости станутъ подчиняться уніатскимъ іерархамъ. Но на дѣлѣ выходило иначе. Православные скорѣе обращались къ протестантамъ, чѣмъ къ уніатамъ ²³⁸). Прекрасную по своей художественности картину печальнаго положенія православныхъ въ то время представляетъ намъ рѣчь волынскаго посла Лаврентія Древинскаго, которую онъ держалъ предъ Сигизмундомъ на Варшавскомъ сеймѣ въ 1620 году ²³⁹).

Но въ этомъ же году суждено было возродиться упавшему православію въ лицѣ новыхъ его представителей, окрѣпить въ свѣжихъ силахъ и противопоставить уніи преграды, которыхъ она менѣе всего ожидала. Въ это время, возвращаясь изъ Москвы, прибылъ, согласно порученію константинопольскаго патріарха Тимофея ²⁴⁰), въ предѣлы западно-русской церкви іерусалимскій патріархъ Теофанъ. Къ нему-то и обратились православные съ просьбой поставить имъ митрополита и епископовъ на вакантныя кафедры, захваченныя уніатами. Патріархъ исполнилъ ихъ просьбу и 15 августа въ кіево-печерской лаврѣ посвятилъ въ самъ митрополита игумена михайловскаго монастыря, Іова Борецкаго. Затѣмъ въ ближайшее время посвящены были и другіе іерархи: Мелетій Смотрицкій на архіепископскую кафедру въ Полоцкъ, Іосифъ Курцевичъ во Владиміръ, Исаакій Черницкій въ Луцкъ, Исаія Копинскій въ Перемышль, Паисій Ипполитовичъ (Пузына) въ Холмъ и Авраамій Стагонскій (грекъ) въ Пинскъ ²⁴¹). Православные, получивъ архіереевъ, составили и программу ихъ дѣятельности въ это трудное время церковной жизни ²⁴²).

Само собой понятно, что такой оборотъ дѣла сильно озадачилъ уніатовъ и, въ особенности, митр. Рутскаго. Онъ увидѣлъ предъ собой равнаго по сану противника его латинизаторскихъ стремленій во главѣ, къ тому же, извѣстныхъ своею ученостью новыхъ православныхъ епископовъ. Надо было придумать мѣры, чтобъ подорвать этотъ неожиданный, сильный противовѣсъ уніи. Какъ только уѣхалъ патріархъ (въ началѣ 1531 г.), митр. Рутскій вмѣстѣ съ латинской партіей подалъ доносъ королю, что

Феофанъ простой мірянинъ, а не патріархъ, что это шпионъ султана, а поставленные имъ митрополитъ и епископы его соучастники, готовые измѣнить Польшѣ и предаться Туркамъ, что посвященіе ихъ незаконно, ибо совершено безъ воли короля и что, поэтому, они должны быть преслѣдуемы²⁴³). Не смотря на то, что нѣсколько времени тому назадъ король писалъ Феофану любезныя письма, заботился объ удобствахъ его путешествія и пребыванія въ Литвѣ и вмѣстѣ съ другими²⁴⁴) признавалъ его патріархомъ, теперь, по доносу митр. Рутскаго, издалъ универсалъ считать новопосвященныхъ епископовъ измѣнниками, ловить ихъ и предавать казни²⁴⁵). Для приведенія въ исполненіе приказаній короля, разсланы были вездѣ чиновники съ особыми уполномочіями. Отличаясь ревностію къ уніи (такіе выбирались нарочно), они звѣрски обходились съ православными въ различныхъ мѣстахъ, подвергая ихъ побоямъ, тюремнымъ заключеніямъ и смертной казни. Особенно жестока была ихъ расправа съ православными городовъ Вильны и Новогрудка²⁴⁶). Только Левъ Сапѣга воевода виленьскій своимъ гуманнымъ вліяніемъ успѣлъ немного ослабить неистовства ревнителей уніи.

Митрополитъ Іовъ Борецкій, чтобы предотвратить опасность, грозившую православію и ему лично, отправилъ на сеймъ 1721 года епископа Іосифа Курцевича. Король принялъ его ласково и отпустилъ съ приказаніемъ, чтобъ и остальные епископы явились. Однако того не случилось, и, вмѣсто епископовъ, митрополитъ послалъ королю письменное оправданіе за нихъ. Черезъ два года, православные на генеральномъ варшавскомъ сеймѣ, въ особой протестаціи являя предъ королемъ заслуги русскаго народа Польшѣ и жалуясь на обиды и притѣсненія, испытываемыя ими отъ уніатскаго духовенства (архіеп. полоцк. Кунцевича и др.), просили оставить имъ новопосвященныхъ епископовъ²⁴⁷). Сеймъ постановилъ примирить уніатовъ съ «неунитами», однако тотчасъ не привелъ этого въ исполненіе, а отложилъ до слѣдующаго сейма, т. е. поступилъ также, какъ всегда: общалъ много, а ничего не сдѣлалъ. Между тѣмъ, преслѣдованія православныхъ продолжались въ Кіевѣ, Луцкѣ, Минскѣ, Холмѣ, Львовѣ, Вильнѣ, По-

лоцкѣ и въ другихъ мѣстахъ. Понятно, что взволнованные православные не могли равнодушно сносить этого и свое раздраженіе выразили въ такой-же крутой формѣ, въ какой проявлялась жестокость латинства. Въ Витебскѣ раздраженіе разрѣшилось убійствомъ извѣстнаго фанатика-уніата, плоцкаго архіеп. Кунцевича²⁴⁸), въ Кіевѣ утопленіемъ въ Днѣпрѣ Антонія Грековича, шпіона митр. Рутскаго и т. п. Конечно, виновные были строго, даже выше мѣры, караемы, но спокойствіе этимъ достигалось съ трудомъ. Очевидно, положеніе дѣлъ было ненормально и продолжаться такъ дальше не могло. Надо было предпринять что нибудь для успокоенія религіозныхъ волненій, чтобъ придать жизни церкви менѣе тревожный характеръ. Это сознавалось каждымъ и, въ частности, митр. Рутскимъ, попытка котораго уничтожить новыхъ православныхъ іерарховъ посредствомъ доноса королю, не удалась (король вынужденъ былъ признать епископовъ, ибо козаки объявили ему, что въ противномъ случаѣ не пойдутъ на войну съ Турками)²⁴⁹). Съ другой стороны, участь Кунцевича каждый разъ напоминала ему, насколько опасно текущее положеніе дѣлъ. Эти обстоятельства заставили митр. Рутскаго пристать къ той партіи людей, которая желала религіознаго примиренія съ православными, какъ это постановлено на генеральномъ варшавскомъ сеймѣ 1623 года. Эти, безъ сомнѣнія, лучшие люди Польши ясно понимали, что причина золь ея—религіозное раздѣленіе, произведенное уніей, раздѣленіе, которое не можетъ быть приведено къ доброму концу посредствомъ виѣшняго вліянія гражданскихъ законовъ, и будетъ улажено единственно только обоюднымъ согласіемъ, взаимнымъ религіознымъ примиреніемъ враждующихъ сторонъ. Митроп. Рутскій, говоримъ, присталъ къ этой мысли, но присталъ, какъ увидимъ, очень своеобразно и въ 1624 году составилъ планъ религіознаго примиренія уніатовъ съ православными, по которому тѣ и другіе должны были собраться въ извѣстное время на соборъ и общимъ совѣтомъ избрать себѣ патріарха (6-й пунктъ)²⁵⁰).

Львовскій соборъ.

Унія, какъ извѣстно, въ правленіе митр. Рутскаго достаточно сблизена была съ латинствомъ. Въ виду этого, уніаты хотѣли придвинуть ее ближе къ православію и въ примиреніи съ православными полагали удобный случай для осуществленія своей цѣли. Планъ этотъ не былъ однако тотчасъ выполненъ; митр. Рутскій, какъ мы видѣли, занять былъ другими дѣлами ²⁵¹). И только съ 1627 г. вопросъ о примиреніи уніатовъ и православныхъ опять выдвигается и занимаетъ умы тѣхъ и другихъ. Православные не были противъ этого. Обиды, насилія и притѣсненія слишкомъ утомили ихъ, чтобъ отказаться отъ примиренія, которое должно было, по ихъ мнѣнію, привести къ лучшему; однако, признавая почетное главенство папы, они склонялись къ примиренію подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ унія не подчинялась латинству ²⁵²). Не чуждался вмѣстѣ съ другими мира съ уніатами и митрополитъ Іовъ Борецкій. Онъ съ Петромъ Могилой даже поручилъ Мелетію Смотрицкому написать разсужденіе о разностяхъ между православною и уніатскою церковію, рассчитывая созвать въ 1628 году соборъ и окончательно рѣшить, быть или не быть предполагавшемуся миру.

Между тѣмъ, въ предлагаемомъ примиреніи, латинской партией, во главѣ которой стояли митр. Рутскій и Мелетій Смотрицкій, готовилась православнымъ новая, правда, во-время, замѣченная, ловушка. Хотѣли еще разъ попытаться счастія склонить православныхъ къ уніи. Въ этомъ смыслѣ Смотрицкій и старался дѣйствовать въ пользу львовскаго собора, котораго совершенно справедливо считается главнымъ виновникомъ. Потерпѣвъ неудачу на кievскомъ соборѣ (1628 года), онъ употребилъ всѣ усилія, чтобъ осуществить сѣздъ во Львовѣ, представляя митр. Рутскому сравнительно мало работы. При посредствѣ связей, мысль о соборѣ была доведена до короля чрезъ князя Острожскаго-Заславскаго. Король раньше универсала объ общемъ соборѣ, для предваритель-

ныхъ совѣщаній, велѣлъ составить частные,—православнымъ въ Киевѣ, а униатамъ во Владимірѣ, откуда послѣдніе и подали ему просьбу о дозволеніи открыть соборъ ²⁵³). Въ универсалѣ, который Сигизмундъ не замедлилъ вскорѣ издать о предполагаемомъ соборѣ, говорилось, «что вслѣдствіе общаго желанія какъ униатовъ, такъ и православныхъ взаимно примириться и вслѣдствіе пресѣбы о назначеніи для этой цѣли общаго собора, онъ назначаетъ его 28 октября (1629 г.) въ г. Львовѣ» ²⁵⁴). На соборѣ дозволялось присутствовать не только православному и униатскому духовенству, но и свѣтскимъ лицамъ, желавшимъ прибыть во Львовъ, а для порядка и спокойствія, король отправилъ туда своего комиссара, князя Александра на Острогѣ — Заславскаго, кіевскаго воеводу ²⁵⁵).

Поэтому еще раньше назначеннаго срока стали собираться во Львовъ униатскіе епископы. 23-го октября прибылъ владыка пинскій, Григорій Михаловичъ; на слѣдующій день епископъ перемышльскій Іоаннъ Шишка; 26-го октября, въ пятницу, пріѣхали Левъ Крвеза-Ржевусскій, епископъ смоленскій, Іоакимъ Мороховскій, епископъ владимірскій и Мелетій Смотрицкій (уже перешедшій въ унию), архіепископъ полоцкій. Еще черезъ день, т. е. 27 октября пріѣхалъ и митрополитъ Іосифъ Рутскій. Онъ торжественно былъ встрѣченъ всѣми прибывшими раньше епископами за городомъ и въ сопровожденіи ихъ въѣхалъ во Львовъ ²⁵⁶). Кромѣ перечисленныхъ, на соборѣ присутствовали еще: Антоній Селява, архіепископъ смоленскій, Іеремія Почановскій, епископъ луцкій (не униатъ), Рафаилъ Корсакъ, епископъ-коадьюторъ митрополита ²⁵⁷) и вмѣстѣ протоархимандритъ базиліанскаго ордена, Аѳанасій Крупецкій, епископъ перемышльскій ²⁵⁸), мѣстный православный епископъ Іеремія Тисаровскій и много архимандритовъ ²⁵⁹). Изъ свѣтскихъ лицъ, кромѣ упомянутаго уже князя Заславскаго, были тогда во Львовѣ: князь Пузына, извѣстный Лаврентій Древинскій, чашникъ волынскій, братчики львовскаго ставропигіального братства Романъ и Гавріилъ Гангиши, Николай Добрянскій и Стефанъ Лясковскій, представители разныхъ другихъ братствъ и проч. ²⁶⁰).

Приводимъ, по Гарасѣвичу, дневникъ этого собора, записанный неизвѣстнымъ лицомъ ²⁶¹). Въ воскресенье, 28-го октября совершена была ранняя мша, на которой иезуитъ Бембусъ, проповѣдникъ королевскій, сказалъ (какъ въ свое время на брестскомъ соборѣ Петръ Скарга) длинную проповѣдь о соединеніи церквей, приглашая православныхъ принять унію. На проповѣди присутствовали митрополитъ съ нѣкоторыми владыками, три архимандрита, много монаховъ и пѣвцовъ, бывшихъ на хорахъ, при органѣ и, безъ сомнѣнія, немало народу, хотя объ этомъ писатель дневника умалчиваетъ. Довольно любопытна, напыщенно-витѣватая проповѣдь Бембуса ²⁶²). Въ основаніе ея онъ, съ искусствомъ иезуитской казуистики, положилъ надписаніе, сдѣланное на крестѣ Иисуса Христа на трехъ языкахъ: еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ, и обратилъ особое вниманіе на послѣдній, которымъ потому и написано было надъ самой головою Христа, что онъ былъ важнѣйшій. Далѣе Бембусъ превозносилъ до небесъ значеніе востока, но потомъ это значеніе придалъ западу и, согласно ученію западной римской церкви утверждалъ, что Иисусъ Христосъ поставилъ св. апостола Петра, а послѣ него папъ—видимой главой и основаніемъ христіанской вѣры. Называя цареградскаго патріарха еретикомъ, Бембусъ убѣждалъ поляковъ оказывать почтеніе уніатамъ и настаивалъ на томъ, чтобъ имъ оставленъ былъ славянскій языкъ, ихъ богослуженіе и таинства.

Приступить къ цѣли съѣзда—открытію собора—уніаты не могли, потому что не было представителей отъ православныхъ. Время, однако, надо было наполнить чѣмъ-нибудь. И вотъ, въ это-же воскресенье, въ послѣобѣденное время, всѣ уніатскіе іерархи въ мантияхъ совершили торжественную процессію изъ каедральнаго латинскаго костела въ замокъ, упрекая православныхъ какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ въ томъ, что они, не являясь на соборъ, нарушаютъ приказаніе и волю короля. Князь Заславскій посылалъ даже къ львовскому братству, чтобъ братчики явились въ замокъ къ уніатамъ. Но братство чрезъ двухъ послан-

ныхъ отвѣтило, что это не его обязанность, а старшихъ духовныхъ и никого не послало.

Отрывочныя свѣдѣнія о слѣдующихъ дняхъ не даютъ возможности составить цѣльное представленіе о томъ, что именно происходило и что сдѣлано въ эти три дня для цѣли, какая собралась уніатскихъ іерарховъ во Львовъ. Несомнѣнно только, что пріѣздъ этихъ гостей былъ не по душѣ львовскимъ православнымъ и это выразили, прежде всего, простые міряне въ лицѣ ничтожныхъ по положенію, но сильныхъ преданностью православію,—служанокъ. Въ понедѣльникъ, 29 октября, уніаты жаловались въ замѣтъ, что русскія и армянскія кухарки посылали вслѣдъ ихъ проклятія и обзывали нечестивцами (rogapami), за что нѣсколько изъ нихъ заключены были въ тюрьму ²⁶³).

Во вторникъ изъ Вильны прибыли православные иноки и князь Пузына съ Лаврентіемъ Древинскимъ. Обращаетъ на себя вниманіе этотъ поздній пріѣздъ православныхъ; было уже 30-е октября, второй день послѣ срока, въ который должно было открытъ соборъ. Тѣмъ болѣе страннымъ можетъ казаться такое опозданіе православныхъ, если сопоставить его съ прибытіемъ уніатовъ; нѣкоторые изъ нихъ, какъ мы видѣли, пріѣхали еще за пять дней до срока, въ который назначенъ былъ соборъ, именно 23-го числа. Чѣмъ-же объяснить поздній пріѣздъ православныхъ? Причина этого заключается въ ясномъ сознаніи православными, что отъ львовскаго собора нельзя ожидать ничего хорошаго. Они, какъ замѣчено выше, во-время поняли, что этотъ съѣздъ не принесетъ никакой пользы, поэтому и не высылали своихъ епископовъ. А депутация отправлена была для того, чтобъ не нарушить приказанія короля, не стать въ разрѣзъ съ его универсаломъ. Имѣя, такимъ образомъ, въ виду только формально исполнить волю короля, депутация и не спѣшила во Львовъ.

Въ день пріѣзда православныхъ, владимірскій епископъ Іоакимъ Мороховскій служилъ литургію у доминиканцевъ, въ домовой церкви (или въ часовнѣ), гдѣ находился образъ Пречистой Божіей Матери. Это служеніе привлекло массу русскихъ и армянъ.

Въ среду, 31-го октября, митрополитъ Рутскій, по просьбѣ князя Островскаго-Заславскаго, въ галицкомъ предмѣстьи, у кармелитовъ служилъ *«парастасъ»* по отцѣ его и львовское братство, по просьбѣ того-же князя, одолжило свои ризы для митрополита. Послѣ обѣда (въ тотъ-же день) митрополитъ со всеми владыками, монахами и пѣвчими совершилъ процессію въ мѣстную православную церковь, только что выстроенную, но еще не освященную. Настоятель ея, священникъ Боярскій съ братствомъ встрѣтилъ митрополита предъ церковью и произнесъ ему привѣтственную рѣчь. Когда уніаты вошли въ церковь, явились сюда чашникъ Древинскій и князь Пузына, представились митрополиту и бесѣдовали съ нимъ. При выходѣ изъ церкви, митрополитъ и всѣ уніаты, обратившись къ востоку, громко пропѣли: *«Подаждь утѣшеніе рабомъ Твоимъ, Всенепорочная!»*... Присутствовавшіе при этомъ поляки закричали: *«Слава Богу! согласіе, согласіе! унія, унія!»* О. Боярскій пригласилъ митрополита и бывшихъ съ нимъ уніатскихъ владыкъ въ свой домъ, куда пришли и члены братства, и чествовалъ ихъ виномъ. Въ бесѣдѣ за столомъ, Смолитрицкій, между прочимъ, сказалъ: *«хорошо было-бы, отцы, если-бы вы стали нами, а мы — вами и пошли вмѣстѣ нашей торной дорогою»*. На это Древинскій возразилъ: *„мы желаемъ держаться того, что постановлено для насъ на седми вселенскихъ соборахъ, а не теперешнихъ нововведеній“*. *„Надо вамъ, господа, знать, — замѣтилъ на это о. Боярскій, вмѣшиваясь въ ихъ разговоръ, — что не такъ страшенъ діаволъ, какъ его рисуютъ; хорошо о. Смолитрицкій говоритъ, чтобы вы стали нами, а не мы — вами“*, и продолжалъ ихъ угощать. Спустия немного времени всѣ разошлись.

Въ четвергъ митрополитъ служилъ у бернардиновъ, на галицкомъ предмѣстьи, а епископъ Мороховскій — въ женскомъ монастырѣ Всѣхъ Святыхъ, на предмѣстьи краковскомъ. Мороховскій (вѣроятно, нѣсколько раньше), присылалъ просить православное братство, чтобъ ему позволили отслужить литургію въ братской церкви, но братчики отклонили эту просьбу. *«Если имѣеть, — отвѣтили ему, — грамоту и позволеніе отъ патріарха, то пусть служить»*. Въ тотъ-же день львовское братство давало обѣдъ

инокамъ виленскаго Свято-Духовскаго монастыря, а Бембусъ опять витійствовалъ, проклиная православныхъ, какъ противниковъ униі.

Въ пятницу представители православныхъ съ княземъ Пузыной и Древинскимъ были у униатовъ и просили ихъ ходатайствовать предъ королемъ за православныхъ епископовъ, что они не могли прибыть на соборъ, а также похлопотать у него о разрѣшеніи цареградскому патріарху пріѣхать въ Литву. При этомъ относительно цѣли теперешняго съѣзда они заявили, что согласятся на то, что постановитъ патріархъ. Униаты на-отрѣзъ отказались просить короля и ходатайствовать предъ нимъ, ясно высказавъ, наконецъ, цѣль львовскаго собора. — «Если вы ужъ теперь, — говорили они, — не желаете *принять* унию, то пусть каждый дѣлаетъ, что хочетъ и держится своего, какъ можетъ; мы слушаемся папы, а не патріарха». Этимъ свиданіе православныхъ и униатовъ окончилось; болѣе они во Львовѣ не сходились. Въ воскресеніе митрополитъ служилъ у іезуитовъ, былъ у нихъ на обѣдѣ и на богословскомъ диспутѣ, а въ понедѣльникъ 5-го ноября, выѣхалъ изъ Львова вмѣстѣ съ остальными владыками, за исключеніемъ Мороховскаго, который выѣхалъ на слѣдующій день ²⁶⁴).

Что могло произойти отъ этого собора, да и можно-ли было надѣяться отъ него чего-нибудь? Что сдѣлано на львовскомъ соборѣ для той цѣли, которая руководила виновниковъ его? Отгадывая пока отвѣтъ на первый вопросъ, замѣтимъ, что цѣль собора вовсе не была достигнута. Ожиданія униатовъ не оправдались, и прежде всего потому, что они, какъ и представители православныхъ, пріѣхали съ предвзятыми мыслями. Въ этомъ отношеніи львовскій соборъ очень напоминаетъ соборъ въ Брестѣ, напоминаетъ до полной аналогіи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ тамъ униаты прибыли только съ тѣмъ, чтобъ оформить унию, санкціонировать ее на почвѣ западно-русской церкви, а православные, — чтобъ высказать противъ нея свой протестъ и подавить ее, такъ и здѣсь, — первые имѣли цѣлью осуществить проэктъ латинской партіи, т. е. открыто привлечь въ унию православныхъ, а вторые пріѣхали только съ тѣмъ, чтобъ, исполняя волю короля от-

носително присутствія на этомъ соборѣ, заявить, что этого никогда быть не можетъ. Въ этомъ и заключалась причина, почему православные епископы лично не участвовали въ соборѣ. Однако, въ виду королевскаго универсала, представители православныхъ не чуждались уніатовъ. Они, какъ видно изъ дневника, присутствовали вмѣстѣ съ ними въ православной церкви, принимали ихъ въ домъ настоятеля ея, который даже сказалъ привѣтственную рѣчь митрополиту и очень радушно угощали уніатскихъ владыкъ. Словомъ, въ миролюбивыхъ симпатіяхъ недостатка не было. Не трудно, однако, замѣтить, какъ все это было желчно. Достаточно для этого прослушать разговоръ Смотрицкаго съ Древинскимъ и вмѣшательство въ него о. Боярскаго.

Но неестественны были и поступки уніатовъ по отношенію къ православнымъ. Крики поляковъ въ извѣстной намъ церкви, что настало «примиреніе», «унія»—это верхъ хитрости, напередъ обдуманной дѣланности, ибо ничего естественнаго тутъ и быть не могло. Только потому, что въ присутствіи православныхъ, съ обращеніемъ на востокъ, пропѣто было «Пожаждь утѣшеніе»... кричать уже объ унії, собственно говоря, нѣтъ никакого смысла. Между тѣмъ, если принять во вниманіе, что все это обдумано было заранѣе, условлено напередъ, то смысла тутъ можно найти болѣе, чѣмъ это кажется на первый взглядъ. Очевидно, уніаты хотѣли считать дѣло примиренія съ православными оконченнымъ, по крайней мѣрѣ, формально, послѣ ихъ совмѣстной молитвы въ храмѣ. Но шаткость такихъ плановъ сказала сама собой. Это, повидимому, мирное настроеніе, этотъ тонъ дружелюбныхъ отношеній, вѣжливыя встрѣчи, любезныя приглашенія и угощенія — все такъ краснорѣчиво гласило въ пользу миролюбиваго исхода львовскаго собора, но самому собору не давало никакого хода. Сходились уніаты съ православными, бесѣдовали, но для цѣли съѣзда ничего не дѣлали; не засѣдали, не совѣщались и соборныхъ дѣяній не оставили.

Строго говоря, собора во Львовѣ не было, а была одна лишь попытка къ нему и то—только со стороны уніатовъ. Насколько уніаты остались недовольны неудачею своей попытки, видно изъ

того, что, при послѣднемъ свиданіи ихъ съ православными, они совершенно отказались удовлетворить ихъ просьбу относительно ходатайства предъ королемъ. Но еще яснѣе выразилъ это недовольство королевскій проповѣдникъ Бембусъ, который въ своей проповѣди открыто проклиналъ православныхъ.

Но, если львовскій соборъ не достигъ той цѣли, какая имѣлась въ виду митр. Рутскимъ и, вообще, латинской партіей, то нельзя сказать, — отвѣчаемъ на первый нашъ вопросъ, — чтобъ онъ прошелъ безслѣдно для западно-русской церкви въ виду того, что сформированъ и подготовленъ былъ Мелетіемъ Смотрицкимъ, незадолго предъ соборомъ перешедшимъ въ унию. Смотрицкій считался за лучшаго человѣка въ средѣ православныхъ литовско-русскихъ іерарховъ и его примѣръ увлекъ очень многихъ изъ православныхъ. Объ этомъ согласно свидѣлствуютъ какъ православные, такъ и латинскіе писатели ²⁶⁵).

Послѣ львовскаго собора, до конца правленія митр. Рутскаго, мы не встрѣчаемъ особыхъ мѣръ со стороны этого іерарха въ пользу униі. Очевидно, дѣятельность его ослабѣла, съ одной стороны, въ виду преклонныхъ лѣтъ, съ другой, — еще болѣе въ виду тѣхъ политическихъ переменъ, какія наступили послѣ смерти Сигизмунда III. Мѣсто вѣрнаго служителя и усерднаго поборника униі занялъ королевичъ Владиславъ, круто перемѣнившій отношенія польскаго правительства къ православнымъ. Униа, въ лицѣ митр. Рутскаго, должна была защищаться противъ льготъ, какія наданы были Владиславомъ православію въ 1632 году. Митр. Рутскій видѣлъ, но не могъ отклонить этого подрыва униі и, по требованію сейма, подписалъ уступки православнымъ. Въ слѣдующемъ году онъ домогался у митрополита Петра Могилы его митрополіи, но не успѣлъ въ этомъ также, какъ не успѣлъ подчинить себѣ православныя епархіи, отошедшія послѣ войны 1633 года отъ Россіи къ Польшѣ ²⁶⁶).

Время правленія митр. Рутскаго было для униі, безспорно, опасной порой ея существованія. Втиснутая въ колею исторической жизни стараніями Поцѣя, она неминуемо-бы погибла, если-бы чуткій административный духъ его не далъ ей такого руко-

водителя, какимъ былъ Рутскій. Послѣдній своей энергіей, своими организаторскими планами обезпечилъ существенное въ униі— ея внутреннюю сторону. Онъ оживилъ, одухотворилъ ее, обративши вниманіе на интеллектуально-моральную жизнь тѣхъ, которые были представителями униі. Въ этомъ отношеніи неоцѣненной заслугой для униі было учрежденіе ордена базилианъ. Личность митр. Рутскаго, какъ и его дѣятельность, высоко чтилась въ Римѣ и папа хотѣлъ было даже пожаловать ему кардинальскій санъ, но этому мѣшали права Польши. Въ своихъ письмахъ онъ называлъ Рутскаго атласомъ униі, столпомъ церкви, мужемъ апостольскимъ и русскимъ Аванасіемъ ²⁶⁷).

Но если униа, повидимому, много теряла отъ уступокъ, сдѣланныхъ въ пользу православія Владиславомъ IV, то благодаря Рутскому она крѣпко жила въ дѣятельности ордена базилианъ, разрастаясь все сильнѣе и сильнѣе и подавляя, наконецъ, православіе.

Замойскій соборъ.

Къ началу XVIII в., ко времени замойскаго собора, одного изъ выдающихся соборовъ въ жизни униатской церкви, униа не только широкой сѣтью раскинулась по всей почти западно-русской окраинѣ, но и сама готова была переродиться въ латинство. Этому способствовали, во-1-хъ, униатскіе митрополиты съ латинскимъ направлениемъ, а во-2-хъ, и главнымъ образомъ, базилиане, занимавшіе съ начала основанія ихъ ордена видное положеніе въ униатской церкви и успѣвшіе къ этому времени окончательно олатиниться.

Латиняне до мозга костей (какъ, напр., митр. Жоховскій)— униатскіе митрополиты, стоя во главѣ управленія церковью, безъ сомнѣнія, не противорѣчили своимъ убѣжденіямъ, а осуществляли ихъ, т. е. въ ослѣпленіи и преданности Риму, нажимали всѣ пружины своей власти, чтобы достойное, по ихъ мнѣнію, всего міра

латинство привито было въ управляемой ими церкви. Надо помнить, что дѣло латинизации не было для нихъ трудно вводимой новизною, не было идеей ими только лично защищаемой, не было, наконецъ, дѣломъ, которое-бы нуждалось въ средствахъ для своего осуществленія. Напротивъ, латинизация охватила уже всю уніатскую церковь и слѣды ея замѣтны были вездѣ, для нея трудились не одни митрополиты, а такіе дѣятели, какъ *delectissimi filii* папы, отцы іезуиты, слѣдовательно, не было недостатка и въ средствахъ для распространенія латинства. Если къ этому прибавимъ, что въ данное время работала для той-же цѣли усилившійся и олатинившійся базилианскій орденъ, то картина злополучнаго положенія уніатской церкви, вслѣдствіе крайней латинизации ея, будетъ выгладѣть еще мрачнѣе. Назначенный по плану своего основателя митрополита Рутскаго къ храненію и распространенію уніи, базилианскій орденъ могъ быть вѣрнымъ своей цѣли только до тѣхъ поръ, пока его самага не коснулось латинство. Но по мѣрѣ того, какъ орденъ началъ усвоять себѣ латинскія новшества, медленнымъ, но вѣрнымъ путемъ стала перерождаться въ латинство и унія. Это перерожденіе обозначалось въ уніатской церкви тѣмъ, что латинскія нововведенія, будучи прививаемы непосредственно одно за однимъ, не могли, конечно, тотчасъ вытѣснить православные обряды въ ней и, по необходимости, образовали какую-то смѣшанность и запутанность въ жизни. Разъ подпавъ опеку латинянъ, базилиане не могли уже противодействовать такому порядку вещей. И въ школахъ ихъ, и въ самомъ орденѣ было много истыхъ латинянъ, такъ что завѣтная идея Рима латинизации базилианъ, а съ ними и уніатской церкви зрѣла все болѣе и болѣе.

Олатиненная обрядность и догматика уніатской церкви настолько придвинула ее къ церкви римской, что различіе между ними было не особенно рѣзко. Слѣдствіемъ сего было то, что многіе изъ уніатовъ стали переходить въ латинство. Въ XVII и началѣ XVIII вв., дѣйствительно, въ Римъ посылаются множество жалобъ со стороны не только уніатскаго духовенства, но и самихъ базилианъ о совращеніи уніатовъ въ латинство іезуитами

и латино-польскимъ духовенствомъ ²⁶⁸). Изъ Рима -- хотя-бы то для вида издаются также декреты, запрещающіе переходъ уніатовъ въ латинство ²⁶⁹). Такимъ образомъ, унія постепенно близилась къ тому, что ей приходилось бѣть вычеркнутой изъ числа существующихъ вѣроисповѣданій. Имѣя противъ себя много враговъ, она не имѣла, или почти не имѣла за собой никакихъ друзей. Говоримъ -- почти, потому что за унію стояло бѣлое уніатское духовенство. Оно одно силилось еще оказать сопротивленіе гигантской силѣ латинизаторскихъ стремленій и базилианъ, и іезуитовъ, и польскаго правительства. Но сопротивленіе это было такъ слабо, противодѣйствіе такъ безсильно, что унія не могла ожидать для себя существенной пользы. Порабощенное базилианскимъ орденомъ въ матеріальномъ отношеніи ²⁷⁰), забитое въ отношеніи умственномъ ²⁷¹), бѣдное и невѣжественное, уніатское духовенство не могло оказать серьезной оппозиціи латинству и тѣмъ менѣе могло найти ее въ своихъ представителяхъ -- уніатскихъ епископахъ и митрополитахъ. Эти послѣдніе были для базилианскаго ордена своими людьми, состоя нѣкогда его членами и, естественно, смотрѣли на бѣлое уніатское духовенство глазами базилианъ. За рѣдкими, единичными случаями заботы о немъ ²⁷²), высшіе уніатскіе іерархи всегда игнорировали его интересами, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда вели борьбу съ базилианскимъ орденомъ. Нечего говорить о такихъ іерархахъ, какъ Жюховскій. Преданные латинству до ослѣпленія и стараясь превратить въ него унію, они не могли заботиться объ уніатскомъ духовенствѣ уже въ силу того одного, что видѣли въ немъ противниковъ своихъ стремленій. Говоря вообще, положеніе бѣлаго уніатскаго духовенства было таково, что противодѣйствіе его латинизаціи не могло, повидимому, имѣть никакого значенія. Въ этомъ, какъ увидимъ ниже, были убѣждены всѣ поборники латинства.

Но такое положеніе бѣлаго духовенства, вслѣдствіе умственной косности и невѣжества допускавшаго ошибки и злоупотребленія въ дѣлахъ вѣры и въ церковной дисциплинѣ ²⁷³), съ другой стороны, беспорядки въ догматикѣ уніатской церкви и ея об-

рядности, беспорядки, доходившіе до какого-то непрогляднаго хаоса,—все это невольно парализовало равнодушіе высшихъ униатскихъ іерарховъ къ униі и заставляло ихъ, при всей ихъ апатичности къ бѣлому униатскому духовенству, обратить вниманіе на свою паству. Это тѣмъ болѣе надо было сдѣлать, что по ихъ адресу часто посылались весьма горькія замѣчанія о такомъ состояніи ихъ церкви ²⁷⁴). Подъ вліяніемъ этихъ замѣчаній и сознанія безвыходности положенія униатской церкви, въ началѣ XVIII вѣка является мысль о созваніи собора съ цѣлью положить конецъ вкравшимся въ церковную жизнь униі беспорядкамъ и тѣмъ возстановить вытѣсненные латинствомъ ея православные обряды. Мысль эта принадлежала одному изъ ревностныхъ митрополитовъ этого времени, Льву Кишкѣ. Вотъ что онъ самъ говоритъ по этому поводу: «согласно постановленіямъ св. вселенскаго тридентскаго собора, по праву, принадлежащему митрополиту, первенствующему на Руси, мы должны были созвать областной соборъ для возстановленія упавшей дисциплины церковной и возвращенія испорченныхъ обычаевъ къ своему первоначальному виду» ²⁷⁵). Такимъ образомъ, первой причиной предполагавшагося собора были сознаніе испорченности, упадка дисциплины униатской церкви и желаніе исправить, возстановить ее, привести къ тому виду, какой она имѣла сначала.

Была, однако, еще одна причина созванія областного собора и она, какъ увидимъ, была важнѣе первой. Это—желаніе базилианъ канонизовать голосомъ собора на почвѣ униі, какъ въ 1596 году канонизована была эта послѣдняя на почвѣ православія, тѣ нововведенія латинства, надъ коими трудились они почти съ самаго начала существованія ихъ ордена. Теперь, когда униатская церковь, благодаря дѣйствіямъ базилианъ, жила латинскимъ духомъ, когда она получила обликъ, только въ немногихъ чертахъ отличающій ее отъ римской церкви, теперь, говоримъ, лучше всего было, по мнѣнію базилианъ, торжественно закрѣпить за ней все это и дать, такимъ образомъ, латинству возможность развиваться въ униі на законномъ основаніи. Это желаніе базилианъ имѣло, къ тому-жъ, за собой довольно вѣскіе, съ ихъ точки зрѣ-

нія, мотивы. Дѣло въ томъ, что латинскія новшества базилианъ, вводимыя въ уніатскія церкви, при враждебности бѣлаго духовенства къ ордену и латинству не могли, конечно, повсюду усвоиться и прививаться. Были случаи, что духовенство игнорировало ими, а то просто—сопротивлялось этимъ нововведеніямъ. Понятно, что при такомъ положеніи вещей, базилиане могли опасаться, что ихъ труды не достигнутъ цѣли, если вводимымъ новшествамъ не будетъ придана обязательная сила для всей уніатской церкви, вслѣдствіе утвержденія ихъ авторитетомъ собора. Естественно, поэтому, ихъ желаніе созвать соборъ. Если послѣ этого принять во вниманіе, что значеніе и вліяніе ордена базилианъ были весьма велики въ Римѣ, то необходимо предположить, что главными двигателями проэкта областного собора были именно базилиане, хотя мысль о немъ и принадлежитъ митр. Льву Кишкѣ. Такимъ образомъ, было двѣ причины созванія собора. Это, во-1-хъ, желаніе уніатовъ, искренно служившихъ дѣлу уніи искоренить вкравшіяся въ уніатскую церковь латинскія новшества и, во-2-хъ, желаніе олатинившихся уніатовъ, главнымъ образомъ, базилианъ, преслѣдовавшихъ своекорыстныя цѣли въ духѣ латинства — утвердить эти новшества. Соборъ, котораго такъ желали въ различныхъ видахъ бѣлое уніатское духовенство и базилиане, былъ соборъ замойскій, отбывшійся въ 1720 году въ Замостьѣ (нынѣ уѣздный городъ Люблинской губерніи) ²⁷⁶).

При введеніи уніи и въ первое время ея существованія въ западно-русской церкви мы видимъ, что польское правительство принимаетъ въ ея дѣлахъ самое дѣятельное участіе, оно слѣдитъ за ней, какъ говорится, шагъ за шагомъ. Достаточно вспомнить время, предшествовавшее брестскому собору; безъ королевской воли ничего не дѣлалось для уніи: универсалы, грамоты, предписанія опредѣляли всякое движеніе ея поборниковъ. Въ послѣдующее время замѣтно то же самое. Кобринскій и львовскій, напр., соборы отбываются, хотя и съ соизволенія папы, но въ то же время и по особому разрѣшенію Сигизмунда Ш. Теперь, спустя сто лѣтъ, при созваніи замойскаго собора, разрѣшеніе на него испрашивается у папы. Митр. Левъ Кишка въ 1716 году ходатай-

ствуешь о созваніи собора прямо въ Римъ ²⁷⁷), какъ-бы обходя польское правительство. Едва-ли можно объяснить это равнодушіемъ послѣдняго къ уніи. Равнодушіе въ этомъ случаѣ являлось-бы непростительнымъ анахронизмомъ его дѣйствій въ параллели съ прошлою заботой объ уніи. Нѣтъ, тутъ не было равнодушія; скорѣе имѣло здѣсь мѣсто отсутствіе прежней зоркости къ дѣламъ уніи на томъ основаніи, что роль правительства уже кончилась. Оно сдѣлало свое дѣло. Какъ за ребенкомъ, ухаживало оно за уніей сначала ея существованія, оно помогло ей укрѣпиться во внѣшнемъ отношеніи, оно своими мѣрами способствовало уніи прогнаться опустошительнымъ ураганомъ по всей западно-русской странѣ и поколебать, опустошить въ ней величественное зданіе православія. Теперь, когда унія уже пережила свой младенческій періодъ и созрѣла настолько, что могла въ своемъ старческомъ нарядѣ совершенно слиться съ римскою церковью, для чего придуманы были даже проекты ²⁷⁸), теперь, говоримъ, польское правительство предоставило унію Риму и силамъ ея-же самой. Поэтому-то и отношенія польскаго правительства, заправленныя прежде горячею бдительностью и надзоромъ, нѣсколько охладѣваютъ, поэтому-то и митроп. Кишка о созваніи собора ходатайствуетъ не предъ королемъ, но предъ папою и отъ послѣдняго получаетъ разрѣшеніе.

Оно дано было еще 20-го марта 1716 г. папою Климентомъ XI-мъ ²⁷⁹), однако соборъ въ этомъ году не состоялся, а созванъ былъ, какъ замѣчено выше, въ 1720 г. Трудно рѣшить, какія обстоятельства на четыре года отдалили созваніе собора. Намекъ Островскаго „о замѣшательствахъ въ странѣ“ (*zamieszki krajowe*) ²⁸⁰) не разъясняетъ этого факта точно также, какъ и замѣчаніе Ликовскаго „о различныхъ препятствіяхъ“ (*o rozmaitych przeszkodach*) ²⁸¹), мѣшавшихъ открыть соборъ. Имѣются-ли этими историками въ виду неблагоприятныя политическія обстоятельства того времени ²⁸²), или краткія замѣчанія ихъ должны свидѣтельствовать о томъ, что причинъ, по которымъ соборъ былъ отло-

женъ, нужно искать какъ въ дѣйствіяхъ уніатскихъ іерарховъ и базилианъ, такъ и въ неофициальныхъ распоряженіяхъ Рима, повторяемъ, рѣшить трудно. Однако, принимая во вниманіе, что политическія невзгоды были тогда сравнительно не велики, надо полагать, что причиной отволочки собора были или уніаты-базилиане, или Римъ, что въ данномъ случаѣ — одно и то же. Такъ или иначе, тѣмъ не менѣе предсѣдателемъ этого собора назначенъ былъ папскій нунцій въ Польшѣ, архіепископъ едесскій *Іеронимъ Гримальди*, которому въ 1716 г. прислано было объ этомъ изъ Рима бреве. Извѣщая въ немъ своего нунція о намѣреніи русскаго уніатскаго митрополита съ епископами созвать соборъ для разсужденія о церковныхъ дѣлахъ, папа высказываетъ желаніе, чтобъ соборъ этотъ совершился правильно, къ пользѣ церквей и во славу Божию, и для этого назначаетъ его (нунція) своимъ уполномоченнымъ предсѣдателемъ на немъ. При этомъ папа увѣщаетъ Гримальди съ вѣрностью (Риму, конечно) управлять означеннымъ соборомъ, опредѣлять и утверждать все касающееся уніатскихъ церквей такъ, чтобъ оно не прежде было обнародовано и приведено въ исполненіе, пока не будетъ разсмотрѣно и одобрено конгрегаціей de propaganda fide. Кромѣ того, папа повелѣваетъ (въ этомъ-же бреве) митрополиту, епископамъ и всѣмъ, кто будетъ присутствовать на соборѣ, принять нунція, какъ предсѣдателя, повиноваться ему, принимать его совѣты и наставленія и исполнять ихъ. Наконецъ, такъ какъ нунція въ его распоряженіяхъ могли стѣснять прежнія различныя конституціи и апостольскіе декреты, то папа, не уничтожая ихъ на будущее время, на этотъ разъ отнимаетъ у нихъ силу ²⁸³).

Въ этомъ бреве папы обращаетъ на себя, прежде всего, вниманіе назначеніе предсѣдателемъ собора папскаго нунція. Оно, очевидно, ненормально. По праву и примѣру прежнихъ лѣтъ, предсѣдательствовать на соборѣ долженъ былъ митрополитъ, какъ верховный іерархъ уніатской церкви. Если въ данномъ случаѣ это законное право отнимается у митрополита, то само собой понятно — не безъ цѣли, точно также, какъ не безъ особыхъ соображеній передается оно именно нунцію и передается замѣчательно съ

особыми чрезвычайными уполномочіями. Если предсѣдателемъ собора не могъ быть митрополитъ, то можно было замѣнить его помимо нунція, кѣмъ-либо изъ римскихъ делегатовъ тѣмъ болѣе, что соборъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ послѣ разрѣшенія не созывался. Почему-же именно предсѣдательство поручается нунцію, почему его постановленія не прежде должны приводиться въ исполненіе, какъ по рассмотрѣніи ихъ въ Римѣ и почему, наконецъ, на этотъ разъ отмѣняются конституціи и апостольскіе декреты?

Все это сдѣлано было съ тою цѣлью, чтобы поработить униатскую церковь латинству. Такъ какъ папскій нунцій, живя въ Польшѣ, зналъ, безспорно, всѣ нити латинизаціи ун. церкви, то онъ былъ на этотъ разъ незамѣнимымъ человѣкомъ для Рима въ предполагавшемся соборѣ. Положимъ, митрополитъ также зналъ обстоятельно слабыя и сильныя стороны уніи. Но онъ, очевидно, не могъ быть, по расчетамъ папы, надежнымъ предсѣдателемъ, ибо легко могъ принять сторону бѣлаго ун. духовенства и тогда желанія базилианъ, которыя вмѣстѣ были желаніями и Рима, могли не достигнуть своей цѣли. Съ другой стороны, никакой римскій легатъ, какъ незнакомый съ положеніемъ уніи, не могъ въ роли предсѣдателя собора вести дѣло, согласно проэку апостольской столицы такъ, какъ могъ это сдѣлать нунцій, знавшій официальную и закулисную сторону уніи. Въ этомъ и заключается причина, почему предсѣдательство вручается нунцію. Но такъ какъ послѣдній, даже при искреннемъ своемъ желаніи точно исполнять данныя ему инструкціи, могъ, по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, сдѣлать какое либо отступленіе или измѣненіе ихъ, то папа предписываетъ не приводить въ исполненіе сдѣланныя на соборѣ постановленія до тѣхъ поръ, пока онъ не выдержитъ рецензіи въ Римѣ. Нельзя не замѣтить въ этомъ предписаніи папы той рѣдкой дальнорзости и пунктуальности, какими всегда отличались дѣйствія Рима по отношенію къ уніи. Нунцій былъ, какъ говорится, своимъ человѣкомъ и, согласно бреве папы, человѣкомъ преданнымъ Риму и его интересамъ, тѣмъ не менѣе его постановленія все-таки подвергаются критикѣ. Для той-же

цѣли—болѣе широкаго дѣйствованія въ пользу латинства,--отмѣнены папой прежнія конституціи и апостольскія декреты. Отмѣна эта, расширяя, съ одной стороны, кругъ дѣйствій нунція, съ другой, дѣлала недействительными тѣ возраженія, которыя могли быть выставлены уніатами въ случаѣ протеста противъ этихъ дѣйствій. Словомъ, дѣло было обставлено хитро, своеобразно, но въ то же время исполнѣе законно.

На возобновленную митр. Кишкою въ 1720 г. просьбу объ отбытіи собора, конгрегация de propaganda fide отвѣтила о согласіи папы на осуществленіе его просьбы декретомъ отъ 13 іюля 1720 г. ²⁸⁴). Спустя недѣлю, митроп. Льву Кишкѣ и всѣмъ русскимъ ун. епископамъ прислано было съ тою же цѣлью бреве папы Климента XI. Выказывая свою радость по поводу извѣстія о намѣреніи митрополита и ун. епископовъ созвать соборъ для разсужденія о церковныхъ дѣлахъ, папа, въ своемъ бреве, хвалитъ ихъ за горячую заботу о церкви и при этомъ напоминаетъ уничтожить въ епархіяхъ важныя злоупотребленія, практикующіяся при избраніи священнослужителей. Далѣе Климентъ говоритъ о назначеніи нунція Гримальди предсѣдателемъ собора и вмѣняетъ всѣмъ въ обязанность имѣть полное довѣріе ко всему, что тотъ предложитъ имъ отъ имени апостольской столицы и съ полнымъ послушаніемъ принимать его совѣты и увѣщанія, «считая,-- продолжимъ словами папы,--за несомнѣнное, что все это происходитъ не изъ другаго источника, а изъ отеческой; по истинѣ глубокой о Господѣ любви нашей къ вамъ и не имѣетъ другой цѣли, кромѣ общей пользы вашей и любезной намъ русской націи». Въ заключеніе папа выражаетъ надежду, что все предписанное имъ будетъ исполнено съ обычной ревностію и благочестіемъ и посылаетъ ун. іерархамъ свое благословеніе ²⁸⁵).

Это бреве папы не имѣло-бы для насъ особаго значенія послѣ того, какъ извѣстно бреве его къ нунцію Гримальди; то и другое имѣютъ одинаковую цѣль. Но замѣчательно, что папа своимъ бреве къ митрополиту и епископамъ хочетъ убѣдить ихъ въ искренности своихъ попеченій объ уніатской церкви, направленныхъ, повидимому, къ тому же, чего и они желаютъ. От-

странная дѣйствительныя желанія и стремленія папы, въ этомъ брѣве можно найти столько задушевности, сердечности, розовыхъ обѣщаній ун. іерархамъ и поощренія объ ихъ церкви, что все это далеко превзойдетъ отеческую, какъ выражается папа, заботу его о ней. Но это только de jure. Намъ извѣстны и другіе мотивы созванія Замойскаго собора, поэтому можно только удивляться хитрости и двуличію папы Климента XI.

Его слова, безъ сомнѣнія, были приняты за звонкую монету; кажется, никто не сомнѣвался въ его намѣреніи исправить жизнь ун. церкви, привести ее къ лучшему порядку. По крайней мѣрѣ митр. Левъ Кишка много раньше изданія послѣдняго папскаго брѣве, именно 11 мая 1720 г. написалъ уже окружное посланіе съ приглашеніемъ на соборъ²⁸⁶). Изъ него видно, что митрополитъ вполне вѣрилъ въ искренность будто бы — отеческихъ заботъ и попеченій папы о благѣ ун. церкви. Польза послѣдней и слава русскаго народа занимали умъ и сердце дряхлаго митрополита, писавшаго окружное посланіе. Мѣстомъ собора назначенъ былъ Львовъ, одинъ изъ лучшихъ городовъ Рѣчи-посполитой, а временемъ 26 августа по новому стилю²⁸⁷).

Однако, спустя мѣсяць, планъ былъ перемѣненъ и мѣстомъ собора назначенъ городъ Замость. Въ другомъ окружномъ посланіи (отъ 20 іюня), изданномъ по этому поводу²⁸⁸), митр. Кишка, не перемѣняя времени начала собора, извѣщаетъ всѣхъ имѣвшихъ участвовать въ немъ, что, въ силу развивающагося мороваго повѣтрія не только въ окрестностяхъ, но и въ самомъ Львовѣ, онъ, по соглашенію съ святѣйшимъ нунціемъ, переноситъ мѣсто собора изъ Львова въ Замость.

Дѣйствительно-ли моровое повѣтріе серьезно могло грозить собравшимся на соборъ въ многолюдный и безъ этого Львовъ²⁸⁹) или, быть можетъ, въ перемѣнѣ Львова на уютный, глухой Замость, латинская партія при своемъ большинствѣ полагала надежду осадить сравнительно меньшую ун. партію, рѣшить это, за неимѣніемъ достаточныхъ основаній, трудно.

Къ 26 авг., назначенному срокомъ начала собора, собралось въ Замость множество уніатскаго и латинскаго духовенства,

начиная отъ высшихъ іерарховъ и оканчивая парохами (приходскими священниками). Бромъ папскаго нунція и митр. Льва Бишки, на соборъ прибыли слѣдующіе іерархи: Флоріанъ Гребницкій, архіепископъ полоцкій и витебскій, Іосифъ Выговскій, еп. луцкій и острожскій, Іосифъ Левицкій, еп. холмскій и белзскій, архимандритъ жидичинскій, Аѳанасій Шептицкій, еп. львовскій, галицкій и каменецкій, Іеронимъ Устрицкій, еп. перемышльскій, самборскій и саноцкій, Теофилъ Годабскій, еп. (nominatus) пинскій и туровскій ²⁹⁰) и Лаврентій Друцкій-Соколинскій, архіепископъ смоленскій ²⁹¹). Прибылъ также протоархимандритъ базилианъ—Антоній Завадскій съ главными чинами ордена—архимандритами, консульторами, легатами, аудиторами, суперіорами и проч. ²⁹²). Изъ низшихъ чиновъ ун. духовенства пріѣхало много декановъ (благочинныхъ), вице-декановъ, пресвитеровъ и ихъ викаріевъ ²⁹³). Присутствовали лица и изъ латинскаго духовенства ²⁹⁴), и также свѣтскія лица изъ уніатовъ ²⁹⁵). Соборъ, очевидно, былъ весьма многочисленный и, какъ провинціальный, онъ, должно сказать, блисталъ своими членами.

Эти высокостояція въ церковной іерархіи лица, объединенныя единопдушнымъ желаніемъ вѣрнаго служенія церкви, казалось, все сдѣлаютъ къ ея благу, все устроятъ для ея пользы. Однако, на дѣлѣ, едвали могло такъ случиться. Не надо забывать, что кромѣ официальной стороны, замойскій соборъ имѣлъ еще закулисную, пока еще не всѣмъ извѣстную, но многими подразумеваемую (имѣемъ въ виду латинскую партію); официальная сторона, какъ извѣстно, заключалась въ томъ, что соборъ долженъ былъ возстановить упавшую дисциплину ун. церкви и привести обычай ея къ первоначальному ихъ виду. Кто-же болѣе всего могъ изобразить этотъ упадокъ, кто могъ рельефнѣе представить нужды тогдашняго состоянія церкви и ея пастырей, какъ не сами эти пастыри, лично испытавшіе весь гнетъ и всю тяжесть церковной неурядицы и своего собственнаго житія? Казалось-бы, что ихъ присутствіе, какъ нельзя болѣе умѣстно было на соборѣ. Однако, какъ ни страннымъ это кажется, изъ приходскихъ священниковъ мы находимъ только одного. Это былъ о. Николай

Нашчориць, настоятель самборскаго и бисковинскаго приходоу²⁹⁶). Правда, тутъ были благочинные—ближайшіе начальники приходскихъ священниковъ, были пресвитеры (настоятели приходскихъ церквей), которые могли замѣнить своихъ подчиненныхъ и сельскихъ товарищей, но всё они не то, что парохы. Они были люди обеспеченные (особенно пресвитеры), къ тому-жъ чиновные, а главное большинство изъ нихъ—базиліане. Уже по этому самому не могли они раскрыть всё язвы тогдашняго состоянія ун. церкви, терпѣвшей отъ латинства. Притомъ, нельзя отрицать, что, будучи заодно съ базиліанами, большинство изъ нихъ вовсе и не имѣло этого въ виду. Присутствовавшіе іерархи, правда, могли постоять за свои епархіи, но, какъ увидимъ, и этого не случилось. Словомъ, людей, которые-бы, дѣйствительно, прицесли пользу официальной сторонѣ собора, какъ будто что-то оттолкнуло, какъ будто низшее ун. духовенство по сговору не явилось на соборъ. Такъ-ли это было на самомъ дѣлѣ, увидимъ ниже.

Обращаясь къ исторіи собора. Въ Замостьѣ предъ началомъ собора, надо полагать наканунѣ его (25 авг. н. с.), на дверяхъ приходскихъ ун. церквей во имя Пресвятыя Богородицы и святителя Николая были прибиты объявленія митр. Кишки, за подписью папскаго нунція, извѣщавшія съѣхавшееся духовенство, что въ этотъ день начнутся засѣданія собора²⁹⁷). Въ тотъ-же день митрополитомъ, раньше засѣданія, отслужена была литургія, а предъ самымъ открытіемъ собора, происходившаго въ церкви, папскимъ нунціемъ прочитаны были на этотъ случай молитвы, послѣ чего всё присутствовавшіе пропѣли «Царю небесный» и соборъ открытъ былъ рѣчью нунція Гримальди. Образецъ іезуитскаго краснорѣчія, рѣчь эта все-таки замѣчательна не столько по формѣ, сколько по своему содержанию и тону, ловко вставленному въ рамки витійства. Имѣя въ виду указать собору цѣль, ради которой онъ созванъ,—цѣль, безъ сомнѣнія, уже извѣстную всѣмъ присутствующимъ изъ посланія митрополита, нунцій былъ поставленъ въ затруднительное положеніе, какимъ образомъ совмѣстить ее въ рѣчи съ требованіями папы совершенно противорѣчащими официальной сторонѣ дѣла. Затрудненіе это ему удалось преодолѣть,

однако не безъ неровностей. Оно и понятно. Трудно говорить одно и дѣлать противоположное. Между тѣмъ, въ данномъ случаѣ нунція такъ именно и пришлось поступить. Предпославъ въ своей рѣчи нѣсколько зайскивающихъ, льстивыхъ словъ о цѣли собора, нунцій, вслѣдъ за тѣмъ, не задрудняется даже поставить присутствующимъ на видъ, что они сами послужили причиной церковныхъ нестроений, вызвавшихъ соборъ. Однако, дѣлаетъ онъ это тонко, казуистически, — на первый взглядъ трудно замѣтить что-либо подобное. Воспоминаніе объ отшедшихъ отцахъ собравшагоса духовенства наводитъ его на мысль представить ихъ образъ предъ очи собора. «Они были, — говоритъ онъ, — непорочны, кротки, не винопиты, не скверностяжатели»... Зачѣмъ этотъ образъ отцевъ? Очевидно, чтобъ сопоставить его съ сыновними, которые, по убѣжденію нунція, прямо впрочемъ не высказанному, очень не сходны. Основаніемъ добродѣтелей отцовъ, по словамъ нунція, была глубокая вѣра ихъ; поэтому, чтобъ приблизиться къ образу предковъ, отцы собора должны отвергнуть всѣ ереси (осужденныя на вселенскихъ соборахъ) и, что особенно важно, дать присягу на повиновеніе папѣ, намѣстнику Христа и исповѣдать вѣру по формулѣ папы Урбина VIII. Переходъ отъ вѣры предковъ къ признанію главенства папы и исповѣданія вѣры по формулѣ Урбана — переходъ неровный, но такъ какъ эти два пункта составляли сущность того, чего требовалъ папа отъ предстоящаго собора, то нунцій не могъ ихъ обойти. Прямо этихъ требованій онъ ни въ какомъ случаѣ высказать не могъ, ибо на соборѣ присутствовало много лицъ, которыя искренно служили дѣлу уни. Открытое признаніе латинства въ то время, когда противъ того-же латинства созванъ былъ соборъ, могло вызвать въ этихъ людяхъ сильный протестъ и неизвѣстно, чѣмъ могло окончиться только что открытое засѣданіе. Гримальди отлично понималъ опасность, грозившую его предсѣдательскому креслу и потому такъ осторожно повелъ свою рѣчь. Далѣе, нунцій проситъ соборъ обратить особенное вниманіе на злоупотребленія практикующіяся въ ун. церкви при избраніи священнослужителей. Какъ мы видѣли, объ этихъ злоупотребленіяхъ говоритъ и папа въ своемъ

брене къ митрополиту и уніат. епископамъ. Что-же это за злоупотребленія, которыя такъ тревожили Римъ? Въ западно-русской церкви, послѣ многихъ случаевъ измѣны православію пастырей, очень сильно утвердился древній обычай избранія ихъ міромъ. Безъ сомнѣнія, съ принятіемъ уніи, онъ имѣлъ мѣсто и въ ун. церкви. Латинянамъ это было не по душѣ. Ихъ стремленія окатоличить ун. церковь встрѣчали въ такихъ пастыряхъ, — ревностныхъ служителяхъ уніи, сильный противовѣсъ. Надо было уничтожить этой обычай, приносившій латинству огромный вредъ. Поэтому-то папа и нунцій такъ настойчиво требуютъ его искорененія ²⁹⁸).

Послѣ рѣчи прочитаны были два, уже извѣстныхъ намъ, бреве папы къ нунцію о назначеніи его предсѣдателемъ собора и къ митрополиту объ открытіи послѣдняго ²⁹⁹). Затѣмъ, по приказанію предсѣдателя, были прочитаны также опредѣленія тридентскаго собора (*Dictata de Residentia ex Concilio Tridentino sess. 6, c. 1, и Decretum de Professione Fidei facienda, ex eodem Concilio, sess. 25, c. 2*) и исповѣданіе вѣры по формулѣ папы Урбана VIII ³⁰⁰). Признаніе на соборѣ этого исповѣданія, какъ мы имѣли уже случай упоминать объ этомъ, было квинт-эссенціей желаній Рима, ибо съ принятіемъ его признавалось латинство. Въ началѣ исповѣданія помѣщенъ никео-цареградскій символъ съ прибавленіемъ „и отъ Сына“, а потомъ слѣдуетъ перечисленіе семи вселенскихъ соборовъ и ихъ постановленій. Признаются, далѣе, 4-й константинопольскій соборъ (восьмой), осудившій Фотія и возстановившій Игнатія и всѣ другіе соборы, происходившіе съ разрѣшенія папы, въ частности флорентійскій и его опредѣленія объ исхожденіи св. Духа отъ Отца и Сына. Затѣмъ слѣдуетъ признаніе чистилища, главенства папы, тридентскаго собора и его постановленій касательно первороднаго грѣха, оправданія, таинствъ, касательно канона священныхъ книгъ В. и Н. Завѣта, ихъ толкованія; признаются индульгенціи и вообще все, что принимаетъ и исповѣдуетъ римская церковь. Напротивъ, осуждается, отвергается и анафематствуется все отвергнутое и проклятое этою же церковію. Въ заключеніе исповѣданія давалась клятва содержать

цѣлостно и ненарушимо вѣру католической церкви и распростра-
нять ее въ средѣ тѣхъ, забота объ управленіи которыми будетъ
ввѣрена признающему исповѣданіе Урбана. Каждый изъ участво-
вавшихъ на соборѣ долженъ былъ прочесть и своею подписью
скрѣпить это исповѣданіе вѣры.

Является невольный вопросъ, почему на соборѣ, имѣвшемъ
цѣлью исправить собственно обрядовую сторону церкви, на пер-
вомъ планѣ поставлена догматика? Почему, прежде чѣмъ присту-
пить къ разсужденію о дисциплинѣ церкви, подтасована догмати-
ческая ея сторона? Очевидно, въ этомъ случаѣ нунцій, согласно
инструкціи папы, преслѣдовалъ ту цѣль, какую вообще хотѣлъ
извлечь Римъ изъ провинціального ун. собора, т. е. принятіе
уніатами латинства. Нѣтъ сомнѣнія, что кромѣ официальныхъ
отношеній къ нунцію, онъ имѣлъ и частныя предписанія изъ
Рима, гдѣ отлично были обдуманы мѣры, при помощи которыхъ
замойскій соборъ долженъ былъ служить цѣлямъ латинства. Въ
этихъ то, надо полагать, частныхъ предписаніяхъ и было пору-
чено Гримальди выставить на первый планъ догматическое ученіе
римской церкви. Разсчетъ былъ таковъ. Если собравшіеся отцы
собора примутъ исповѣданіе Урбана VIII, въ такомъ случаѣ
можно будетъ въ духѣ латинства поразсуждать и объ обрядовой
сторонѣ церкви, — въ противномъ случаѣ, — закрыть соборъ. Нѣтъ
сомнѣнія, что это непременно послѣдовало-бы, если-бы большин-
ство присутствовавшихъ на соборѣ не подписали исповѣданія. До
сихъ поръ тайно подходя къ цѣли апостольской столицы, для
которой ширмой было желаніе и ее стороны Рима поднять упав-
шую дисциплину ун. церкви, нунцій прямо открываетъ ее, какъ
только началось засѣданіе. Поставивъ на первомъ планѣ догматику,
онъ, безъ сомнѣнія, озадачилъ собравшихся на соборъ, по крайней
мѣрѣ тѣхъ, которымъ не извѣстны были намѣренія его. Что оста-
валось имъ дѣлать? Они пріѣхали разсуждать объ обрядовой сто-
ронѣ церкви, рѣчь о которой вѣроятно будетъ впереди, а тутъ
предлагается исповѣданіе Урбана, которое вдобавокъ многіе под-
писываютъ (тѣ, конечно, которые дѣйствовали заодно съ Ри-
момъ). Влекомые, съ одной стороны, примѣромъ товарищей, съ

другой, — желая узнать, чѣмъ, наконецъ, оправдаются ихъ ожиданія и намѣренія относительно церковной дисциплины, отцы собора, быть можетъ, глубоко презирая Римъ, папу и такъ ловко обставленный соборъ, согласились подписать исповѣданіе. Однако, сдѣлали это не всѣ и, какъ увидимъ ниже, подписи были собираемы еще и на второмъ засѣданіи собора.

Мы подошли къ рѣшенію вопроса, дѣйствительно-ли на соборѣ не было вовсе приходскихъ священниковъ, за исключеніемъ одного только, упомянутого въ соборныхъ актахъ, о. Николая Нашчорица. Необходимо предположить совершенно противоположное. Хотя Замость и былъ отдаленнымъ городомъ и прибытіе туда сопряжено было съ расходами, тѣмъ не менѣе на соборѣ должны были присутствовать, по крайней мѣрѣ, ближайшіе священники. Если-же принять во вниманіе цѣль собора, глубоко интересовавшую даже мірянъ-уніатовъ, то никоимъ образомъ нельзя допустить, чтобы приходскіе священники могли игнорировать столь близкій имъ предметъ и хотя въ маломъ количествѣ не прибыть на соборъ. Они, безспорно, присутствовали. Но дѣло въ томъ, что предложенное къ призванію и подписи исповѣданіе Урбана заставило ихъ тотчасъ-же оставить Замость. Строго преданные уніи, они иначе не могли поступить. Неподписание исповѣданія и удаленіе изъ Замостья приходскихъ священниковъ вовеки не исключало противоположнаго со стороны ихъ епископовъ. Если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые отъ души-бы это сдѣлали; но что совершилось незамѣтно и безслѣдно для пароховъ, то едва-ли, въ глазахъ Рима, могло обойтись дешево для ихъ іерарховъ. Они вынуждены были подписать принятіе латинства, хотя, быть можетъ, и не всѣ сдѣлали это по принужденію.

Послѣ признанія и подписанія исповѣданія Урбана, нунцій могъ ожидать благодарности папы. Главное было сдѣлано, сдѣлано неожиданно; вдругъ, какъ говорится, сплеча и, кажется, что по этому самому оно имѣло блестящій успѣхъ. Собственно говоря, миссія Гримальди была окончена; Римъ могъ гордиться своими успѣхами. Соборъ принялъ, клятвенно подтвердилъ и подписалъ латинство. Если этого не сдѣлало незначительное меньшин-

ство отцевъ собора, то ихъ надѣялись убѣдить сдѣлать это. Впрочемъ, можно было даже обойтись безъ ихъ подписи. Этимъ кончилось первое засѣданіе замойскаго собора. Для втораго засѣданія нунцій назначилъ 31-е августа (н. с.). Однако въ этотъ день оно не состоялось вслѣдствіе болѣзни митрополита Льва Кишки ³⁰¹⁾ и было перенесено на слѣдующій день.

Въ воскресенье, 1-го сентября, послѣ обѣди, нунціемъ послѣ предварительныхъ молитвъ открыто было второе засѣданіе. Оно началось чтеніемъ папскихъ декретовъ, которые нунцій, по совѣщаніи съ митрополитомъ и епископами, счелъ необходимымъ обнародовать отцамъ собора, чтобы познать ихъ съ рѣшеніемъ нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ и заблужденій. Первыми прочитаны декреты, разрѣшающіе спорные вопросы буллы «*Coena Domini*» (въ римской церкви они читаются обыкновенно въ день вечера Господней), затѣмъ конституція папы Григорія XIV отъ 28-го мая 1591 г. ³⁰²⁾ «*de immunitate Ecclesiastica*» и, наконецъ, конституція папы Климента XI отъ 6-го сентября 1713 г., начинающаяся словомъ «*Unigenitus*» ³⁰³⁾. По прочтеніи декретовъ и конституцій, отцы собора, неподписавшіе на первомъ засѣданіи исповѣданія вѣры, были приглашены предѣдателемъ выполнить это теперь. Поддавшись убѣжденіямъ, которыя, несомнѣнно, послѣдовали со стороны уже подписавшихъ исповѣданіе, особенно же со стороны агентовъ Рима, они на этотъ разъ подписали. Нунцій вслѣдъ за тѣмъ объявилъ засѣданіе закрытымъ, а днемъ третьей сессіи назначилъ 7-е сентября ³⁰⁴⁾.

Въ назначенный срокъ засѣданіе не могло состояться, потому что было много другихъ занятій (*has die (7-е сентября) ob plurima negotia sessis haberi non potuerit*) и перенесено было на 17-е сентября. Какія были занятія, не позволявшія отбыть въ первый срокъ третье засѣданіе замойскаго собора, видно изъ актовъ этого-же засѣданія. Дѣло въ томъ, что отцы собора заняты были составленіемъ опредѣленій относительно церковной дисциплины, которыя на третьемъ засѣданіи были только прочитаны ³⁰⁵⁾. Такъ какъ эти опредѣленія къ 7 сентября не могли быть готовы, то нельзя было по этой причинѣ открыть засѣданіе. Между тѣмъ,

6-го сентября на соборной конфедерации подписали исповѣданіе Урбана VIII представители львовскаго братства Стефанъ Лясковскій, S. Romani imperii notarius Apostolicus, Senior Confraternitatis Staurorigianale Leopoliensis и Иванъ Чесниковскій, deputatus Confraternitatis Leopoliensis ³⁰⁶). Это были единственные унитаты-міряне, принимавшіе участіе въ соборѣ и, какъ видно, болѣе другихъ преданные уніи. Однако и они не могли не подписать принятое уже всѣми исповѣданіе Урбана. Надо полагать, что подписямъ ихъ придавали большое значеніе, ибо составитель актовъ счелъ нужнымъ сказать объ этомъ отдѣльно. 12-го сентября въ Замошь прибылъ Лаврентій Друцкій-Соболинскій, архіепископъ смѣленскій, неизвѣстно по какой причинѣ неспѣвшій ко дню открытія собора. 15-го числа того-же мѣсяца, въ присутствіи предсѣдателя собора, имъ прочитано было исповѣданіе вѣры и подписано на особомъ листѣ ³⁰⁷).

Согласно назначенному сроку, третье и послѣднее засѣданіе замойскаго собора открыто было 17-го сентября (нов. ст.). Литургію въ этотъ день совершалъ Іосифъ Левицкій, еписк. холмскій и белзскій. Послѣ молитвъ, прочитанныхъ предсѣдателемъ собора, засѣданіе открыто было чтеніемъ декретовъ (опредѣленій), которые, какъ уже замѣчено, составлены были, согласно принятому отцами собора исповѣданію Урбана VIII, между вторымъ и третьимъ засѣданіемъ. Приступаемъ и мы къ разсмотрѣнію этихъ опредѣленій, слѣдуя тому порядку, въ какомъ изложены они въ соборныхъ актахъ.

Первая глава ихъ содержитъ въ себѣ постановленія, касающіяся католической вѣры (de fide catholica) ³⁰⁸). Какъ и слѣдовало ожидать, достигнутая замойскимъ соборомъ цѣль желаній Рима займетъ первое мѣсто въ его постановленіяхъ. А такъ какъ этой цѣлью было принятіе латинской вѣры, резюме которой служилъ символомъ Урбана, то принятію и храненію послѣдняго и посвящена первая глава. Ею предписывается, чтобы митрополиты, епископы, архимандриты, опаты, лица, имѣющія академическую степень, монашество обоихъ половъ, — всѣ вообще, ищущіе извѣстной должности, при посвященіи приняли это исповѣданіе не

позже трех мѣсяцевъ со дня обнаруженія соборныхъ актовъ. Отказавшіеся принять или принявшіе исповѣданіе, но нарушившіе его, будутъ лишаемы сана и должности и строго наказываемы. Далѣе, дабы принятое исповѣданіе вошло, какъ можно болѣе, въ практику, соборъ опредѣлилъ, чтобъ символы вѣры, гдѣ-бы они не печатались, непременно были-бы съ частицею «и отъ Сына» (не исполняющіе этого будутъ строго наказываемы) и чтобъ имя папы въ диптихахъ (дощечки, на которыхъ записывались имена, поминавшіяся при богослуженіи) на литургіи произносилось ясно, дабы нельзя было думать, что произносится какое-нибудь другое. Запрещается уніатамъ (конечно, изъ опасенія вліянія на нихъ православныхъ) имѣть, по какимъ-бы то ни было причинамъ, сношенія съ пастырями внѣ предѣловъ Рѣчи-посполитой. Виновные въ этомъ строго наказываются. Осуждая и проклиная далѣе ересь Филиппа (11 пунктовъ), соборъ опредѣляетъ зорко слѣдить за ея развитіемъ и принимать мѣры къ ея искорененію, — сочувствующихъ-же ереси предавать отлученію, если они добровольно не откажутся отъ ней. Наконецъ (въ виду той-же латинизаціи уніатской церкви), соборъ опредѣлилъ не покупать, не держать, не читать книгъ, кои не были-бы дозволены духовною цензурою. Употребленіе богослужебныхъ книгъ, служебниковъ, уставовъ, требниковъ и проч. разрѣшалось только въ тѣхъ изданіяхъ, какія будутъ во всемъ согласны съ изданіями, выпущенными по предписанію собора и утвержденными апостольской столицей. Само собой понятно, что эти постановленія направлены противъ употребленія въ уніатской церкви православныхъ богослужебныхъ книгъ.

Вторая глава постановленій замойскаго собора касается проповѣдыванія слова Божія и обученія катехизису (*de praedicatione verbi Dei et catechismo instituendo*)³⁰⁹). Вслѣдствіе великой важности проповѣди въ ряду пастырскихъ обязанностей и спасительныхъ слѣдствій ея въ дѣлѣ нравственного преуспѣянія пасомыхъ, соборъ опредѣлилъ, чтобъ приходскіе священники по крайней мѣрѣ по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ преподавали имъ слово Божіе. Для руководства и облегченія этихъ занятій, соборъ

поручилъ митрополиту составить и издать особый катехизисъ. За неисполненіе обязанностей, налагаемыхъ этимъ соборнымъ опредѣленіемъ, священникъ подвергается штрафу въ 10 золотыхъ (въ пользу своей церкви), а если-бы онъ, и по увѣщаніи своего епископа, не радѣлъ о проповѣди и обученіи катехизису, то подвергается большимъ наказаніямъ. Чтобъ ознакомить самихъ пастырей съ приемами проповѣди и методомъ обученія катехизису, соборъ поручилъ митрополиту издать и для этой цѣли руководство, и для ознакомленія съ подготовкой по нимъ самихъ пастырей, назначены были депутаты, на обязанности которыхъ лежало провѣрять четыре раза въ годъ успѣхи приложенія этихъ руководствъ къ дѣлу. Что касается епископовъ, то имъ также вмѣняется въ обязанность проповѣданіе слова Божія и, въ особенности, наблюденіе за проповѣдью ввѣренныхъ имъ пастырей.

Третья глава соборныхъ постановленій обнимаетъ собою кругъ таинствъ и ихъ совершеніе (*de sacramentis eorumque administratione*) ³¹⁰). Указывая на важность и святость таинствъ, соборъ въ разсматриваемой главѣ опредѣляетъ, чтобы священники всегда и душой, и тѣломъ готовы были къ совершенію ихъ, а самое совершеніе творили-бы съ благоговѣніемъ по установленной формѣ, съ употребленіемъ должной матеріи для таинствъ. Неисполненіе этихъ предписаній подлежитъ строгому взысканію и особенно въ томъ случаѣ, когда кто-нибудь умретъ не крещеннымъ или безъ покаянія. При совершеніи таинствъ, священники обязаны, хотя-бы въ самыхъ краткихъ словахъ, объяснить пасомымъ значеніе таинствъ, ихъ спасительность и налагаемая ими обязанности. Для однообразія въ совершеніи таинствъ соборъ поручилъ митрополиту издать требникъ (ритуаль) и, по утвержденіи апостольской столицей, распространить его во всѣхъ епархіяхъ. Далѣе, чтобы предотвратить безпорядки, могущіе возникнуть въ томъ случаѣ, когда одинъ настоятель будетъ вторгаться въ предѣлы другихъ, соборъ постановилъ ни въ коемъ случаѣ не совершать въ смежныхъ приходахъ требъ, развѣ съ разрѣшенія мѣстнаго настоятеля. Нарушившій это постановленіе устраняется отъ должно-

сти. Наконецъ, настоярямъ вмѣняется въ обязанность удовлетворять духовныя потребности пасомыхъ во время повальныхъ болѣзней.

Переходя затѣмъ къ каждому таинству въ отдѣльности, постановленія касаются прежде всего таинства крещенія (de Baptismo). Соборъ запрещаетъ употреблять при крещеніи, практиковавшуюся въ униатской церкви православную его форму, а повелѣваетъ совершать это таинство по формулѣ папы Евгенія IV (крещается рабъ Божій во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь). Обряды восточной церкви могутъ быть допущены при крещеніи только тѣ, какіе указаны будутъ въ новоизданномъ требникѣ, остальные-же, какъ ненужные, соборъ опредѣлилъ вывести изъ употребленія. Таинство крещенія можетъ совершить только настоятель, хотя въ крайнемъ случаѣ совершеніе его предоставляется діакону, мірянину и даже бабкѣ, при чемъ настоятель обязанъ научить ихъ правильно совершать это таинство. Если окрещенное поименованными лицами дитя останется въ живыхъ, то священникъ обязанъ дополнить крещеніе въ церкви; въ случаѣ-же сомнѣнія въ правильности крещенія, священникъ долженъ совершить его по формулѣ: «аще не крещень»... Тоже самое предписывается и относительно подкидышей. Униатскій священникъ можетъ совершать, въ случаѣ необходимости, крещеніе надъ ребенкомъ латинскаго исповѣданія, но при этомъ не долженъ миропомазывать его. Крещеніе можетъ быть совершаемо и въ домахъ, но только въ тѣхъ случаяхъ, когда будутъ на это уважительныя причины, напр., зимнія стужи; безъ такихъ причинъ оно всегда должно быть совершаемо въ церкви. Воспріемниковъ при крещеніи достаточно двоихъ; ими могутъ быть благочестивые люди своей вѣры; еретики-же, схизматики (православные), отлученные, помѣшанные, несовершеннолѣтніе не должны быть воспріемниками. Священники обязаны выяснить воспріемникамъ, въ какомъ духовномъ родствѣ находятся они съ крещаемымъ и какія обязанности ихъ по отношенію къ нему, а также наблюдать, чтобъ елей, употребляемый при крещеніи, былъ освященъ. Соборъ строго воспрещаетъ обычай восточной церкви — прикасаться къ

устамъ новокрещённаго ложечкой, обмакнутой въ Божественной Крови Христа и предписываетъ вывести его изъ употребленія. Акты о крещеніи должны быть записываемы въ метрическія книги по формѣ, указанной соборомъ. Точное выполненіе предписанныхъ соборомъ постановленій должны блюсти благочинные.

Въ предписаніяхъ относительно таинства муропомазанія (*de Conſignatione*), соборъ, указавъ символическое значеніе элементовъ матеріи его, опредѣляетъ совершеніе этого таинства по обряду восточной церкви, съ произнесеніемъ словъ: «печать Дара Духа Святаго», а не «печать и Даръ Духа Святаго», какъ это значитъ въ трєбникахъ, изданныхъ во Львовѣ, и повелѣваетъ епископамъ освящать муро въ такомъ количествѣ, какое достаточно было-бы на годъ, а священникамъ—хранить его въ церкви въ чистыхъ сосудахъ и, при полученіи новаго мюра, сожигать старое, высыпая пепель въ воду. Невыполняющіе этого подлежатъ наказанію.

Говоря о таинствѣ причащенія (*de Eucharystia*), соборъ повелѣваетъ совершать его, согласно практикѣ восточной церкви, на квасномъ хлѣбѣ и виноградномъ винѣ, высказывая желаніе, чтобъ священники по возможности приготавливали хлѣбъ у себя дома, а вино не покупали-бы у евреевъ, которые часто мѣшаютъ его съ другими напитками. Согласно постановленію флорентійскаго собора, формою таинства признаются слова: «сіе есть Тѣло Мое... и «сіа есть Кровь Моя»... Далѣе соборъ опредѣляетъ освящать частицы, вынимаемыя на проскомидіи въ честь Пресвятой Богородицы и святыхъ и причащать ими, указывая при этомъ на несоблюденіе сего православными, какъ это видно изъ ихъ служебниковъ; строго воспрещаетъ преподавать таинство причащенія малымъ дѣтямъ (вопреки практикѣ восточной церкви) и совершать въ страстный четвергъ освященіе Агнца, который, будучи напоенъ Божественною кровію хранится въ продолженіи года для причащенія больныхъ. Для послѣдней цѣли соборъ предписываетъ освящать малыя частицы въ каждый 8-й или 15-й день. Къ больнымъ съ св. дарами священникъ обязанъ идти въ

полномъ облаченіи, съ свѣчами и проч., если разстояніе невелико, въ противномъ случаѣ св. дары въ особомъ сосудѣ могутъ быть несены священникомъ въ епитрахилѣ со свѣчей. Къ причащенію не должны быть допускаемы еретики, схизматики и т. п.

Послѣ опредѣленій о таинствѣ причащенія, соборъ дѣлаетъ нѣкоторыя постановленія касательно совершенія литургіи (*de celebratione missarum*). Признавая правильнымъ совершеніе евхаристіи на квасномъ хлѣбѣ и опрѣснокахъ, согласно обычаю каждой (уніатской и латинской) церкви, соборъ запрещаетъ уніатскимъ священникамъ посылать въ латинскіе костелы частицы для омоченія ихъ въ божественную кровь съ тѣмъ, чтобы потомъ причащать ими,—совершать литургію въ частныхъ домахъ, безъ особаго на то разрѣшенія отъ епископа и—вливать воду въ чашу, на проскомидіи, постороннему лицу. Послѣднее долженъ дѣлать самъ проскомисающій, не въ особомъ какомъ-либо сосудѣ, а въ чашѣ. Совершать проскомидію священникъ долженъ въ полномъ облаченіи и въ той церкви, гдѣ будетъ служить литургію (приступая къ совершенію послѣдней, священникъ долженъ быть опрятно одѣтымъ). Запасные дары предписывается хранить въ серебряныхъ или свинцовыхъ пушкахъ, а эти помѣщать въ циборіумы и держать на престолѣ. Давая затѣмъ наставленіе о содержаніи въ чистотѣ и опрятности престола, соборъ опредѣляетъ, чтобы все это было выполнено не позже двухъ мѣсяцевъ послѣ обнародованія соборныхъ актовъ; невыполнившіе этихъ предписаній подвергаются пени въ 50 золотыхъ. Запрещается далѣе употребленіе губки для вытиранія дискаса и чаши и предписывается вытирать первый пальцемъ, а вторую платкомъ; запрещается колѣнопреклоненіе во время великаго входа, такъ какъ въ то время переносится только хлѣбъ и вино. Настоятель не имѣетъ права разрѣшать совершеніе литургіи въ своей церкви духовнымъ лицамъ, неимѣющимъ грамоты отъ своего епископа. Рекомендуются тихія литургіи; воспрещается вливать теплоту въ чашу. Давая предписаніе о приготовленіи священника въ литургіи, соборъ запрещаетъ взиманіе платы за требы. Литургія должна быть начинаема предъ полуднемъ, кромѣ кануна Рождества, Богоявленія,

великаго четверга и субботы, когда она может быть совершаема позже.

Относительно таинства покаянія (de Pœnitentia) соборъ опредѣлилъ слѣдующее: оно должно быть совершаемо по обряду восточной церкви, возможно чаще (по крайней мѣрѣ три раза въ годъ: предъ Пасхой, Успеніемъ и Рождествомъ Христовымъ), при чемъ тридневный постъ предъ исповѣдью не всегда обязательнъ, а епитимію священники должны налагать на кающихся не (непремѣнно) по Номоканону, но сообразуясь съ своимъ личнымъ мнѣніемъ. Сами пастыри должны обязательно часто исповѣдываться; въ томъ случаѣ, когда-бы они погрѣшили грѣхомъ смертнымъ, безъ исповѣди не могутъ совершать литургіи. Исповѣдывающій ни въ какомъ случаѣ не можетъ выдать что-либо изъ открытаго ему на исповѣди,—это тайна, за обнаруженіе которой священникъ низлагается и заключается въ монастырь. Если священникъ не имѣетъ прихода, то онъ можетъ исповѣдывать только съ разрѣшенія епископа. Запрещается исповѣдь нѣсколькихъ душъ въ одно и то же время и разрѣшеніе отъ тѣхъ грѣховъ, отпущеніе которыхъ предоставлено папѣ или епископу.

Говоря о таинствѣ елеосвященія (de Exrema unctiōne), которое должно быть совершаемо, согласно обряду восточной церкви, соборъ предписываетъ св. елей, остающійся отъ помазанія больного, сожигать; елеопомазать-же имъ больныхъ разрѣшается только въ томъ случаѣ, если въ домѣ ихъ есть нѣсколько, или во время моровой язвы. Для св. елея долженъ быть особый сосудъ. Таинство это должны совершать семь или три священника, хотя въ крайнемъ случаѣ можетъ елеопомазать и одинъ и притомъ, если замѣтитъ близкую смерть болящаго, то чинъ елеосвященія можетъ сократить. Соборъ предписываетъ преподавать елеосвященіе только опасно больнымъ, не совершать его надъ мало больными и здоровыми и позаботиться объ искорененіи въ средѣ народа суевѣрія, по которому елеопомазанный сейчасъ-же непремѣнно умретъ. Пастыри должны выяснять истинное значеніе этого таинства.

Указавъ въ таинствѣ священства (*de sacris ordinationibus*) отступленія отъ древняго обычая восточной церкви и воспретивъ употреблять молитвы, введенныя въ требникѣ Петра Могилы, соборъ постановляетъ совершать рукоположеніе по древнимъ архіерейскимъ требникамъ. Архіепископы и епископы, по опредѣленію собора, въ чужихъ епархіяхъ не могутъ рукополагать никого, даже лицъ своей епархіи, точно такъ же, какъ въ своихъ епархіяхъ не должны посвящать лицъ другой епархіи, если послѣднія не имѣютъ на это свидѣтельства. Іерархи, не исполнившіе этого предписанія, равно какъ и лица, получившія отъ нихъ священство, низлагаются. Монахи посвящаются (согласно декрету папы Климента VIII) не иначе, какъ только по представленіи епископу отпускнаго свидѣтельства отъ своихъ старшихъ, подъ вѣдѣніемъ которыхъ они до того времени состояли. Прежде рукоположенія, посвящаемые должны быть испытаны въ нравственномъ и научномъ отношеніи оффиціалами, епископскими теологами и, вообще, людьми мудрыми и свѣдущими. Послѣднимъ соборъ вмѣняетъ въ обязанность, безъ предвзятыхъ мыслей, правдиво оцѣнивать достоинство ставленника и не судить о немъ на основаніи отзыва духовника. Ставленникъ за два мѣсяца до рукоположенія долженъ заявить о своемъ намѣреніи принять священство настоятелю или благочинному; послѣдній доноситъ объ этомъ епархіальному начальству. Епархіальное начальство, забравъ справку о личности и поведеніи ищущаго священства, назначаетъ ему экзамень, оставляетъ при соборной церкви (не меньше, какъ) на 6 недѣль подъ руководство духовнаго отца и потомъ уже рукополагаетъ его, однако, не прямо во священника, но посвящая и въ низшія степени въ продолженіи десяти дней. Соборъ опредѣляетъ рукополагать одного священника въ данный приходъ и только тогда давать ему викарія или коадьютора, когда приходъ будетъ многолюдный и средства церкви достаточны будутъ на содержаніе его. Изъ крѣпостныхъ людей не должны быть рукополагаемы во священника; а если найдется кто-нибудь по своимъ качествамъ достойный священства, то онъ и его семья должны быть увольняемы отъ крѣпостной зависимости до посвященія. Еписко-

ны вписываютъ ставленниковъ въ особо имѣющіяся для этого книги и по нимъ выдаютъ имъ грамоты о посвященіи. Рукоположенный православнымъ епископомъ низлагается, если не откажется отъ православія и не приметъ исповѣданіе Урбана. Несовершеннолѣтніе, перекрещенные, одержимые болѣзней, злодѣи, судимые, отлученные, пьяницы, неученые, бродяги, содержатели борчемницъ и т. п. не могутъ быть рукополагаемы.

Оставляя совершеніе таинства брака (*de Matrimonio*) по обычаю восточной церкви, соборъ воспретилъ совершать это таинство въ частныхъ домахъ, безъ разрѣшенія епископа, — надъ лицами, незнающими основныхъ догматовъ своего вѣроученія, несовершеннолѣтними, находящимися въ родствѣ кровномъ или духовномъ и проч. Священникъ, для предотвращенія нарушенія этихъ предписаній, обязанъ сдѣлать три оглашенія въ церкви въ праздничные или воскресные дни. Если брачующіеся принадлежать къ двумъ различнымъ приходамъ, то оглашенія должны быть сдѣланы въ томъ и другомъ, и настоятель одного прихода не можетъ давать брака, пока не будетъ удостовѣренія отъ настоятеля другаго прихода, что препятствій къ совершенію его не имѣется. Людямъ неизвѣстнаго происхожденія давать бракъ священники могутъ только подъ условіемъ, если они представляютъ свидѣтельства отъ своихъ епископовъ о безпрепятственности къ браку или если принесутъ присягу въ томъ, что до сихъ поръ они не вступали въ бракъ. Священникъ не имѣетъ права вѣнчать лицъ, о которыхъ доподлинно не знаетъ, живутъ-ли ихъ прежніе супруги, за исключеніемъ случая, когда послѣдніе отсутствуютъ въ продолженіи семи лѣтъ. Выясняя значеніе таинства брака, священникъ обязанъ спрашивать брачующихся, не по принужденію-ли они заключаютъ его. Запрещается родителямъ, опекунамъ и господамъ принуждать къ браку и требовать отъ священника вѣнчать извѣстныхъ лицъ, несмотря на препятствія. Священники должны протестовать противъ этого. Актъ о совершеніи брака долженъ записываться въ особой книгѣ со всѣми подробностями. Если-бы кто-нибудь женился послѣ рукоположенія, то немедленно долженъ быть низложенъ, а защищающій его долженъ

быть судимъ гражданскимъ судомъ, какъ нарушающій юрисдикцію епископа и церковную дисциплину.

Въ четвертой главѣ (de reformatione) ³¹¹⁾ соборъ даетъ разныя предписанія епископамъ, которые, сообразно ихъ сану и посту, должны служить примѣромъ для своихъ паствъ и отличаться образованностью, благочестіемъ, благотворительностью, смиреніемъ и другими добродѣтелями.

Слѣдующая глава (de mitropolitano) ³¹²⁾ посвящена опредѣленіямъ собора о кругѣ обязанностей митрополита. Онъ обязанъ блюсти дѣла епархій своей митрополи, отцовски исправлять уклоненія епископовъ и особенно долженъ заботиться о повсемѣстномъ исполненіи постановленій настоящаго собора. Онъ обязанъ также завѣдывать праздною епископскою кафедрой (лично или чрезъ какого-нибудь епископа) до замѣщенія ея. Если-же митрополичья кафедра будетъ вакантною, то, до назначенія апостольской столицей митрополита, управление ею поручается архіепископу полоцкому съ тѣмъ, чтобы новоназначенному митрополиту онъ отдалъ отчетъ въ своемъ управленіи.

Глава шестая содержитъ въ себѣ соборныя опредѣленія о епископахъ (de episcopis) ³¹³⁾. Епископомъ можетъ быть только лицо, принявшее монашество (исключеніе допускается для тѣхъ, кои возводятся въ епископы съ особаго разрѣшенія папы) и пробывшіе въ новиціатѣ какого-нибудь базилианскаго монастыря годъ и 6 недѣль. Всякій епископъ обязанъ жить въ своей епархіи (кромя архіепископа смоленскаго), заниматься управленіемъ епархіальныхъ дѣлъ, служить въ своихъ кафедральныхъ соборахъ, искоренять зло и награждать добро, судить правдиво и проч. Распоряженія епископа не должны быть стѣсняемы противодѣйствіемъ свѣтскихъ лицъ, въ виду чего соборъ напоминаетъ послѣднимъ не вмѣшиваться въ церковныя дѣла и не защищать тѣхъ изъ духовныхъ лицъ, которыя подлежатъ наказанію. Еслибы такія лица, избѣгая наказанія, ушли въ другую епархію, то они тамъ отнюдь не могутъ быть приняты, и должны быть отсылаемы къ своимъ епископамъ. При епископахъ для облегченія ихъ сложныхъ обязанностей соборъ назначаетъ, кромѣ официала, еще теолога,

человѣка свѣдущаго въ богословскихъ наукахъ. Въѣняется, далѣе, епископамъ въ обязанность (лично или чрезъ уполномоченныхъ лицъ) визитовать приходы своей епархіи однажды въ годъ или, если она будетъ очень обширна, однажды въ два года и при этомъ слѣдить не только за состояніемъ церквей, но и за преподаваніемъ слова Божія, служеніемъ, управленіемъ и, вообще, жизнью ихъ настоятелей. Для этого соборъ счелъ необходимымъ выработать инструкцію. Епископъ обязанъ ревизовать церкви, часовни, братства, богоугодныя заведенія, монастыри мужскіе и женскіе. Мужскіе монастыри базилианскаго ордена или имѣющіе собственныхъ визитаторовъ не подлежатъ ревизіи епископовъ; но если они не были ревизованы въ продолженіи полгода послѣ предписанія епископа, тогда и они не изъяты отъ его ревизіи. Во время ревизіи епископъ не можетъ принимать добровольныхъ пожертвованій, а пользуется законнымъ, положеннымъ для него и его свиты продовольствіемъ. Запрещаются какія-бы то ни было угощенія, банкеты для визитаторовъ. Если ревизію производитъ уполномоченный епископа, то онъ долженъ имѣть съ собой писмоводителя и двухъ слугъ и продовольствіе получать на четыре лошади. При объѣздѣ церквей епископы обязываются освящать выстроенныя церкви. Согласно постановленію собора, должны быть созываемы ежегодно. (или разъ въ три года) епархіальные соборы, на которыхъ духовенствомъ, сообща были-бы обсуждаемы мѣры къ улучшенію быта епархіи, подъ руководствомъ епископа. О беспорядкахъ въ приходахъ, которые не могутъ быть предотвращены священниками, должно доносить епископу раньше собора, чтобъ онъ могъ предпринять мѣры противъ нихъ. Въ случаѣ смерти папы или митрополита, епископы и ихъ паства обязаны совершать поминовенія по нимъ и молиться о счастливомъ избраніи новыхъ; такимъ же образомъ должно поступать духовенство въ случаѣ смерти его архипастыря. Чтобъ сохранить имущество умершаго архіерея, соборъ постановилъ избирать трехъ духовныхъ лицъ, которые, описавъ всю собственность почившаго, въ присутствіи пяти свидѣтелей, должны сохранить ее и передать администратору, а послѣдній новому епископу.

Въ слѣдующей главѣ соборъ опредѣляетъ власть и права официаловъ (*de officibus*) ³¹⁴). При каждой епископской кафедрѣ, даже если-бы у епископа ихъ было нѣсколько, долженъ быть officialъ изъ блага духовенства (хотя можетъ быть имъ и монахъ), непременно изъ людей образованныхъ и благочестивыхъ. Officialы въ своихъ рѣшеніяхъ должны руководиться опредѣленіями настоящаго собора и не могутъ запрещать недовольнымъ ихъ рѣшеніями апеллировать митрополиту. Преступившіе свою власть должны быть строго наказываемы.

Восьмой главой постановленій замойскаго собора (*de notario et taxa episcopali*) ³¹⁵) предписывалось ун. іерархамъ имѣть при своихъ кафедрахъ письмоводителей. Послѣдніе должны завѣдывать канцеляріей епископа, блюсти всѣ дѣла и процессы и хранить разныя книги, какъ напр., книги для записи принявшихъ исповѣданіе Урбана, рукоположенныхъ, — для записи отчетовъ по ревизіи и проч. Для предупрежденія большихъ поборовъ со стороны письмоводителей соборъ назначилъ особую таксу для епископской канцеляріи ³¹⁶) и постановилъ штрафовать 500 злотыхъ всякаго письмоводителя, который-бы нарушилъ ее.

Благочинные (или протопресвитеры), согласно постановленіямъ девятой главы опредѣленій разсматриваемаго собора (*de otogopresbiteris sive decanis Ruralibus*) ³¹⁷), обязаны доносить епископу о дѣлахъ ихъ деканата (благочинія), сопровождать его (или его уполномоченнаго) во время ревизіи епархіи и сообщать о приходахъ, а также лично посѣщать эти приходы (спустя годъ послѣ епископской ревизіи) и наблюдать, чтобъ замѣчанія, сдѣланныя епископомъ, приводились въ исполненіе. Во время этихъ посѣщеній, благочинные не могутъ чинить никакихъ вымогательствъ. Благочинные избираются изъ свѣтскаго (блага) духовенства, хотя ими могутъ быть и монахи.

Десятая глава содержитъ въ себѣ постановленія собора относительно сельскихъ настоятелей и ихъ приходовъ (*de parochis et parochiis*) ³¹⁸). Священникъ, согласно своему сану, обязанъ служить примѣромъ пасомымъ; онъ долженъ всегда жить при своей церкви и отправлять богослуженіе въ ней, особенно въ

воскресные и праздничные дни; въ случаѣ-же отлучки обязанъ просить благочиннаго о назначеніи на это время другаго священника или объявить прихожанамъ, чтобы за исправленіемъ требъ обращались къ ближайшему настоятелю. Священникъ не можетъ отлучиться изъ прихода болѣе, чѣмъ на три недѣли и то съ разрѣшенія благочиннаго; болѣе продолжительный отпускъ можетъ быть разрѣшенъ только архіереемъ. При каждой церкви должно быть четыре книги: одна для записи всѣхъ прихожанъ, другая для записи крестившихся, третья бракосочетавшихся и четвертая умершихъ. Настоятель обязанъ наблюдать, чтобъ его прихожане (по крайней мѣрѣ разъ въ годъ) были у исповѣди и доносить епископу о неисполняющихъ этого. Священникъ обязанъ всегда носить присвоенную его сану одежду, воздерживаться отъ неэтичныхъ поступковъ (пьянства, хожденія къ чужимъ женамъ, танцевъ и т. п.); отъ неприличныхъ для него занятій торговлей и другими свѣтскими дѣлами. Далѣе, соборъ предписываетъ пастырю заботиться о своей семьѣ и посылать способнѣйшихъ изъ дѣтей въ семинарію для обученія и приготовленія къ священству. Священникъ обязанъ воздерживаться отъ споровъ, и тѣмъ болѣе отъ битья; если-бы послѣднее случилось, онъ не можетъ служить прежде, чѣмъ не получитъ разрѣшенія отъ епископа. Церкви, имѣвшія своими настоятелями базилианъ, и будутъ управляться ими, остальные приходы — свѣтскимъ духовенствомъ, какъ и мѣстечка Бытень и Миловиды. Къ бѣднымъ церквамъ не могутъ быть назначаемы священники, пока онѣ не снабжены будутъ всѣмъ необходимымъ. Фундуши (дарственные имѣнія), завѣщаемые церквамъ, должны быть изъяты отъ всѣхъ повинностей.

Въ постановленіяхъ о монастыряхъ и монахахъ (глава одиннадцатая de monasteriis et statu monachorum)³¹⁹) соборъ опредѣляетъ, прежде всего, для удобнаго управленія монастырями владимірской, холмской, львовской и перемышльской епархій соединить ихъ въ одну конгрегацію (не позже года послѣ обнародованія соборныхъ постановленій) съ тѣмъ, чтобы чрезъ каждые четыре года она избирала себѣ генерала, провинціала и визитаторовъ и чтобъ на ея капитулахъ (съѣздахъ) председа-

тельствовавъ митрополитъ и присутствовавъ протоархимандритъ провинці литовской. Новый протоархимандритъ (упомянутой конгрегаци) будетъ назначаемъ апостолькой столицей. Монастыри могутъ учреждаться только съ разрѣшенія епископа и притомъ съ условіемъ надѣленія ихъ достаточными средствами. Женщины не могутъ входить въ монастырь; впустившій женщину подвергается (какъ и она) проклятію, отъ котораго можетъ разрѣшить только папа и, кромѣ того,— строгимъ наказаніямъ. Архимандриты, въ силу соборнаго постановленія, не могутъ носить дорогихъ рясъ и другаго цвѣта, кромѣ чернаго. Простымъ монахамъ воспрещается имѣть какую-либо собственность; все имущество ихъ должно быть отдано монастырскому эконому для общаго пользованія. Архимандриты, имѣющіе преимущество смужить въ митрѣ и съ посохомъ, пользуются имъ только въ своихъ монастыряхъ; въ другихъ же употребляютъ ихъ только съ разрѣшенія епископа. Новиціи, пробывшіе при монастырѣ узаконенное число лѣтъ, если не пожелаютъ принять монашество, должны быть отпускаемы; въ противномъ случаѣ, не прежде могутъ быть приняты, пока не отдадутъ своего имущества монастырю. Монахи, переходящіе изъ монастыря въ монастырь безъ особаго на то разрѣшенія, должны быть препровождаемы въ свой монастырь.

Относительно женскихъ монастырей (глава двѣнадцатая de monialibus) ³²⁰) отцами собора было постановлено, чтобы монахини ни подъ какимъ предлогомъ не отлучались изъ монастыря, развѣ въ какихъ-нибудь чрезвычайныхъ случаяхъ, наприм., во время пожара, при приближеніи непріятели и т. п. Въ монастырь не могутъ входить мужчины, даже родственники, исключеніе составляютъ только духовникъ, докторъ, фельдшеръ, поставщики провизіи и работники, но и они могутъ входить только подъ надзоромъ двухъ старшихъ монашекъ. Монахиня, преступившая эти предписанія, подлежитъ проклятію, разрѣшаемому папой. Новопоступающая въ монастырь непременно обязана вложить въ его кассу взносъ въ полторы тысячи золотыхъ; а если-бы она поступила сверхштатной, то взносъ долженъ быть увеличенъ. Во всѣхъ монастыряхъ штатъ монахинь опредѣляется средствами мо-

настырей; если монастырь не имѣть средствъ, то епископъ долженъ закрыть его, а монахинь перевести въ другой, болѣе богатый. Принимать родныхъ или знакомыхъ въ стѣнахъ монастыря монахини не имѣютъ права; для свиданія-же съ кѣмъ-либо назначается особая келлія при воротахъ монастыря съ рѣшетчатымъ окномъ, чрезъ которое они могутъ разговаривать. Поступать въ монастырь могутъ только 15-лѣтнія, а принимать постриженіе—имѣющія 16 лѣтъ. Состоя въ новиціатѣ, поступившая находится подъ надзоромъ одной изъ старшихъ монахинь. За два мѣсяца до постриженія, желающая принять его обязана заявить объ этомъ епископу, чтобы онъ могъ узнать, добровольно или по принужденію она поступаетъ въ монашество. Принявшая монашество вписывается въ особую книгу, гдѣ отмѣчается число, мѣсяць и годъ постриженія, подпись постригаемой и свидѣтельница постриженія. Дѣвушки, принимаемыя въ монастырь на воспитаніе, должны вносить всѣ деньги впередъ или ежегодно. Воспрещается монахинямъ жить вмѣстѣ въ одной кельи, а каждая должна имѣть отдѣльную. Настоятельница монастыря избирается посредствомъ закрытой баллотировки и въ своей должности утверждается епископомъ. Духовники монахинь также назначаются епархіальнымъ архіереємъ и слушающіе исповѣдь безъ такого назначенія подвергаются наказанію.

Тринадцатая глава постановленій собора касается церкви и ихъ имуществъ (*de ecclesiis eorumque bonis non alienandis*)³²¹). Въ церкви не должны быть хранимы чужія вещи, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда-бы онѣ были сберегаемы въ ней отъ пожара или отъ расхищенія непріателемъ; по минованіи-же опасности, они тотчасъ-же должны быть отданы по принадлежности. Церковная утварь должна быть сохраняема въ цѣлости и порядкѣ и инвентарь церковныхъ вещей въ двухъ экземплярахъ долженъ храниться одинъ при церкви, а другой—у епископа. Если церковь въ неисправности, если, напр., она не покрыта, то епископъ обязанъ предписать исправить ее на церковныя средства; въ случаѣ-же ѳбдности церкви, она должна быть закрыта до тѣхъ поръ, пока попечители не исправятъ ее надлежащимъ образомъ.

Никто не можетъ пользоваться церковными имуществами, продавать и покупать ихъ. Аренда дозволяется только на три года, при чемъ деньги не должны быть вносимы всё сполна, а ежегодно; другіе контракты объ арендѣ считаются недѣйствительными.

Въ главѣ о симоніи (de simonia) ³²²⁾ соборъ, подѣ опасеніемъ проклятія, разрѣшаемаго только папой, строго запрещаетъ епископамъ брать что-либо за св. миро, антимины или за что-нибудь другое; они могутъ пользоваться только «cathedraticum»омъ (seu subsidium charitativum,—продовольственный сборъ), разрѣшеннымъ св. канонами. Соборъ постановилъ, далѣе, обязать посвящаемыхъ во епископы клятвою не нарушать этихъ соборныхъ опредѣленій. Священники также не имѣютъ права вымогать плату за совершеніе требъ, хотя добровольныя приношенія могутъ принимать. Для предупрежденія вымогательства со стороны священниковъ, соборъ опредѣлилъ, чтобы прихожане сами оказывали пособіе священнику, иначе церковь ихъ будетъ закрываема. Соборъ запретилъ лицамъ, ищущимъ священства и прихода покупать «презенту» у патрона церкви (praesentatio, presenta,—свидѣтельство патрона, которымъ онъ рекомендовалъ ставленника предъ епархіальнымъ начальствомъ и которое часто выдавалось за деньги лицамъ недостойнымъ), что желающій занять мѣсто, долженъ былъ подтвердить присягой ³²³⁾. Патроны также обязывались ничего не требовать за выдачу презенты ³²⁴⁾.

Въ главѣ пятнадцатой (de studiis instaurandis et seminariis ³²⁵⁾) соборъ опредѣляетъ, чтобы для поднятія образованія униатскаго духовенства, при каждомъ монастырѣ, гдѣ живетъ не меньше 12 монаховъ, заведена была богословская школа, какъ для воспитанія въ ней монашествующихъ, такъ и для обученія свѣтскихъ, которые пожелаютъ посѣщать ее. Въ болѣе убогихъ монастыряхъ, если найдутся способные изъ молодыхъ монаховъ, для обученія ихъ должны быть прискиваемы гдѣ-нибудь преподаватели. Соборъ обязываетъ всѣхъ епископовъ высылать лучшихъ молодыхъ людей (дѣтей священниковъ) для образованія въ львовскую коллегію, если не могутъ завести семинарій въ своей епархіи. Для этой цѣли ассигнуется упомянутой коллегіи 40 тысячъ зло-

тыхъ, завѣщанныхъ Юріемъ Винницкимъ, епископомъ перемышльскимъ. Далѣе соборъ хвалить усердіе митрополита Льва Бишки, который во Владимірѣ, при своей кафедрѣ, основалъ семинарію на 6 человѣкъ и завѣщалъ въ пользу ея 90 тысячъ золотыхъ; хвалить также слѣдующихъ епископовъ, обязавшихся воспитывать въ разныхъ мѣстахъ молодыхъ людей: полоцкаго (двухъ въ жи ровицкомъ училищѣ), луцкаго (трехъ во львовской коллегіи), холмскаго (двухъ во владимірской коллегіи), львовскаго (четы рехъ въ мѣстной кол.), перемышльскаго (одного тамъ-же) и пин скаго (одного или двухъ въ одной изъ монастырскихъ школъ). Соборъ просить означенныхъ лицъ возможно скорѣе выполнить обѣщанное, а воспитанныхъ въ школахъ молодыхъ людей назна чать на лучшія духовныя должности, обязывая при этомъ епи скоповъ завести школы въ мѣстечкахъ, городахъ и селахъ и на блюденіе за ними поручить благочиннымъ.

Касательно постовъ и праздниковъ (*de jejunis et festis*)³²⁶ соборъ дѣлаетъ слѣдующія постановленія. Посты должны быть соблюдаемы всѣми. Однако въ виду того, что Петровъ постъ при ходится въ такое время, когда простой рабочій людъ не имѣетъ никакихъ овощей и, къ тому, занять бываетъ изнурительными работами, соборъ считаетъ этотъ постъ необязательнымъ для рабочаго класса тѣмъ болѣе, что въ Литвѣ онъ только кое-гдѣ сохраняется. Узаконяется постъ на Воздвиженіе, Усѣкновеніе, въ среду и пятни цу каждой недѣли и проч. Относительно праздниковъ соборъ по становилъ соблюдать только тѣ, какіе указаны въ приведенномъ въ этой-же главѣ календарѣ. Здѣсь (*festi mobilia*), между про чимъ, помѣчены праздники Тѣла Господня (*festum Corporis Christi Domini, Boże Ciało*) и скорбящей Божіей Матери (*festum Dolorosae Beatissimae Mariae Virginis, święto Panny Najświętszej Woleśnej*). На Волини узаконяется праздникъ Пантелеимона (27 іюля), а въ Литвѣ — день св. Романа и Давида (2 мая и 24 іюля). Соборъ предписываетъ, чтобы дни ихъ не проводились въ разныхъ пир шествахъ и дѣлахъ, а въ хожденіи въ церковь и слушаніи слова Божія; въ праздничные дни никто не долженъ быть занятъ ра ботами.

О мощахъ, чудесахъ и почитаніи святыхъ (*de reliquiis, miraculis, ac veneratione sanctorum*) ³²⁷⁾ соборъ опредѣлилъ: признавать и почитать только тѣ чудеса, которые будутъ признаны епископомъ; мощи должны быть почитаемы и хранимы; однако, въ виду злоупотребленій, епископы во время своихъ ревизій должны изслѣдовать ихъ. Григорія Паламу соборъ безусловно запрещаетъ почитать святымъ подѣ опасеніемъ наказанія за неисполненіе этого предписанія.

Въ восемнадцатой главѣ (*de pensionibus pro dominis deputatis tribunal regni*) ³²⁸⁾ соборомъ опредѣлено количество денегъ, какое каждая епархія должна выдавать своимъ депутатамъ на проѣздъ и содержаніе ихъ во время пребыванія на коронномъ трибуналѣ. Въ силу этого постановленія, епархія: владимірская, луцкая, львовская, каменецкая и перемышльская должны были отпускать своимъ депутатамъ по сто злотыхъ, а холмская и белзская — по 50-ти злотыхъ. Опатамъ и архимандритамъ смѣта для ихъ поѣздки должна быть опредѣляема митрополитомъ.

Деятнадцатая и послѣдняя глава касается самихъ-же опредѣленій замойскаго собора (*de sinodalibus constitutionibus*) ³²⁹⁾. Отцы собора опредѣлили, чтобы соборныя постановленія были прочитаны на благочинническихъ сѣздахъ въ три мѣсяца послѣ того, какъ они прибиты будутъ къ дверямъ митрополичьяго собора, чтобы акты собора переведены были на польскій языкъ и приобрѣтены каждымъ священникомъ и чтобы, наконецъ, ими руководилось духовенство подѣ угрозой наказанія за неисполненіе ихъ. Раньше обнародованія этихъ постановленій, соборъ опредѣлилъ повергнуть ихъ на разсмотрѣніе апостольской столицы.

По прочтеніи соборныхъ постановленій, совершены были молитвы, какія въ римскомъ понтификалѣ полагались при окончаніи собора. Затѣмъ нунцій далъ всѣмъ присутствующимъ іерархамъ цѣлованіе мира, и соборъ оконченъ былъ пѣніемъ молитвы: «Тебе Бога хвалимъ»... Послѣ этого и предсѣдатель, и отцы собора приступили къ подписи соборныхъ постановленій и дали клятву исполнять ихъ, какъ только онѣ утверждены будутъ въ Римѣ ³³⁰⁾.

Соборныя постановленія скрѣплены подписью секретаря соборнаго, Стефана Скваржинскаго, вице-канцлера апостольской нунціатуры въ царствѣ польскомъ, какъ самъ онъ подписался. Его подпись въ послѣдствіи засвидѣтельствована нунціемъ³³¹⁾.

Вскорѣ послѣ собора акты его отосланы были въ Римъ и поступили сперва на разсмотрѣніе конгрегации *s. concilii Tridentini*³³²⁾, а потомъ переданы были для той-же цѣли конгрегации *de propaganda fide*³³³⁾. Эта послѣдняя съ своимъ мнѣніемъ препроводила ихъ папѣ Иннокентію XIII, которымъ они и были утверждены. Однако въ этомъ видѣ соборныя акты не были обнародованы. Только въ 1724 г. 19 іюля папа Бенедиктъ XIII, отвѣчая на ходатайство митрополита Льва Кишки, издалъ бреве, которымъ «утвердилъ, скрѣпилъ и придалъ важность ненарушимаго апостольскаго авторитета» (какъ сказано въ бреве) всѣмъ уставамъ, декретамъ и опредѣленіямъ замойскаго собора. На это бреве митрополитъ Кишка отъ лица всего униатскаго духовенства и западно-русскаго народа отправилъ папѣ посланіе³³⁴⁾, въ высшей степени заискивающее, полное униженія и лести.

Какъ видно изъ постановленій замойскаго собора, обрядовая сторона жизни церкви и положеніе ея въ отношеніи административномъ оставляли желать слишкомъ многаго и налагали на отцовъ собора нелегкую обязанность противопоставить существующимъ беспорядкамъ опредѣленія, примѣненіе которыхъ дало-бы лучшей строй церковной жизни. И надо отдать справедливость, отцы собора дѣйствительно мастерски выполнили свое дѣло. Они не обошли самыхъ мелкихъ частныхъ жизни церкви, — они заглянули во всѣ углы ея, все предусмотрѣвъ то постановленіями и воспрещеніями, то наказаніями за неисполненіе положеннаго. Отцы собора даже сдѣлали больше того, что предполагалось (разумѣемъ латинскую партію); они сдѣлали постановленія и относительно католической вѣры и опредѣлили ихъ прежде всего. Изъ этого опредѣленія, постановленнаго ими во главѣ всѣхъ другихъ постановленій соборныхъ, вытекаетъ, какъ изъ первоисточника, характеръ послѣднихъ. Крутая постановка дѣла, заставившая отцовъ собора подписать исповѣданіе Урбана VIII, сдѣлала безповоротно

погибшими тѣ ожиданія, какими тѣшили себя, отправляясь на соборъ, пастыри истинно служившіе дѣлу уніи. Но иначе и быть не могло. Какъ въ общемъ содержатся частности, такъ и въ принятомъ исповѣданіи содержались остальные соборныя постановленія и именно такого характера, съ какимъ находимъ ихъ въ актахъ собора. Оно и логически вѣрно. Если принята латинская вѣра, то почему незаконно будетъ принять ея обрядность. Поставивъ на первомъ планѣ латинскую догматику, отцы собора въ своемъ исправленіи вкравшихся въ область обрядности уніатской церкви безпорядковъ, поставили себѣ задачей не очищеніе ея отъ ненавидимаго уніатами и защищаемаго ими латинства, а наоборотъ, они постарались вычеркнуть по возможности все напоминавшее имъ въ уніи православіе и ввести латинство. Развивая въ соборныхъ постановленіяхъ принятое латинское исповѣданіе, отцы собора облекли въ законную форму латинство, канонизовали его и вводили въ уніатскую церковь ученіе и обряды церкви римской. Они сдѣлали обязательнымъ и законнымъ въ ней то, что до этого времени было вводимо тайно и хитро, или открыто и насильственно, но что не имѣло за собой законной почвы. Эти соборныя опредѣленія были итогомъ усилій базилианъ и, вообще, латинской партіи олатинить уніатскую церковь и составляли *ria desideria* апостольской столицы. Въ виду такой постановки дѣла, замойскій соборъ можетъ быть названъ блистательной побѣдой латинства надъ уніатами, — побѣдой притомъ легкой, стоившей малыхъ усилій, какъ со стороны нунція Гримальди, такъ и со стороны тѣхъ, кто трудился съ нимъ заодно. Правда, нельзя было сейчасъ уничтожить уніи и хотя по мѣстамъ не оговариваясь, что то-то и то-то утверждается согласно обряду восточной церкви. Эти оговорки представляются намъ горькой ироніей, хитро достигшаго своихъ цѣлей латинскаго іезуитизма надъ появившимися уже постановку дѣла уніатскими пастырями. Нельзя не замѣтить, что всѣ соборныя опредѣленія дышатъ латинствомъ, заполнены его духомъ до мелочей. Если что-либо въ нихъ оставлено въ духѣ православія, то это или потому, что оно не противорѣчило латинству или потому, что выбросить его нельзя было

въ виду неизбежнаго протеста со стороны присутствовавшихъ уніатовъ. Насколько соетавителямъ соборныхъ опредѣленій противно было что-либо православное, видно изъ того, что они, не стѣняясь, ставятъ во многихъ случаяхъ православныхъ (*schismatici, syzmatycy*)³³⁵) на ряду съ проклятыми, отлученными, преступниками и т. п.

Какое-же значеніе имѣли постановленія замойскаго собора для уніатской церкви? Само собою разумѣется, они обрекали ее на развитіе въ духъ римской церкви, которое раньше или позже неминуемо влекло за собою паденіе уніи и полное сліянiе ея съ латинствомъ. Такое положеніе уніатской церкви, безъ сомнѣнія, сознавалось лучшими служителями ея. Съ другой стороны, нельзя сказать, чтобы замойскій соборъ своими постановленіями не приносилъ пользы уніатской церкви. Надо помнить, что положеніе ея было самое тяжелое: отсутствіе правильной организаціи ея членовъ, ихъ обязанностей и отношеній нарушало строй ея жизни. Если прибавить, что пастыри къ тому были люди малообразованные, не умѣющіе сами себѣ помочь, то понятенъ будетъ упадокъ дисциплины церковной. Но это не все зло, которымъ жила тогда уніатская церковь. Оно увеличивалось отъ наплыва въ нее латинства, усердно распространяемаго базилианами. И вотъ, отсутствіе порядка, беспомощность темныхъ пастырей, произволъ и насиліе базилианъ породили трудно понимаемую смѣшанность, запутанность въ уніатской церкви. Насильно наряжаясь въ уборъ латинства и тайно храня остатки православія, давая предпочтеніе то первому, то второму,—смотря по обстоятельствамъ, уніатская церковь не могла сохранить единства въ обрядовой сторонѣ своей жизни и представляла какой-то хаосъ. Замойскій соборъ, отъ котораго такъ много ожидали всѣ, дѣйствительно разсѣялъ беспорядки: своими постановленіями онъ далъ ея будущему лучшій строй жизни, но далъ его *въ духъ латинства*, глубоко пропитавъ имъ весь ея организмъ.

Понятно послѣ этого, кто остался въ выигрышѣ отъ постановленій собора. То, къ чему стремились уніаты, не только не

осуществилось, но — кто-бы могъ предположить!—принята была, подписана и соборомъ канонизована латинская вѣра, противъ которой велась упорная вѣковая борьба, которая принесла много горя западно-русскому народу и его пастырямъ, и которую этотъ народъ ненавидѣлъ отъ всей души. Желанія уніатскихъ пастырей искоренить изъ своей церкви латинство, такъ и остались одними только желаніями, при еще болѣе горькой дѣйствительности!

Насколько великъ былъ успѣхъ замойскаго собора, объ этомъ свидѣлствуютъ сами-же (современные) польскіе писатели. Такъ, Геленіушъ въ своемъ сочиненіи «Wspomnienia pogodowe»³³⁶) говоритъ, что упомянутый соборъ въ десять лѣтъ (разумѣется время послѣ собора) сдѣлалъ болѣе, чѣмъ предъ тѣмъ сдѣлали *вѣка*. Дѣйствительно, замѣчаніе это настолько справедливо и очевидно, что не требуетъ доказательствъ. Изложенные выше акты собора краснорѣчиво свидѣлствуютъ объ этомъ. Слова Геленіуша почти буквально повторяютъ Островскій и Ликовскій, первый въ своей громкой похвалѣ собору,³³⁷) а второй въ защитѣ единства, правоты и пользы для уніатской церкви, якобы вовсе не олатинившаго ее замойскаго собора³³⁸). Вѣра въ единодушіе польскихъ писателей и не вдаваясь въ полемику съ ними, мы на этотъ разъ вполне раздѣляемъ ихъ мнѣніе, что соборъ, исторію дѣяній котораго мы окончили, не только въ десять лѣтъ, а всего въ мѣсяць сдѣлалъ болѣе, чѣмъ это сдѣлали вѣка; но вмѣстѣ съ тѣмъ, прибавимъ, сдѣлалъ онъ это *многое* не для уніатской церкви, а для латинской. Не говоря объ усиліяхъ латинства предъ брестскимъ соборомъ, окончившихся, какъ извѣстно, хотя съ успѣхомъ, но далеко не такъ, какъ того ожидали ревнители уніи, даже на quasi-законной почвѣ, послѣ этого собора латинская вѣра никогда не имѣла такого успѣха, какого достигла она на замойскомъ соборѣ. Никогда уніатскіе іерархи, говоря словами латинянъ и польскихъ писателей, такъ единодушно и согласно, такъ сердечно и задушевно не принимали и не исповѣдывали латинской вѣры, какъ въ Замостьѣ. Подлинно, успѣхи замойскаго собора велики! «Довольно взглянуть на учрежденія замойскаго собора, скажемъ словами преосвященнаго митрополита Юсіфа, чтобы

убѣдиться, какъ мало онъ имѣлъ въ виду блюсти истинныя основанія своего греко-восточнаго обряда. Здѣсь всюду встрѣчаются постановленія западной церкви, и въ самыхъ ссылкахъ приводятся почти исключительно западные соборы и учрежденія³³⁹). Замойскій соборъ своими опредѣленіями утвердилъ въ униатской церкви латинство точно такъ же, какъ брестскій соборъ сто сличкомъ лѣтъ тому назадъ утвердилъ унию на почвѣ православной церкви. Однако между тогдашнимъ положеніемъ униі и теперешнимъ состояніемъ латинства—различіе весьма большое. Унія въ свое время впервые появлялась въ западно-русской церкви, была явленіемъ еще незнакомымъ, невиданнымъ, латинство-же, хотя не въ законной формѣ, но какъ часть униі имѣло уже свою исторію. Мало того, оно имѣло ярыхъ защитниковъ и поборниковъ въ лицѣ тутъ, на новой его почвѣ, образовавшагося ордена базилианъ, имѣло много послѣдователей и сильную защиту въ Римѣ. Судьбамъ его въ униатской церкви въ остальное время разсматриваемаго нами періода, мы посвящаемъ слѣдующую главу.

Унія послѣ замойскаго собора.—Унія послѣ раздѣловъ Польши.—Полоцкій соборъ 1839 года и воссоединеніе униатовъ съ православіемъ.

Послѣ принятія латинства на замойскомъ соборѣ³⁴⁰) (унія въ провозглашенномъ видѣ была совершенно тождественна ему и сохранила свое названіе больше по формѣ, чѣмъ въ дѣйствительности), въ исторіи жизни униатской церкви повторилось почти то же самое, что было въ западно-русской православной церкви послѣ брестскаго собора. Принявъ въ свое время насильно унию, западно-русская православная церковь вслѣдъ за тѣмъ должна была усвоить и привить ее подъ руководствомъ и вліяніемъ ея поборниковъ; и мы видѣли, во что обошлось ей это

усвоеніе. Это былъ первый фазисъ жизни уніи. Замойскій соборъ съ его постановленіями, или, точнѣе, введеніе въ практику уніатской церкви этихъ постановленій, это было время втораго фазиса уніи, — сліянія ея съ латинствомъ. Въ силу исторической логики, этотъ новый переломъ религіозной жизни западно-русскаго народа долженъ былъ обозначиться новымъ, съ одной стороны, — протестомъ, съ другой — насиліемъ. Дѣйствительно, аналогія между этими двумя фазисами жизни уніи была-бы полная, если-бы теперь латинство было для уніатской церкви такъ же ново, какъ въ свое время унія была для православной. Но, какъ мы выше замѣтили, первое уже обжилося подъ видомъ уніи въ средѣ западно-русскаго народа и потому могло быть введено сравнительно легче, чѣмъ унія вначалѣ своего появленія въ православной церкви. И если принятіе уніи сопровождалось протестомъ больше со стороны народа, то принятію латинства сопротивляется духовенство. Подъ гнетомъ уніи народъ, повидимому, равнодушно относится ко всякой другой (за исключеніемъ, конечно, православія, что показала исторія уніи) вѣрѣ и готовъ промѣнять ненавидимую имъ унію на что угодно. Наводняемая латинствомъ преимущественно съ обрядовой стороны, обставленная внѣшностью, производящую эффектъ, унія въ своемъ церемоніальномъ нарядѣ могла удовлетворять живущему болѣе обрядностью религіозному чувству простаго народа, а при сознаніи готовой обрушиться на него кары за протестъ противъ нея, должна была быть терпимѣе болѣе, что внутренней стороны ея народъ не понималъ. На первыхъ порахъ онъ возставалъ противъ уніи, какъ совершенно новой для него вѣры, и если протестовалъ противъ увѣреній, что она то же православіе, только имѣющее главою не патріарха, а папу, то это потому, что она нагло врывается въ его жизнь, расшатываетъ ея основы, колебала преданія старины, словомъ, — насилуетъ строй его жизни. Теперь латинство для западно-русскихъ уніатовъ вовсе не было такой вѣрой; оно далеко не стояло въ такихъ отношеніяхъ къ уніи, какъ эта послѣдняя къ православію, — вслѣдствіе этого народъ сравнительно менѣе противился латинству.

Не так смотрѣло на унію замойскаго собора бѣлое духовенство уніатской церкви. Свято оберегая остатки православія въ унії и будучи въ этомъ смыслѣ предано ей всею душой, оно не могло мириться съ внутренней, теперь чисто латинской стороной ея, хотя, быть можетъ, вмѣстѣ съ народомъ оно могло-бы еще сносить обрядовый наплывъ латинства. Народъ, говоримъ, мало понималъ внутренней смыслъ уніи замойскаго собора, она въ глазахъ его могла оставаться все тою-же уніей, такъ сказать, до замойской. Духовенство, на обязанности котораго лежало не далѣе трехъ мѣсяцевъ принять исповѣданіе вѣры, подписанное соборомъ, а затѣмъ распространять постановленія его подъ страхомъ наказаній, не могло безъ протеста признать латинство, вытѣснявшее изъ уніатской церкви уцѣлѣвшіе дорогіе остатки православія. Само собою разумѣется, что протестъ вызываетъ со стороны поборниковъ новой уніи притѣсненія и насилія надъ протестующими. Бѣлое уніатское духовенство терпитъ всякаго рода взысканія отъ своего начальства, наказанія и притѣсненія. Но не въ этомъ для него зло и несчастіе. Новая унія, помимо прямыхъ распространителей и прививателей ея, іерарховъ уніатской церкви и базилианъ, такъ сильно ратовавшихъ за римскую вѣру и, вообще, помимо латинской духовной партіи, имѣла еще одну и самую жестокую силу для своего привитія въ лицѣ польскаго шляхетства. Распространеніе уніи этимъ послѣднимъ было, быть можетъ, самой горькой чашей страданій и бѣдствій, какія должны были нести уніаты и, въ частности, ихъ духовенство. Не говоря о маломъ остаткѣ православныхъ, страшная ненависть къ которымъ со стороны шляхетства имѣла своимъ послѣдствіемъ вопіющія жестокости, мученія и варварства, достойныя первыхъ вѣковъ христіанства ³⁴¹), о чемъ свидѣтельствуютъ цѣлыя томы документовъ ³⁴²), — не говоря объ этомъ, — уніаты, сравнительно ближе стоящіе къ латинству, не меньше терпѣли отъ произвола шляхетства. Названіе уніатовъ для него теперь стало такъ же противнымъ, какъ и названіе православныхъ. Унія, какъ и православіе, была вѣрой, которой не могъ терпѣть шляхтичъ. Преслѣдовать ее, какъ и православіе, считается одною изъ

его привиллегій. Въ слѣпкомъ фанатизмѣ шляхта съ хвастовствомъ совершаетъ подвиги обращенія униатовъ въ латинство, заглушивъ въ себѣ голосъ состраданія и совѣсти, обходя все права человечества ³⁴³).

Унія замойскаго собора, по утвержденіи папою соборныхъ опредѣленій, проводится въ практику униатской церкви ея іерархами самымъ энергическимъ образомъ. Митрополитъ Левъ Кишка въ 1725 году велѣлъ отпечатать въ Супраслѣ соборныя опредѣленія и разослать ихъ по всемъ униатскимъ церквамъ для руководства ³⁴⁴). Мызнакомы съ нетерпимостью замойскаго собора ко всему, что напоминало православіе, не трудно поэтому догадаться, что ожидало униатскихъ пастырей при введеніи въ исполненіе соборныхъ предписаній. При опредѣленіи самимъ соборомъ строгихъ наказаній за ослушаніе, непринятіе соборныхъ постановленій униатскимъ духовенствомъ подвергало его большимъ денежнымъ взысканіямъ, а ревность, съ какою латинская партія, стоя на законной будто-бы почвѣ, старалась окончательно олатинить униатскую церковь, обдала униатское духовенство цѣлымъ потокомъ притѣсеній. Все, кому дороги были интересы латинства, жадно ухватились за новое, законное существованіе римской вѣры, стараясь наверстать пробѣлы прошлаго. На сторонѣ латинянъ было много преимуществъ довести, наконецъ, дѣло до желаннаго результата. Главнымъ изъ нихъ нельзя не признать соборнаго постановленія, въ силу котораго все прежнія богослужебныя книги (въ православномъ духѣ) должны быть замѣнены книгами новаго образца, — книгами, составленными митрополитомъ и утвержденными апостольской столицей. Православный элементъ уніи вычеркивался совершенно римскою цензурой изъ униатскихъ книгъ и замѣненъ латинскимъ. Понятно, какъ много теряла отъ этого унія. При такихъ и подобныхъ условіяхъ латинство пошло впередъ быстрыми шагами. Уже не удовлетворялись простымъ преслѣдованіемъ и совращеніемъ униатовъ въ латинство; рѣшено было окатоличить униатскую церковь по строго опредѣленному плану. Въ 1752 году перемышльскій епископъ, впослѣдствіи архіепископъ львовскій, Сѣраковскій, совмѣстно съ другими клери-

калами—католиками, составилъ даже программу, по которой должны были дѣйствовать латиняне для окончательнаго обращенія униатовъ въ латинство. Указывая въ ней на то, что униа тѣсно связана съ восточною церковью, ея обрядами, преданіями и съ русскою народностью, что она легко можетъ возвратиться къ православію, Сѣраковскій настаивалъ перевести униатовъ прямо въ латинство, пользуясь для этого всякимъ удобнымъ случаемъ ³⁴⁵). На эту программу униаты отвѣчали запиской, стараясь доказать самостоятельность униатской церкви ³⁴⁶). Возраженія эти не принесли, конечно, никакой пользы униатской церкви, а проводники плана Сѣраковского обращали въ латинство тысячи душъ ³⁴⁷). Польско-католическая партія, не скупившаяся на энергію въ своей пропагандѣ, дѣйствительно, не стѣснялась средствами и мѣрами для своей цѣли. Все пускалось въ ходъ. Насмѣшки и презрѣніе, насиліе и терроризмъ по отношенію къ униатамъ ³⁴⁸) — вотъ приемы, какіе въ самое короткое время давали латинству множество новыхъ послѣдователей изъ униатовъ.

Велики были бѣды и несчастія, скорби и страданія, широкимъ заревомъ коихъ освѣтилась униатская церковь въ Рѣчи-посполитой при фанатической ревности католическаго духовенства служить своей церкви насчетъ униіи и при стараніи польской шляхты помогать этому дѣлу.

Вызванная политическими расчетами и временнымъ неблагоустроеннымъ состояніемъ западно-русской православной церкви, поддерживаемая за все время своей жизни польскимъ правительствомъ, хотя, смотря по надобности, и въ различной степени, униа, какъ такая, могла существовать только при томъ условіи, пока жило и дѣйствовало въ пользу ея покровительствующее ей правительство. Это былъ безспорно самый главный камень, лежащій въ основаніи униіи, съ устраненіемъ котораго зданіе послѣдней должно было рушиться. Какъ ни силились вѣрные сыны латинства твердо упрочить его на почвѣ русской православной церкви, тѣмъ не менѣе искусство ихъ оказалось бессильнымъ предъ неумолимымъ порядкомъ исторіи. Польша, политически разслабленная и расшатанная, съ своими стремленіями подавить право-

славную вѣру дошла, наконецъ, къ предѣлу, послѣ котораго перестала существовать самостоятельною политическою жизнію. Въ 1772 г. послѣдовалъ, такъ называемый, первый раздѣлъ Польши. Этотъ, безспорно, великой исторической важности фактъ былъ поворотомъ къ новому порядку жизни литовско-польскаго королевства какъ въ гражданскомъ, такъ и въ религіозномъ отношеніи. Въ послѣднемъ онъ предвозвѣщалъ русскому народу раздѣленной Польши болѣе свѣтлое будущее, въ виду тѣхъ заботъ о православіи, какія оказаны были ему русскимъ правительствомъ въ означенное время ³⁴⁹).

Но и при такихъ обстоятельствахъ латинской партіи трудно было отказаться отъ своихъ завѣтныхъ желаній; ее не смущало то, что стремленія ея не могли имѣть теперь того значенія и цѣли, какія она старалась придавать имъ до раздѣла Польши. Польша еще, вѣрила въ свое будущее. Латиняне, въ свою очередь, не переставали вѣрить въ успѣхъ своихъ предпріятій. Результатомъ этихъ фиктивныхъ чувствъ той и другихъ былъ новый проэктъ неизвѣстнаго автора объ искорененіи униатовъ въ Литвѣ и Польшѣ чрезъ принятіе римской вѣры ³⁵⁰). Проэктъ этотъ, по напечатаніи, былъ разосланъ по воеводствамъ и повѣтамъ ³⁵¹). На него, какъ и на планъ Сѣраковского, послѣдовалъ отвѣтъ, но уже со стороны православныхъ ³⁵²). Означенный проэктъ не могъ имѣть мѣста для осуществленія, если не считать болѣзненныхъ усилій латинства, все еще продолжавшаго хрипло заявлять о своихъ претензіяхъ. Раздѣлъ Польши съ одной стороны, съ другой — возрождавшійся порядокъ (по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ областяхъ бывшей Рѣчи-посполитой) новой жизни народа притупили пламя фанатической ревности служенія интересамъ римской церкви. Унія, говоримъ, пошатнулась при перемѣнѣ политической жизни Польши и пошатнулась такъ, что не могла уже болѣе установиться въ прежнемъ своемъ положеніи. Она видимо приближалась къ третьему своему фазису, — къ возвращенію къ православію. Унія, со времени своего появленія въ Рѣчи-посполитой, никогда не была жизненною силой, никогда она не имѣла прочныхъ началъ, — какъ при введеніи ея въ западно-русской церк-

ви, такъ и при дальнѣйшемъ существованіи и развитіи. Все въ ней было искусственно, ходульно. Основанная на фальшивой подтасовкѣ обстоятельствъ, будучи религіозной интригой, скрывавшей подъ своимъ знаменемъ насиліе въ видахъ политическихъ, унія въ своемъ развитіи не имѣла достаточно крѣпкихъ задатковъ духовной силы и жила при помощи искусственныхъ средствъ, доставляемыхъ ей многочисленнымъ сомномъ ея поборниковъ. Да и по самой природѣ своей она была явленіемъ искусственнымъ. Унія, какъ средина между православіемъ и латинствомъ, немыслима; такая средина не могла существовать у народа, исповѣдывающаго одно или другое. У него, народа, всегда будетъ перевѣсъ на какой-нибудь сторонѣ и, конечно, прежде всего на сторонѣ той религіи, какую онъ раньше исповѣдывалъ. Это и понятно. Унія, какъ соединеніе двухъ религій, беспочвенна, не устойчива, расшатывающая религіозное чувство человѣка, кидаящая его изъ стороны въ сторону. Она могла-бы имѣть мѣсто у народа не исповѣдующаго никакой религіи, т. е. тамъ, гдѣ принятіе ея не насилвало-бы религіозной совѣсти людей, не подрывало-бы основъ и преданій содержимой ими религіи. Съ этой точки зрѣнія, унія по отношенію къ западно-русскому православному народу, имѣла менѣе всего шансовъ для своего принятія имъ и развитія въ средѣ его. Она подрывала основы православія и преданія старины, она измѣняла строй жизни западно-русскаго народа и потому была для него насиліемъ. Съ характеромъ послѣдняго никакое дѣло не можетъ имѣть прочныхъ основъ, а унія, не могла владѣть ими тѣмъ болѣе, что не имѣла цѣли сама въ себѣ, а служила политическимъ расчетомъ латинской Польши, хотѣвшей сдѣлать русскій народъ такимъ-же почитателемъ латинства, какимъ была сама она. Съ другой стороны, унія была введена въ западно-русской церкви въ такое время, когда ея іерархія находилась въ самомъ плачевномъ состояніи, когда корысть и нажива, а не совѣсть и долгъ руководили поставленныхъ блюсти дѣла вѣры пастырей въ ихъ дѣйствіяхъ, когда свѣтскій лоскъ затемнялъ духовный ихъ обликъ, словомъ, введена была въ исключительное время жизни западно-русской православной церкви. Это

обстоятельство временно послужило въ пользу уніи, но не ручалось за ея существованіе. Оно скорѣе говорило за то, что введенная при такихъ обстоятельствахъ, унія не будетъ имѣть силы, при правильной жизни западно-русской православной церкви. Но возстановленію такой жизни всегда мѣшало польское правительство, защищавшее унію. Православіе однако жило въ уніатской церкви. Оно сначала даже сильно было и если потомъ, благодаря стараніямъ поборниковъ уніи (точнѣе—латинства), затихло, даже, повидимому, угасло, то это по той причинѣ, что считалось въ Рѣчи-посполитой незаконною религіею, право его на существованіе было вычеркнуто изъ законовъ Польши. Но если такъ было на бумагѣ, то это не значило, что такъ—оно и въ дѣйствительности. Русскій народъ преданъ былъ въ душѣ православію, и это, какъ мы видѣли, онъ доказывалъ много разъ. Появилась унія, распространилась и, казалось, совсѣмъ наконецъ вытѣснила православіе, преобразуясь постепенно и сама въ латинство. На самомъ-же дѣлѣ, унія принесла только зло западно-русскому народу, омрачила его жизнь насиліемъ религіозной совѣсти, но не въ силахъ была убить народность и подкопать преданность его православію. Последнее попрежнему жило въ народѣ и какъ-бы выжидало времени, чтобы показать всю непрочность уніи, занявъ опять свое мѣсто въ западно-русскомъ краѣ. Преданность западно-русскаго народа православію была одной изъ причинъ, почему оно не искоренено было юридическимъ и фактическимъ насиліями Польши. Въ разсматриваемый нами періодъ эта преданность и вытекавшія изъ нея стойкость и защита православія получаютъ внѣшнюю помощь и нравственную поддержку отъ Россіи, которая чрезъ своихъ посланниковъ и резидентовъ останавливала дѣйствія польскаго правительства по отношенію къ православному³⁵³). Православіе чрезъ это получало новую силу, могло безпрепятственно заявлять о себѣ и, какъ увидимъ, это скоро случилось.

По мѣрѣ усиленія авторитета и заступничества Россіи за православіе въ Польшѣ, унія все ближе и ближе подходила къ концу своего кратковременнаго существованія. Мы видѣли, что

она была презираема даже самими латинянами, которые убѣдились, наконецъ, что все ихъ затѣи мало принесли пользы. Это ясно свидѣтельствовало о близкомъ ея разложеніи. Если сами поборники ея вѣрили въ это уничтоженіе, то ненавидѣвшій ее западно-русскій народъ готовъ былъ вѣрить много ранѣе. Дѣйствительно, унія отжила уже свое время. Будучи болѣзнью литовско-польскаго государства, посредствомъ которой разрѣшилась политика Польши по отношенію къ западно-русскому народу, она стала проходить, коль скоро измѣнились условія политическаго организма Польши, гдѣ тѣмъ болѣе она могла развиваться, что объ излеченіи ея не заботились, а напротивъ, самую болѣзнь еще поддерживали. Послѣ перваго раздѣла Польши настала очередь поборникамъ латинства и ревнителямъ православія помѣняться ролями. Первые вмѣстѣ съ уніей испытывали всю неловкость своего положенія, всю свою ничтожность и тягость разочарованія. Вторые, причисленные, въ большинствѣ случаевъ, противъ воли къ уніи, свободно вздохнули, съ радостію шли навстрѣчу новой жизни, громко заявляя свою преданность православію, которое, послѣ испытанныхъ тяжелыхъ бѣдствій, было имъ еще болѣе драгоцѣнно. Уже въ 1781—83 годахъ число желавшихъ возвратиться въ православіе (въ Бѣлоруссіи) было около ста двадцати тысячъ ³⁵⁴). Въ одно почти время со вторымъ и третьимъ раздѣломъ Польши, при дѣятельности въ пользу воссоединенія Виктора, архіепископа минскаго, Аѳанасія, епископа могилевскаго ³⁵⁵) и другихъ іерарховъ въ западной Россіи, присоединилось къ православной церкви почти три милліона уніатовъ ³⁵⁶). Такимъ образомъ, къ концу прошлаго столѣтія, въ параллель историческому приговору, требовавшему раздѣленія Рѣчи-посполитой на двѣ части, — на русскую и польскую, совершилось возвращеніе православныхъ къ своей церкви. Народная русская сила, скажемъ словами нашего ученаго историка, воскресла здѣсь вдругъ, сбросила съ себя съ поразительною легкостію не только государственное, но и духовное польское иго ³⁵⁷).

Мы не будемъ подробно входить въ разсмотрѣніе этого замѣчательнаго по своей численности воссоединенія западно-рус-

скихъ униатовъ, и не дѣлаемъ этого потому, что цѣль наша впереди. Возсоединеніе трехъ милліоновъ униатовъ совершилось на горячихъ слѣдахъ юридическаго перехода въ унию. Возсоединившіеся были чисто православными, — нѣкоторые 10—15 лѣтъ тому назадъ насильно обращенными въ унию ³⁵⁸); ихъ еще не коснулось вліяніе латинства, а если и коснулось, то не привилось къ нимъ. Понятно, что коль скоро представилась возможность оставить навязанную имъ унию, они поспѣшили сдѣлать это. Съ такой точки зрѣнія, актъ возсоединенія, по отношенію къ присоединеннымъ, былъ скорѣе юридическимъ, чѣмъ фактическимъ. Они были православными и оставались таковыми подъ именемъ униатовъ. Теперь шло дѣло о томъ, чтобы сбросить съ себя это имя. Здѣсь поэтому не могло имѣть мѣста ни убѣжденіе, ни подготовительныя мѣры къ возвращенію въ православіе. Не было по той-же причинѣ коллективныхъ совѣщаній и заявленій лицъ, стоящихъ во главѣ управленія униатской церковію и, вообще, единичныхъ личностей, одухотворяющихъ собою движеніе въ пользу православія въ томъ смыслѣ, въ какомъ совершилось возсоединеніе униатовъ въ 1839 году текущаго столѣтія.

Возсоединеніе 1839 года запечатлѣно другимъ характеромъ и имѣло свои условія. Малороссія и восточная часть Бѣлоруссіи, возсоединившіяся въ концѣ XVIII вѣка, не были такъ ополячены и олатинены, какъ западная часть западной Россіи. Тутъ униа была въ силѣ, глубоко пустивъ свои корни въ почву русской народности. Безошибочно можно сказать, что здѣсь она имѣла уже за собой традицію, преданіе, душеспасительное религиозное значеніе. Народъ хотя и дорожилъ въ ней православнымъ элементомъ, тѣмъ не менѣе онъ сжился съ ней. Прошло достаточно времени для того, чтобы униа сдѣлалась для него чѣмъ-то дорогимъ. Скажемъ болѣе, она сдѣлалась чѣмъ-то роднымъ для него, и не потому, что онъ предрасположенъ былъ къ ней, не потому что она была близка его народности, какъ православіе, а потому, что для такого отношенія между русскимъ народомъ и унией довольно много поработало время. Нити униі были сильны въ западной части западной Россіи потому, что сотканы были на вѣ-

ковомъ станкѣ времени. Необходимо при этомъ имѣть въ виду еще то обстоятельство, что воссоединеніе уніатовъ въ концѣ ХVІІІ в. не осталось безъ послѣдствій для движенія въ пользу латинства среди тѣхъ, кои льстили себя надеждой не допускать уніатовъ къ дальнѣйшему переходу въ православіе. Нѣтъ сомнѣнія, что пропаганда усилилась и проводники латинства чутко прислушивались къ правительственнымъ мѣропріятіямъ, чтобы такъ или иначе предупредить ихъ между уніатами въ свою пользу. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что при помощи полонизма и латинства думали возстановить погибшую государственность Польши. Окатоличенію уніатовъ, ихъ склонности къ латинству и, вообще, усложненію причинъ, отдалявшихъ присоединеніе ихъ къ православной церкви, содѣйствовали обстоятельства дальнѣйшей исторіи западно-русскаго края.

Чтобы представить эти обстоятельства и при помощи ихъ выяснитъ положеніе уніатовъ въ это время и значеніе дѣятельности лицъ, стоявшихъ во главѣ движенія въ пользу православія при воссоединеніи въ 1839 г., мы должны нѣсколько уклониться отъ предмета нашей рѣчи.

Система императрицы Екатерины по отношенію къ уніатамъ имѣла самые блестящіе результаты. Польскіе писатели говорятъ, что если-бы императрица жила больше, то навѣрно послѣ ея смерти не осталось-бы въ государствѣ и слѣда уніи³⁵⁹). Но со вступленіемъ на престолъ императора Павла система эта измѣнилась. Движимый чувствомъ состраданія, которое поляки успѣли возбудить въ немъ, онъ возстановилъ литовскій статутъ и ввелъ ихъ въ русское дворянство и русское чиновничество. Кромѣ того, по проискамъ латинской іерархіи, нашедшей доступъ къ императору, латинскія епископіи, отчасти стѣсненныя въ своей дѣятельности при Екатеринѣ, ибо переведены были изъ прежнихъ мѣстъ на новыя, получили опять льготы. Само собой понятно, что власть поляковъ чрезъ то усилилась, и польское вліяніе и порядки стали возстановляться. Въ царствованіе императора Александра кругъ польскихъ правъ въ западной Россіи расширился еще болѣе. Причиною этого была дружба и вліяніе на бывшаго еще цесаревича

чемъ Александра Павловича, западно-русскаго князя Адама Чарторыйскаго, возвысившагося въ послѣдствіи до поста министра иностранныхъ дѣлъ. Полякъ въ душѣ, наитанный ненавистью къ Россіи и сѹмѣвшій соединить съ нею привязанность къ русскому императору, онъ мечталъ возстановить Польшу, лепѣя въ себя и возбуждая въ другихъ роскошныя надежды на будущее. Для этого онъ задумалъ приготовить будущей Польшѣ молодое поколѣніе. Его стараніемъ 1803 годъ ознаменованъ былъ возстановленіемъ виленской іезуитской академіи подъ именемъ университета. Новый университетъ былъ фокусомъ національной польской науки, а все русское и православное подавлялось въ немъ. Въ Малороссіи (нынѣ Волынской губ.) основанъ былъ для той же цѣли кременецкій лицей, управленіе которымъ ввѣрено было Чацкому, главному руководителю и совѣтнику Чарторыйскаго. Но этого мало. Среднее образованіе онъ ввѣрилъ отцамъ піарамъ, предпочитая ихъ іезуитамъ на томъ основаніи, что они не задавались всемірными цѣлями, а соприкасались больше съ національными интересами Польши. Устроенныя для нихъ училища въ западной Россіи онъ подчинилъ виленскому университету. Но чтобы захватить всю массу русскихъ людей и подчинить ихъ польскому вліянію, Чарторыйскій умножилъ училища базилианскаго ордена, который вмѣстѣ съ іезуитскими и польскими принципами ближе стоялъ къ русскимъ, чѣмъ отцы піары. Такимъ образомъ все, что стремилось къ образованію, всѣ лучшія молодыя силы западной Россіи захватывались училищами Чарторыйскаго, подпадали вліянію латинской атмосферы и заражались польскимъ духомъ. Вотъ какія мѣры приняты были для возстановленія Польши. Вмѣстѣ съ подготовительными мѣрами Чарторыйскаго, въ польскомъ обществѣ росла увѣренность въ осуществленіе давно желаннаго возстановленія Польши. И воскресителя польской націи оно видѣло въ императорѣ Александрѣ. Въ 1807 году, при заключеніи тильзитскаго міра, — надежды эти сбылись; изъ частей прусской и австрійской Польши возстановлено было варшавское герцогство, увеличенное спустя два года краковскою областію. Несмотря на это, поляки отплатили Россіи черною неблагодарностію, вступивъ въ

1812 году въ ряды арміи Наполеона противъ русскихъ. Бѣгство послѣдняго и занятіе русскими войсками Польши было временемъ, когда неблагодарной странѣ грозила опасность стать жертвой ненависти къ ней русской арміи. Императоръ Александръ не допустилъ этого и, являя свѣтлый образъ благородства и благодѣтельности, въ 1815 году возстановилъ герцогство варшавское подъ именемъ Царства Польскаго, давъ ему конституцію. Это, однако, не измѣнило чувствъ поляковъ къ Россіи. Въ слѣдующее царствованіе, именно въ концѣ 1830 года, какъ извѣстно, вспыхнуло польское возстаніе ³⁶⁰).

Таковы были внѣшнія обстоятельства исторіи, совершенно ступевавшія собою на время религіозный вопросъ западно-русскаго края. Значительное оживленіе его въ концѣ царствованія Екатерины, по причинѣ упомянутыхъ обстоятельствъ, затихаетъ и только много позже выдвигается на первый планъ.

При императрицѣ Екатеринѣ для управленія латинской церковію въ Россіи учреждена была римская коллегія, которой подлежали дѣла и уніатской церкви. Въ царствованіе императора Павла оживленіе польско-латинской партіи не могло не отразиться на положеніи уніатской церкви. Рѣшительность и прямота императора Павла шли въ разрѣзъ съ двуличнымъ, неопредѣленнымъ уніатскимъ вѣроисповѣданіемъ, и объ уніи онъ выражался, что это — ни рыба, ни мясо, что слѣдуетъ быть православнымъ, или латиняниномъ, но никакъ не уніатомъ ³⁶¹). Слова эти самымъ лучшимъ образомъ говорили въ пользу тогдашней жизни уніи, явно направлявшейся къ православію. Поляки истолковали ихъ по своему и объясняли, что само правительство Россіи желаетъ, чтобы уніаты были латинянами. Слѣдствіемъ такого толкованія и послѣдовавшей за ней пропаганды латинства было сильное обращеніе въ него двадцати тысячъ уніатовъ. Въ 1803—5 году открылъ это русскому правительству архіепископъ Ираклій Лисовскій, который вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайствовалъ объ изыятіи дѣлъ уніатской церкви изъ латинской коллегіи. Просьба архіепископа Лисовскаго была уважена, и въ латинской коллегіи былъ учрежденъ уніатскій департаментъ, представителемъ котораго на-

значень былъ самъ проситель ³⁶²). Но образованіе новаго департамента не могло принести существенной пользы униатской церкви, потому что дѣла его разбирались въ общемъ собраніи латинской коллегіи, большинство членовъ которой всегда старалось не давать ходу требованіямъ униатовъ, направленнымъ противъ латинства. По смерти Лисовскаго мѣсто его въ униатскомъ департаментѣ занялъ архіепископъ Іоаннъ Красовскій. Оба эти дѣятеля, любившіе въ униі восточные обряды, не могли избавить ее отъ опеки латинянъ. Однако дѣятельность ихъ не осталась безъ послѣдствій, какъ дѣятельность тѣхъ лицъ изъ низшаго духовенства, которые заодно думали и трудились вмѣстѣ съ своими представителями въ пользу своей церкви. Ихъ дѣятельность была канвой, на которой, немного спустя, вышитъ былъ прекрасный узоръ воссоединенія съ православіемъ. Перемѣна положенія дѣлъ униатской церкви послѣдовала со вступленіемъ на престолъ императора Николая.

Началомъ новаго порядка дѣлъ униатской церкви былъ собственно 1827 годъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ котораго послѣдовалъ Высочайшій указъ, имѣвшій цѣлью отклонить переходъ униатовъ въ латинство и удержать ихъ при славянскомъ богослуженіи ³⁶³). Къ этому-же времени относится начало дѣятельности главнаго двигателя воссоединенія 1839 года впослѣдствіи митрополита Іосифа Сѣмашки ³⁶⁴). Во главѣ управленія униатской церкви стоялъ тогда митрополитъ Іосафатъ Булгакъ, человекъ преданный католицизму. Указъ 1827 г., по собственному признанію в—наго Іосифа, далъ толчекъ униатскому вопросу и дальнѣйшему поприщу его двигателя ³⁶⁵), ибо былъ поводомъ къ составленію записки, которая подана была государю и послужила основаніемъ всего униатскаго вопроса, своею новизною обративъ полное вниманіе правительства ³⁶⁶). Было очевидно, что возвращеніе униатовъ въ лоно православія возможно подѣ условіемъ изытія ихъ изъ опеки латинянъ, полученія униатскою церковію самостоятельности и введенія воспитанія духовенства, какъ мѣры, способной возродить понятія и убѣжденія восточной церкви. Правительственныя мѣропріятія и направлены были по этому пути.

23-го апрѣля 1828 года изданъ былъ новый Высочайшій указъ, въ силу котораго для униатскихъ дѣлъ въ Россіи учреждалась независимая отъ римско-католической греко-униатская духовная коллегія съ новымъ штатомъ; униатскія церкви, вмѣсто четырехъ епархій распредѣлялись на двѣ, заводились духовныя училища, семинарія (въ Жировицахъ) и академія (въ Полоцкѣ) и пр. Было принято много и другихъ мѣръ, между которыми нельзя не отмѣтить ослабленія дѣятельности базилианскаго ордена закрытіемъ большей части базилианскихъ монастырей ³⁶⁷). «Исполненіе по всѣмъ частямъ, говоритъ в—ный Іосифъ, шло быстро, дѣятельно. Не сдѣлалось только то, что было выше силъ и что по своему существу и даже по правительственнымъ предположеніямъ представлялось времени». Дѣйствительно, униатское духовенство и всѣ, кому дорого было православіе, съ сочувствіемъ встрѣчали преобразованія въ униатской церкви. Въ этомъ убѣдился лично в—ный Іосифъ во время своей поѣздки въ 1830 году въ Литву, гдѣ всѣ, близко стоявшіе къ народу и къ древней русской вѣрѣ, съ радостію выражали ему признательность и надежды на лучшее будущее ³⁶⁸). Польскій мятежъ доказалъ и политическое значеніе возсоединенія униатовъ, ибо латинское направленіе въ униі отразилось участіемъ многихъ униатовъ въ мятежѣ. Русскому правительству тѣмъ болѣе желательно было ускорить возсоединеніе униатовъ. Но едва-ли не болѣе всѣхъ желалъ этого в—ный Іосифъ. Его смущала, какъ казалось, медлительность правительства по отношенію къ дѣлу, въ которомъ онъ привыкъ видѣть цѣль своей жизни. Онъ впалъ въ уныніе и рѣшилъ лично присоеди- ниться къ православной церкви ³⁶⁹). Однако этому намѣренію в—наго Іосифа не суждено было осуществиться, какъ не осуществилась тотчасъ его мысль о подчиненіи греко-униатской коллегіи святѣйшему синоду ³⁷⁰). Въ 1833 — 34 годахъ (послѣдній годъ, по словамъ в—наго Іосифа, былъ самый дѣятельный въ его жизни) онъ опять ѣздилъ въ Литву. Въ это- же время по его рекомендаціи посвящены во епископы униатской церкви: протоіерей Василій Лужинскій, архимандритъ Іосафатъ

Жарскій и протоіерей Антоній Зубко, а въ униатской церкви введены были служебники московской печати. Униатское дѣло оживилось. Послѣдовали другія не менѣ важныя мѣры. Учрежденъ былъ секретный комитетъ по униатскимъ дѣламъ, имѣвшій цѣлю заняться согласованіемъ дѣйствій православнаго и униатскаго духовенства. Униатскія училища подчинены были комиссіи духовныхъ училищъ; устройство церквей, обученіе духовенства богослуженію, борьба съ помѣщиками и латинскимъ духовенствомъ были въ полномъ ходу. В—ный Іосифъ вездѣ принималъ участіе: былъ членомъ новыхъ учреждений и работалъ безъ устали. Но пылкій энергичный характеръ его не удовлетворялся этимъ, онъ хотѣлъ дать униатскому дѣлу еще больше подвижности, шири и простора. Казавшаяся остановка, шаткость и колебаніе дѣлъ отразилось въ в—номъ Іосифѣ новымъ рѣшеніемъ лично принять православіе ³⁷¹). Только давно желанное подчиненіе униатской коллегіи святѣйшему синоду (въ началѣ 1837 г.) успокоило его и онъ опять съ обычной энергіей занялся въ Литвѣ, во время своей поѣздки, устройствомъ церквей. Въ 1838 году скончался униатскій митрополитъ Булгакъ и епископъ Іосафатъ Жарскій. Погребеніе перваго въ православной церкви Сергіевской пустыни было для латинства, по замѣчанію в—наго Іосифа, знакомъ готвящагося воссоединенія униатовъ и съ этихъ поръ началось большее противъ прежняго противодѣйствіе преобразованіямъ со стороны униатскаго духовенства. Латиняне старались всякими мѣрами вредить развитію православной силы между униатами, пуская въ ходъ разные навѣты и внушенія и становясь въ своей миссіи все болѣе и болѣе смѣлыми. Злоупотребленія и интриги были подставляемы дѣятелямъ воссоединенія на каждомъ шагу. Въ бѣлорусской епархіи нѣкоторые священники, за неповиновеніе, по наущенію латинянъ, епархіальной власти, отправлены были въ великороссійскіе монастыри ³⁷²). Никакая исторія, по словамъ М. О. Кояловича, не представляетъ собою такого адскаго, чудовищнаго сплетенія интригъ, какъ простѣйшая исторія воссоединенія униатовъ, и что этой простоты и адскихъ интригъ невозможно понять, опуская изъ виду польскій іезуитизмъ и крѣпостное пра-

во, бывшее тогда въ такой силѣ въ западной Россіи. Дѣятелямъ воссоединенія среди всѣхъ этихъ обстоятельствъ приходилось испытать много мукъ и много нужно было имѣть имъ терпѣнія, чтобы десять разъ не пасть духомъ подъ тяжестію самыхъ искусственныхъ, но въ то же время самыхъ тяжелыхъ ударовъ»³⁷³). Тревожному положенію дѣла в—ный Іосифъ положилъ конецъ представленіемъ записки отъ 1-го декабря 1838 года о необходимости безотлагательнаго присоединенія униатовъ къ православной церкви, на что въ одной его епархіи изъявили тогда уже желаніе 775 священниковъ³⁷⁴). 12-го февраля слѣдующаго 1839 г. въ недѣлю православія состоялось соборное постановленіе объ этомъ достопамятномъ въ исторіи западно-русской церкви событіи³⁷⁵). Въ означенное время собрались въ г. Полоцкѣ всѣ униатскіе епископы западныхъ губерній и важнѣйшіе представители блага греко-униатскаго духовенства и составили соборный актъ о присоединеніи униатской церкви къ православной, подписанный 24-мя начальствующими лицами. Изъявляя подробно положеніе своей церкви, отторгнутой отъ истиннаго каволическаго единенія, соборъ опредѣлилъ, согласно желанію всего униатскаго духовенства, о чемъ свидѣтельствовало болѣе 1300 подписей, представить просьбу императору Николаю о присоединеніи ихъ къ всероссійской церкви³⁷⁶). По благодати Господней, писалъ полоцкій соборъ, мы и прежде отдѣлены были отъ древней матери нашей православно-каволической восточной, и въ особенности російской церкви не столько духомъ, сколько внѣшнею зависимостію и неблагоприятными событіями; нынѣ-же, по милости всецѣдраго Бога, такъ снова приблизились къ ней, что нужно уже не столько возстановить, сколько выразить наше съ нею единство.

Посему, въ теплыхъ сердечныхъ моленіяхъ, призвавъ на помощь благодать Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа (Который единъ есть истинный Глава единыя истинныя церкви) и Святаго всесовершающаго Духа, мы положили твердо и неизмѣнно:

1) Признать вновь единство нашей церкви съ православно-каволическою восточною церковію, и посему пребывать отнынѣ,

купно со вѣренными намъ паствами, въ единомысліи со святѣйшими восточными православными патриархами и въ послушаніи святѣйшаго правительствующаго всероссійскаго снуда.

2) Всеподданнѣйше просить Благочестивѣйшаго Государя Императора настоящее намѣреніе наше въ свое августѣйшее покровительство принять и исполненію онаго, къ миру и спасенію душъ, Высочайшимъ своимъ благоусмотрѣніемъ и державною волею споспѣшествовать, да и мы, подъ благотворнымъ его скипетромъ, со всѣмъ русскимъ народомъ совершенно едиными и неразиствующими устами и единымъ сердцемъ славимъ Трїедиаго Бога, по древнему чину апостольскому, по правиламъ святыхъ вселенскихъ соборовъ и по преданію великихъ святителей и учителей православно-каѳолической церкви»³⁷⁷).

Составлены были два прошенія: одно о присоединеніи, а другое о дозволеніи воссоединяющимся не перемѣнять нѣкоторыхъ, привычкою нажитыхъ, мѣстныхъ ихъ обычаевъ, не противныхъ сущности православія. Прошенія подписаны были только воссоединяющимися епископами. «Въ сей день, пишетъ в—ный Іосифъ отъ 12 февраля 1839 г., служилъ я торжественно въ полоцкомъ Софійскомъ соборѣ и причастилъ лично, какъ наставниковъ и воспитанниковъ семинаріи, такъ и довольно значительное число прихожанъ. Во время служенія, вмѣсто папы, поминалъ я всѣхъ православныхъ патриарховъ, митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ. Послѣ литургіи отслуженъ былъ мною вмѣстѣ съ преосвященными Василиемъ и Антоніемъ благодарственный молебенъ о здравіи и благоденствіи Государя Императора и всей Августѣйшей Фамиліи». Соборный актъ и прошенія поднесены были Государю, затѣмъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе св. синоду сдѣлать постановленіе о воссоединеніи униатовъ. Въ синодальной грамотѣ по этому поводу читаемъ: «Мы вняли вашему общему и торжественному обѣту — признать вновь единство церкви вашей съ православно-каѳолическою восточною церковію, и пребывать отнынѣ, купно со вѣренными вамъ паствами, въ единомысліи съ святѣйшими восточными православными патриархами и въ послушаніи святѣйшему синоду: и приѣмля отъ васъ обѣтъ сей предъ

лицемъ Господнимъ, по благодати, дару и власти, данной намъ отъ великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и отъ Святаго и всесовершающаго Духа, послѣдую священнымъ правиламъ и примѣрамъ святыхъ отецъ, приедемъ васъ и будущее съ вами священство и духовныя паствы въ полное и совершенное общеніе святыхъ православно-каатолическія восточныя церкви и въ нераздѣльный составъ церкви всероссійскія, вознося молитву вѣры и любви къ великому Архіерею, прошедшему небеса, Верховному Святителю исповѣданія нашего Иисусу Христу; да утверждаетъ васъ выну въ изреченномъ вами исповѣданіи, и да благоуправляетъ дѣло служенія вашего къ совершенію святыхъ»)³⁷⁸. Это синодальное постановленіе 25 марта 1839 года было Высочайше утверждено слѣдующими словами: «Благодарю Бога и принимаю» ³⁷⁹). Въ память воссоединенія выбита была медаль; а в—ный Іосифъ, тогда епископъ, возведенъ былъ въ санъ архіепископа.

Такъ совершилось знаменательное событіе 1839 года. Прознесенъ былъ приговоръ надъ религіозною зависимостію западно-русскаго народа отъ Рима и Польши и униатская церковь возстановлена была въ своемъ древнемъ единеніи съ православной Россіей.

Нельзя, говоря о полоцкомъ соборѣ, не остановиться на вопросѣ, какъ могъ в—ный Іосифъ, хотя-бы то при помощи могущественнаго Императора, разрушить въ короткое время строившееся вѣками зданіе униі? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, помимо характера самой униі, даетъ намъ отношеніе Польши къ западно-русскому народу. Латино-польская система, старавшаяся превратить униатовъ и унию въ латинянъ и латинство, своимъ насиліемъ и неистовствомъ напомнила русскимъ униатамъ о ихъ прошломъ, о ихъ вѣрѣ. Насиліе ввело унию, оно ее и погубило. Время послѣ замойскаго собора было высшею степенью этого насилія и расходившейся шляхетской вольности. Оно воплями тысячи невинныхъ жертвъ вызвало рѣшимость возродить свою народность, стать за свою вѣру. Рѣшимость эта зрѣла и созрѣвала сама собою. В—ный Іосифъ былъ только выразителемъ ея, благодат-

нымъ вѣстникомъ и великимъ свидѣтелемъ о ней предъ тѣмъ, кто помогъ западно-русскому народу возстановить свою вѣру и народность.

Послѣ воссоединенія 1839 года въ русскомъ государствѣ осталась въ уніи одна только холмская епархія. Но спустя 30 слишкомъ лѣтъ и въ ней во всей силѣ сказалось движеніе въ пользу православія, которое при дѣятельности администраторовъ этой епархіи протоіерея Іосифа Войцицкаго (нынѣ архипресвитера) и Маркелла Попеля (нынѣ епископа) окончилось воссоединеніемъ 1875 года. Сила, двигавшая воссоединенными въ нашѣмъ государствѣ сказывается въ настоящее время и за предѣлами его, — въ Галицкой Руси. Лучшимъ свидѣтельствомъ этого можетъ служить Апелляція къ папѣ Льву XIII русскаго униатскаго священника, мѣстечка Скалатъ, львовской митрополіи въ Галиціи, Іоанна Наумовича ³⁸⁰).

Примѣчанія.

- 1) Коялов. Лит. церк. унія, т. 1, примѣч. 2.
- 2) Его-же. Любл. унія. Холмскій греко-униатскій мѣсяцесловъ за 1867 г. А. Ю. и З. Р., т. II, № 176.
- 3) Коялов. Лит.-цер. унія, т. I, стр. 32; Макарій, истор. рус. ц. т. IX, стр. 321; Вѣст. Зап. Рос. 1862 г. окт. отд. II, стр. 30—32.
- 4) Макарій. Ист. рус. ц. т. IX, стр. 358.
- 5) Коялов. Лекціи по ист. Зап. Рос., лекц. 2 стр. 231 и далѣе.
- 6) Объ отн. западно-русскихъ правосл. къ протест. во времена уніи, соч. Кояловича. См. Христ. чт. за 1860 г., кн. 3-я и Отношеніе прав. зап. и южн. Рос. къ прот. въ XVI в. и первой половинѣ XVII в. Вильна 1881 г. Ал. Розова
- 7) Коялов. Лит. церк. унія т. 1, стр. 44.
- 8) Likowski. Hist. unii kościoła Ruskiego z kosc. Rzymskim, Poznań 1875 г., стр. 48—49.
- 9) Бант.-Каменск. Историч. изв. о возн. въ Польшѣ уніи, стр. 22, прим. 1-е.
- 10) А. З. Р. т. III, №№ 137 и 143.
- 11) Макарій. Ист. Р. Ц. т. IX, стр. 407.
- 12) Макар. Ист. Р. Ц. т. IX, стр. 420—422.

- 13) А. З. Р., т. IV, № 33. Вѣстн. Зап. Рос. 1862 г. Ноябрь, отд. II, 76. *Wspomnienia narodowe, Hellenisz Paruż, 1861 г.* стр. 41.
- 14) Макарій. Ист. Р. Ц. т. IX, стр. 420—422.
- 15) Коялов. Л. Ц. У. т. I, стр. 42—44.
- 16) Ibid. стр. 52. Вѣстн. Ю. и З. Р. 1862 г. Ноябрь, отд. II, 63; Макар. Ист. Р. Ц. т. IX, стр. 441—448. Объ этихъ іерархахъ намъ придется говорить ниже.
- 17) Апокрисисъ гл. 8-я стр. 77.
- 18) А. З. Р. т. III. № 138.
- 19) В. З. Р. 1862 г. Ноябрь, отд. II, стр. 66—76.
- 20) Коялов. Лит. ц. унія, т. I, 48—49.
- 21) Задача наша не позволяетъ намъ иллюстрировать эти общія положенія. Зап.-Рус. мѣсяцесловъ на 1865 г., стр. 80; Южная Русь и казачество Н. И. Костомарова. Отеч. Зап. 1870 г. янв. стр. 51—56.
- 22) Римско-католическіе духовные подстрекали отдавать православныя церкви на поруганіе, думая склонить этимъ народъ къ уніи. Южн. Русь. и казачество Н. И. Костомарова. Отеч. Зап. 1870 г.
- 23) А. З. Р. т. III, № 46; Зап.-р. мѣс. на 1865, стр. 80.
- 24) Польскіе писатели наз. его Златоустымъ. *Likowski, Hist. kosc. rusk. z kosc. Rumsk.*, стр. 57.
- 25) В. юго-зап. Рос. 1862 г., ноябрь, отд. II, стр. 78 и пр.
- 26) Макарій, Ист. Рус. Ц. т. IX, стр. 456—457.
- 27) Соч. Иваннишева, Кіевъ 1876 г., стр. 305. Подробно объ этомъ см Чтен. въ Имп. общ. ист. и др. рос 1871 г., кн. 2 стр. 151—155.
- 28) А. З. Р. т. III, стр. 125.
- 29) Макарій, Ист. Р. Ц. IX, стр. 66—88.
- 30) А. А. В. Р. т. III, № 136, стр. 289.
- 31) Макар. Ист. Р. Ц. т. IX, стр. 478—479; соч. Иваннишева, Кіевъ, 1876 г. стр. 304
- 32) Арх. юго-зап. Рос. т. 1, № 33.
- 33) Макарій, Ист. р. ц. т. IX, 464—465.
- 34) А. З. Р. т. III, 289—290.
- 35) Братства, какъ извѣстно, образовались въ западной и юго-западной Россіи гораздо раньше изъ цеховаго городского устройства и уже въ первой половинѣ XVI в. имѣли вліяніе на церковно-административныя дѣла. Вѣстн. югозап. и зап. Р. 1862 г., декабрь, отд. 2, стр. 283.
- 36) Вѣстн. югозап. и з. Р. 1863 г. мар. отд. II, стр. 159—161. Правила львовскаго братства у Соловьева, т. X, ст. 13—16.
- 37) Собран. древ. грам. и акт. городовъ Вильны, Ковна, ч. II, № 3, стр. 7.
- 38) А. Ю. и З. Р. т. II, № 154, стр. 181—184.
- 39) В. югозап. и з. Р. 1863 г. мар. отд. II, стр. 169; А. З. Р. т. IV, № 149, стр. 206.
- 40) Вѣстн. юго-зап. и зап. Р. 1863 г. мар. отд. II, стр. 170.
- 41) Макарій. Ист. Р. Ц. т. IX, 469—475.
- 42) Онъ, какъ увидимъ, имѣлъ много другихъ причинъ.
- 43) Коялов. Лекціи по ист. Зап. Рос., лекц. 2, стр. 241.

- 44) А. З. Р. т. IV, № 149, стр. 206.
- 45) Ibid. № 19, стр. 25—26.
- 46) Ibid. № 149, стр. 206.
- 47) Ibid. № 21, стр. 28—29; Солов. Ист. Рос. т. X, стр. 20—21.
- 48) Ibid. См. грам. отъ 1-го и 6-го августа.
- 49) Ibid. № 149, стр. 206.
- 50) Исключениемъ былъ только митр. Рогоза, покровительствовавшій братствамъ.
- 51) А. З. Р. т. IV, № 149, стр. 211.
- 52) Ibid. 208.
- 53) Коялов., т. I, примѣч 182.
- 54) А. З. Р. т. IV, № 65, стр. 92.
- 55) Коялов. т. I, стр. 72; Макар. Ист. Р. Ц. т. IX, стр. 497.
- 56) Ibid. стр. 74.
- 57) А. З. Р. т. III, № 167, стр. 317; Соловьевъ. Ист. Рос. т. X, стр. 17.
- 58) Соч. Иванишева, стр. 316—320.
- 59) Макарій. Ист. Р. Цер. т. IX, стр. 511—514.
- 60) Особенною ожесточенностию отличались нападки лукаго старосты Семаники; острый характеръ ихъ заставляетъ предполагать болѣе, чѣмъ одну только личную ненависть его къ своему епископу. Въ этихъ дѣйствіяхъ видна вѣтерпѣливость новоиспеченнаго поборника латинства къ оставленной имъ православной вѣрѣ. Семашко происходилъ изъ православнаго русскаго рода, но незадолго предъ тѣмъ принялъ латинство. Ibidem.
- 61) Коялов. т. I, примѣч. 207; Макарій т. IX, стр. 491.
- 62) Подробности объ этомъ у Коялов. т. I, стр. 77—78.
- 63) А. З. Р. т. IV, № 25, стр. 35.
- 64) Соч. Иванишева, стр. 332—323.
- 65) Надо замѣтить, что Пельчицкій и Збируйскій были, какъ Кирилль и Гедесонъ, замѣчательно схожи по тѣмъ обстоятельствамъ, при которыхъ они начали помогать дѣлу уни. Оба они были женаты, оба обличались и, поэтому, оба рѣшились обезпечить свое положеніе при помощи уни.
- 66) Коялов. т. I, стр. 84—90.
- 67) А. З. Р. т. IV, № 149, стр. 210.
- 68) Коялов. т. I, стр. 91; соч. Иванишева, стр. 326—331.
- 69) Солов. Ист. Р. т. X, 24—25, на польскомъ языкѣ приведена у Коялов. въ примѣч. 248, т. I.
- 70) Апокрисисъ Христофора Филалета, гл. 6, стр. 57—59.
- 71) А. З. Р. т. IV, № 33, стр. 43.
- 72) Ibid.
- 73) А. З. Р. т. IV, № 42, стр. 61—62.
- 74) Likowski. Hist. unii kosć. rusk. z kosć. rzymisk. Poznań. 1875, стр. 77, примѣч. 2; сочин. Иванишева, стр. 335.
- 75) А. З. Р., № 44, стр. 63.
- 76) Ibid. № 149, стр. 210, и № 33, стр. 43—44.
- 77) Макарій. Ист. Р. Ц. т. IX, стр. 480.
- 78) Солов. Ист. Р. т. X, стр. 29.

- 79) А. З. Р. т. IV, № 45, стр. 63—66.
- 80) Коялов. Лйт. церк. унія, т. I, стр. 108.
- 81) А. З. Р. т. IV, № 45.
- 82) Коялов. т. I, примѣч. 283—284.
- 83) Макарий. Ист. Р. Ц. т. IX, стр. 542.
- 84) Арх. юго-зап. р. т. I, ч. I, № 101.
- 85) Апокрисисъ, стр. 3.
- 86) А. З. Р. т. IV, № 54, стр. 78—79.
- 87) Ibid. № 58, стр. 84—85.
- 88) Ibid. № 60, стр. 86—87.
- 89) Коялов. т. I, стр. 122.
- 90) А. З. Р. т. IV, № 68, стр. 94—95.
- 91) Ibid. т. IV, № 71, стр. 99—104.
- 92) Ibid. № 72, стр. 104.
- 93) Арх. юго-зап. Р. т. I, ч. I, № 109.
- 94) А. З. Р. т. IV, № 73, стр. 104—105.
- 95) Ibid. № 74, стр. 105—106.
- 96) Соловьевъ, т. X, стр. 51.
- 97) Коялов. т. I, стр. 131.
- 98) Арх. юго-зап. Р. ч. I, т. I, № 110—111.
- 99) А. З. Р. т. IV, № 76, стр. 106—108.
- 100) Ibid. № 77, стр. 108—109.
- 101) Ibid. № 78—79, стр. 109—113.
- 102) Narasiewicz Annales Ecclesiae Ruthenae. Львовъ, 1862 г., стр. 181—185.
- 103) А. З. Р. т. IV, №№ 80, 83 и 84, стр. 113, 114, 116 — 118; материалы для истории западно-рус. ц. Труды К. Д. А. 1878 г. Мартъ, прилож. стр. 44.
- 104) А. З. Р. т. IV, № 82, стр. 115.
- 105) Ibid. т. IV, №№ 62, 63 и 81.
- 106) Имѣніе Водивори на 40 лѣтъ и имѣніе лудкой епархіи на 20 лѣтъ. Макарий. Ист. Р. Ц. т. IX, стр. 598.
- 107) Арх. юго-зап. Р. ч. I, т. I, № 114.
- 108) Макар. т. IX, стр. 608; А. З. Р. т. IV, № 90, стр. 123—125.
- 109) Апокрисисъ, стр. 302—303.
- 110) Ист. Изв. объ уніи. Бант. Камен., стр. 40. Вильно, 1864 г. Narasiewicz Annales Ecclesiae Ruthenae, стр. 199.
- 111) Ист. Изв. объ уніи. Бант. Камен., стр. 43—47.
- 112) Ostrowski. Dz. i Praw. kośc. Polsk. 1773, стр. 395—396. Ма-
нар. т. IX, стр. 631.
- 113) Бант. Кам. стр. 49, примѣч. 2; Rucheicki, Piotr Skarga i jego
wiek, Krakow, 1869 г. т. II, стр. 132—134 и прим. 113.
- 114) Ostrowski. Dz. i Pr. kośc. Polsk. стр. 397.
- 115) Бант. Камен., стр. 46, примѣч. I.
- 116) Макарий, т. IX, стр. 632—638.
- 117) Co się dotyczy spraw naszych, to z łaski Bożej otprawiono, ani-
żeliśmy się sami spodziewali, bo nie tylko przy wszystkich ceremoniach i sa-
cramentach, ale i symbolum fidei zostawiono, nie przydając onej partykuły
„filioque“, jedno abyśmy wierzyli i tak nauczali owieczek naszych, że Duch

święty pochodzi tak od Syna, jako i od Ojca. Krutko mówiąc, najmniejszej nam rzeczy nie odmieniono i kalendarza starego nam dozwolili... Likowski, *Historija unii kośc. rus. z kośc. rymsk. Poznań 1875 г. Dodatek, str. 230.* Чт. въ Импер. общ. ист. и др. рос. за 1871 г., кн. II, стр. 160; соч. Иванишева, стр. 348—350.

- 118) Апокрис., стр. 53—58 (Арх. юго-зап. Р. ч. I, т. I, № 120).
- 119) А. З. Р. т. IV, № 96, стр. 133.
- 120) Ibid. № 92, стр. 127—128.
- 121) Ibid. № 91, стр. 125—126.
- 122) Соч. Иванишева, стр. 357.
- 123) А. З. Р. т. IV, № 97, стр. 134—135.
- 124) Ibid. т. IV, № 100, стр. 137.
- 125) Ibid. т. IV, № 97, стр. 134—135.
- 126) Ibid. № 98, стр. 135—136.
- 127) Ibid. №№ 100 и 102, стр. 137—139; Апокрис. стр. 305.
- 128) Ibid. № 99, стр. 136—137.
- 129) Апокрис. стр. 303, 306—307; А. юго-зап. Р. ч. I, т. I, № 121.
- 130) А. З. Р. т. IV, № 149, стр. 213.
- 131) Апокрисисъ стр. 265—280; Малышев. Мелегій Пигась т. II, прилож. I, № 16, стр. 28—44.
 - 132) Перестрога зъло потребная... стр. 213.
 - 133) Апокрисисъ стр. 129—131; Ekthesis, albo krótkie zebranie spraw... Krakow 1597 г. въ изданіи Имп. общ. ист. и древ. рос. 1879 г., кн. I. Матер. для ист. ц. уніи стр. 4.
 - 134) Перечисленныя нами лица, кромѣ Кирилла Лукариса, были изъ цареградской патриархіи.
 - 135) По одному свидѣтельству (А. З. Р. т. IV, стр. 146), ихъ присутствовало 106, а по другому—болѣе 200 (Ekthesis, стр. 30).
 - 136) Ekthesis, albo krótkie zebranie... Чт. въ Импер. общ. ист. и древ. рос. 1879 г., кн. I. Мат. для ист. ц. уніи стр. 28—30; сочин. Иванишева стр. 358—359.
 - 137) Ostrowski. Dz i prawa kośc. Polsk. Томъ III, стр. 400. Ryc h-cicki, Piotr Skarga i jego wiek, т. II, стр. 135.
 - 138) Соч. Иванишева, стр. 360; Берестейскій соборъ и оборона его П. Скарги. Рус. ист. библи. 1882 г., т. VII, кн. II, стр. 939—941. Примѣч. къ Апокрис. 2. А. З. Р. т. IV, № 106, 11, стр. 146.
 - 139) Ист. изв. объ уніи, Бант. Камен., стр. 52. Макари. т. IX, стр. 655. Piotr Skarga i jego wiek, т. II, стр. 135—136.
 - 140) Бант. Камен. ibid.
 - 141) Послы короля прибыли на другой день собора (w dzień czwartkowy) въ четвергъ, 7 октября. Апокрисисъ, Synod Brzeski, стр. 401.
 - 142) Апокрисисъ, стр. 16.
 - 143) Ekthesis. albo krótkie... стр. 4—5.
 - 144) Макарій. Ист. Р. Ц. т. IX, стр. 656. Надо предполагать, что князь былъ въ недоумѣніи по поводу отвѣтовъ митрополита эвзархамъ и потому хотѣлъ лично объясниться съ нимъ.
 - 145) Макарій. Ист. Р. Ц. т. IX, стр. 657.
 - 146) Апокрисисъ, Synod Brzeski, стр. 411.
 - 147) Макарій. Ист. Р. Ц. т. IX, стр. 658.

- 148) Ibid. Коялов. Лит. церк. унія, т. I, стр. 161.
- 149) Ibid. А. Р. З. т. IV, № 106, стр. 144; Ekthesis, стр. 5.
- 150) Въ немъ участвовали: Никифоръ, архимандритъ кievскій, Геннадій, архим. дерманскій, Игнатій примкирій, пресвитеръ острожскій Даміанъ, Іоаннъ, протопопъ шчирецкій, Андрей, пресвитеръ львовскій и нотарій Григорій. Ibid. стр. 6. А. Р. З. т. IV, № 106, стр. 144.
- 151) Ekthesis, стр. 7.
- 152) Апокрисисъ, стр. 71.
- 153) Ekthesis, стр. 5.
- 154) Макарій, т. IX, стр. 659.
- 155) Ekthesis, стр. 5; примѣч. къ Апокрисису I, стр. 1 и дал.
- 156) Ekthesis, стр. 5—6.
- 157) Ekthesis, стр. 5—6.
- 158) Ibid.
- 159) Апокрисисъ, стр. 17.
- 160) Ibid.
- 161) Ibid. стр. 7—8.
- 162) На этотъ разъ послами были: Елисей, архимандритъ пинскій, Василиій, архим. дубенскій, Иларіонъ, архим. супрасльскій, Климентъ, протопопъ каменскій, Іоаннъ, протопопъ ярославскій и Андрей, пресвитеръ львовскій,—нотарій. Ibid. Полагають, что этотъ послѣдній есть авторъ „Перестроги“. Чт. въ общ. ист. и др. рос. 1879 г. Матер. для ист. ц. уніи. Предисловіе, стр. 4—5.
- 163) Ibidem.
- 164) У Скарги въ Synod'ъ Brezsk'омъ сказано, что грамота, которую посольство имѣло представить митрополиту, содержала въ себѣ порицаніе за то, что онъ присталъ къ латинянамъ и безъ вѣдома православныхъ открылъ соборъ,—что въ ней отвергали этотъ соборъ, отказывали митрополиту въ послушаніи и грозили проклятіемъ и низложеніемъ съ кафедръ, если онъ не раскается вмѣстѣ съ своими сообщниками. Далѣе сказано, что послы, узнавъ содержаніе грамоты, спрашивали князя, съ его-ли согласія она написана. Получивъ утвердительный отвѣтъ, они повѣхали къ князю и дали слово прибыть на православный соборъ. Въ Апокрисисъ стр. 402. Намъ извѣстно уже содержаніе парагностика.
- 165) Ekthesis, ств. 8—9.
- 166) Одна отъ 13 сентября, а другая отъ 5 октября.
- 167) Переводъ изъ Ekthesis'a, стр. 9—10.
- 168) Ibid. стр. 10—11.
- 169) Переводъ изъ Ekthesis'a, стр. 12.
- 170) Кіевскій архимандритъ Никифоръ, дерманскій архимандритъ Геннадій, нересопскій архим. Симеонъ; протопопы: Герасимъ Скальскій, Андрей Константиновскій, Константинъ Дубенскій и Климы Каменецкій.
- 171) Ekthesis, стр. 12; Апокрисисъ, стр. 18—19.
- 172) Ibid. стр. 13.
- 173) Ibid. стр. 13—17.
- 174) Кояловичъ. Л. ц. ун. т. I, примѣч. 283.

- 175) Ekthesis, стр. 17—19.
176) Ekthesis, стр. 20—21; Апокрисисъ, стр. 19.
177) Ibid. стр. 21—22.
178) Апокрисисъ, стр. 20.
179) Synod Brzeski въ Апокрисисъ стр. 404.
180) Князь то же присутствовалъ при произнесеніи этой рѣчи.
Это видно изъ обращенія къ нему. Апокр. стр. 404.
181) Synod Brzeski въ Апокр. стр. 404—410.
182) Ibid. стр. 410—411. Piotr Skarga i jego wiek, т. II, стр. 137—142.
183) Апокрисисъ, стр. 20—21. Этотъ отвѣтъ православныхъ королевскимъ посланъ Скарга въ описаніи брестскаго синода представляеть въ такомъ видѣ: соединеніе греческой церкви съ римскимъ костеломъ есть дѣло великое и глубокое, а у насъ головы медкія и потому мы ни во что входить не желаемъ. Пытались достигнуть этого соединенія короли великіе, но не могли привести дѣла къ концу, поѣтому и мы этого дѣла рѣшать не будемъ. Synod Brzeski, стр. 411, Piotr Skarga i jego wiek, т. II, стр. 139.
184) А. З. Р. т. IV, № 106, стр. 142—144.
185) Ekthesis, стр. 22.
186) Synod Brzeski, стр. 411.
187) А. З. Р. т. IV, № 103, стр. 139 — 141; Synod Brzeski, стр. 412—414; Бан. Кам., стр. 53—54. Gratiae perpetuae a sede apostolica raris temporibus concessae monachis ordinis S. Basilii magni in Russia. Varsaviae 1800 an. Pars. III, стр. 25—32.
188) Synod Brzeski, стр. 412—414.
189) Piotr Skarga i jego wiek, т. II, стр. 145.
190) А. З. Р. т. IV, № 107, стр. 146 — 147.
191) Ibid. № 108, стр. 146—148.
192) А. З. Р. т. IV, № 109, стр. 148—149.
193) Synod Brzeski, стр. 415.
194) Ekthesis, стр. 22—27.
195) Именно: владимірскій Ипатій, лудскій Кирилль, полоцкій Германъ, холмскій Діонисій и пинскій Тона. Ekthesis, ibid.
196) Ibid. стр. 28. Ogłoszenie dekretu. А. З. Р. т. IV, № 104, стр. 141—142. Апокрисисъ, стр. 21.
197) Ibid. стр. 22.
198) Апокрисисъ, стр. 23—24.
199) А. З. Р. т. IV, № 114, стр. 154—157.
200) Тр. К. Д. Акад. 1878 г., т. I, прилож. стр. 46—53; Пере-строга, стр. 216—220; А. З. Р. т. IV, № 117, стр. 159—165.
201) Ibidem. №№ 96, 112, 115, 121, 123 и друг.
202) Ibid. № 111, стр. 151—152.
203) Малышевскій. Мелетій Пигасъ, патр. александр. т. II, при-дожен. I, №№ 17—26.
204) Harasiew., Annal. Ecclesiae Ruth. Львовъ, 1862, стр. 240—241.
205) А. З. Р. т. IV, № 150, стр. 236—237.
206) Ibid. № 128, стр. 182—183.
207) Если король нарушилъ раста conventa, то общество могло противодѣйствовать ему посредствомъ конфедераціи.

208) А. З. Р. т. IV, № 138, стр. 192 — 194; Коялов. Лит. ц. ун. т. II, примѣч. 41, стр. 273—287.

209) Ostrowski. Dz. Praw. Kosć Polsk. т. III, стр. 415—416.

210) Коялов. Лит. церк. унія т. II, примѣч. 17.

211) Въ 1597 г православные издали Ekthesis, albo krótkie zebrañie spraw odbytych na partykularnym synodzie w Brzesctiu-Litewskim; ie-зунить Петръ Скарга (въ томъ же году) издалъ книгу объ униатскомъ соборѣ — „Synod Brzeski i jego obroga“; противъ этого сочиненія (въ томъ же году) изданъ былъ православными „Апокрисисъ“ (объ авторѣ „Апокрисиса“ см. предисл. къ этому соч. Малышев. и тр. К. Д. Акад. 1876 г., т. I, 137 — 154, Голубева). Это сочиненіе вызвало „Справедливое описаніе дѣлъ и справы собора Берестейскаго“. Кро-мѣ того, изданы были Antirrysis albo apologia „Отпись“, написанная клирикомъ острожской церкви, четыре сочиненія Іоанна изъ Вышни, Перестрога и мн. др. Подробн. см. Макарій. И. Р. Ц. т. X, стр. 284 — 302; Коялов. Л. ц. ун. т. II, примѣч. 16.

212) Перестрога, зѣло потребная..., стр. 225.

213) А. З. Р. т. IV, № 143, 1, стр. 198—199.

214) Вторая грамота издана была 8 апрѣля 1600 г. А. Ю. и З. Р., № 5.

215) Коялов. Лит. церк. ун. т. II, примѣч. 54.

216) Ibid. стр. 90.

217) Likowski. Hist. unii kosć gusk. z kosć rzymak., Poznañ. 1875 г., стр. 78—79; Kulczynski, Specimen Eccles. Ruth., стр. 255; Коялов. Лит. церк. ун. т. II, примѣч. 78; Вѣстн. юго-зап. и зап. рос. 1864 г., мартъ, отд. II, стр. 138—139.

218) Ibidem.

219) Likowski. Hist. unii kosć. gusk. z kosć. rzymak., стр. 80.

220) А. Ю. и З. Р. т. II, № 45.

221) Nagasiew. Annal. Eccles. Ruth., стр. 361 и А. З. Р. т. II № 44.

222) Макарій. И. Р. Ц. т. X, стр. 417.

223) Коялов. Л. ц. ун. т. II, стр. 99.

224) Въ послѣдствіи ихъ было два: одинъ для Литвы, другой для Польши.

225) Христ. Чт. за 1864 г., январь, стр. 25, примѣч. I.

226) Вѣстн. юго-зап. и зап. Россіи 1864 г., мартъ, отд. II, стр. 139—141 и 1870 г., апрѣль, отд. II, стр. 1 — 2 и далѣе. Петровъ „Очеркъ ист. баз. орд.“, Тр. К. Д. А. 1870 г., май, стр. 438 и дал. Подольск. епарх. вѣдомости 1872 г., стр. 82—83.

227) Вѣстн. юго-зап. и зап. Рос. 1864 г., мартъ, отд. II, стр. 140 и примѣч. I и II.

228) Объ ордень базилианъ въ нашей литературѣ см. 1) М. О. Кояловича „Исторія базилианскаго ордена“ (Христіанское Чтеніе за 1864 г., январь и апрѣль); 2) Н. И. Петрова „Очеркъ исторіи базилианскаго ордена въ бывшей Польшѣ (Труды кіевской духов. академіи за 1870 г., май, августъ, ноябрь; 1871 г., февраль, май, іюнь, іюль; 1872 г., январь февраль); 3) Ю. Θ. Крачковскаго „Очерки униатской церкви“ (Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей російскихъ за 1871 г., кн. I и II и за 1876 г., кн. III

и IV); 4) Г. К. Хрущевича въ „Исторіи замойскаго собора“. Вильна. 1880 г. (гл. I и II).

229) Клирошане (клиръ) — высшее соборное духовенство при епископѣ. Оно составляло при немъ епархіальный соборъ, владѣло имѣніями, приписными приходами, вообще, пользовалось независимостью.

230) Чтенія въ Импер. общ. ист. и древ. рос. за 1871 г., кн. I, отд. I, стр. 123—124.

231) Аж. З. Р. т. IV, № 226, стр. 215—216.

232) Kulczynski, Specimen Ecclesiae Ruthenicae, Romae 1723, Appendix, Synodus Cobygnensis, стр. 90.

233) Т. е. польскихъ золотыхъ. Hist. kosć. tuskiego, Gusty, Krakow, 1857 г., ч. II; стр. 29. Злотъ=15 коп.

234) Kulczynski, Specimen Eccles. Ruth., Appendix, Synod Cobygn., стр. 90—96.

235) Чтенія въ Императ. общ. ист. и др. рос. 1871 г., кн. II, стр. 210.

236) Kulczynski, Specimen Eccles. Ruth., Appendix, стр. 89 — 90 и 96 — 99.

237) Чтенія въ Импер. общ. ист. у др. рос. 1871 г., кн. I, стр. 126. Маркевичъ. Ист. Малороссіи т. I, стр. 126—127.

238) Коялов. Лит. церк. ун. т. II, стр. 107.

239) Бант. Камен. Ист. изв. объ униі стр. 67 — 70.

240) Вѣстн. юго-зап. Рос. 1864 г., мартъ, отд. II, стр. 141.

241) Ibid. стр. 141; Коялов. Лит. церк. ун. т. II, стр. 108—115; Макарій. И. Р. Ц. т. XI, стр. 261.

242) Соловьевъ. Ист. Россіи т. X, стр. 81—83.

243) Ostrowski, Dz. i Pr. kosć. Polsk. т. III, стр. 140; Вѣстн. юго-зап. и зап. Рос. 1884 г., мартъ, отд. II, стр. 143.

244) Письма къ патриарху Теофану короля и епископа лудцаго, а также письмо гетмана Жолкевскаго къ владѣтельнымъ лицамъ Волыни, Украйны и Подолія объ оказаніи помощи и почестей патриарху приведены у М. О. Кояловича. Лит. ц. ун. т. II, примѣч. 150.

245) Бант. Камен. Ист. изв. объ униі стр. 71.

246) Ostrowski, Dz. i Pr. kosć. Polsk. т. III, стр. 441.

247) Вѣстн. юго-зап. и зап. Рос. 1864 г., мартъ, отд. II, стр. 144 и примѣч. 2.

248) Притѣсненія его были такъ велики, что обратили даже вниманіе нѣкоторыхъ лицъ изъ латинской партіи. Въ тонѣ увѣщанія смягчать свои отношенія къ православнымъ, писать Кунцевичу канцлеръ Сапѣга. Бант. Кам. 72—81. Слес. Likowski. Hist. униі kosć. tusk. z kosć. guszsk. стр. 228. О Кунцевичѣ статья Говорскаго въ Вѣстн. зап. Р. за 1862 г.

249) Коялов. Лит. церк. ун. т. II, стр. 116—117.

250) А. З. Р. т. IV, № 224, стр. 513—514.

251) Примиреніе должно было состояться еще въ 1626 году въ Кобринѣ; по крайней мѣрѣ въ слѣдующемъ году, на соборѣ въ Києвѣ была объ этомъ рѣчь. Коялов. Лит. ц. ун. т. II, стр. 151.

252) Ibidem. примѣч. 167.

253) Ostrowski, Dz. i Pr. kosć. Polsk. т. III, стр. 456. Harasiew. Annal. Eccles Ruth. стр. 445.

254) Коялов. Лит. церк. ун., т. II, примѣч. 226.

255) Ostrowski, т. III, стр. 457.

256) Harasiew. Annal. Eccles. Ruth., стр. 445—446.

257) Ликовскій называетъ его епископомъ пинскимъ, какъ и Михаловича, какой титулъ, въ качествѣ коадьютора, Корсакъ, конечно, могъ носить, но въ „Свободной Галицко-Русской Лѣтописи“ ему присвоится титулъ „галицкій“. Литерат. сборникъ изд. галицко-руск. Матицею 1872—1873, Львовъ, 1864 г. подъ 1620 г., стр. 287.

258) Неизвѣстно почему титулюющійся также, какъ Іоаннъ Шишка; Likowski. Hist. unii kosć. rusk. z kosć. czumsk. стр. 107.

259) Ibidem.

260) Литературн. сборн., изд. гал.-рус. Матицею стр. 287, примѣчаніе. Тутъ утверждается, что на соборѣ присутствовало два православныхъ епископа Тисаровскій и Почановскій; Ликовскій-же рѣшительно отрицаетъ ихъ присутствіе. Кажется, правильнѣе будетъ думать, что присутствовали тогда во Львовѣ только мѣстный епископъ.

261) Коялов. Лит. церк. ун. т. II, примѣч. 226.

262) Жаль только, что ее не имѣется въ подлинникѣ. Мы приводимъ ее по Гарасѣвичу.

263) Harasiew. Annales Eccles. Ruth. стр. 446—447; литер. сборн. изд. гал.-рус. лѣт. подъ 1726 г., стр. 290—291.

264) Львовскій соборъ, описываетъ І. П. Юзефовичъ, львовскій латинскій каноникъ (Annalium urbis Leopoldensis tomus extravagans, № 135), со ссылкой на іезуита Квяткевича слѣдующимъ образомъ: „Въ томъ-же 1629 году король Сигизмундъ, по просьбѣ дворянства той части Россіи, которая не принадлежала къ греческой схизмѣ, объявилъ униатскимъ и схизматическимъ епископамъ (греко-русскимъ) о соборѣ, который долженъ былъ состояться 18 (?) октября того-же года. На соборѣ собралось весьма много, явился и митрополитъ Іосифъ Рутскій, человекъ ученый и ревностный распространитель униі съ своими семью униатскими епископами, архимандритами и довольно многочисленнымъ клиромъ. Прибылъ и князь Зиславскій, вельможи и царскій комиссаръ въ Кіевѣ, назначенный отъ имени короля представителемъ на соборѣ; къ несчастію, едва только открылся соборъ, онъ умеръ. Схизматическіе епископы, несмотря на то, что торжественно дали слово, въ назначенный день не явились. Однако-же соборъ начался въ положенное время и вышеупомянутый митрополитъ, чтобъ опровергнуть клевету (ut calumpniam evelleret), составленную на униатовъ схизматиками, будто они служатъ литургію на латинскомъ языкѣ, при многочисленномъ собраніи и на славянскомъ языкѣ совершилъ богослуженіе въ львовскомъ кафедральномъ соборѣ (in nostra ecclesia Leopoldensi cathedrali). Послѣ этой литургіи, Матѳей Вембусъ, іезуитъ, говорилъ въ собраніи (?) схизматикамъ увѣщательныя рѣчи о томъ, чтобы они приняли унию съ римскою церковью. На этомъ соборѣ униаты доказывали въ присутствіи дворянъ, на основаніи писемъ и словъ самаго константинопольскаго патріарха, сколько разъ онъ (патріархъ) былъ зараженъ кальвинскою ересью,—и на

столько успѣли, что русское дворянство публично объявило о своемъ желаніи принять унію съ римскою церковью; что-же касается патріарха, то онъ долженъ былъ торжественно отказаться отъ той кальвинской ереси, въ которой его обвиняли. Сверхъ того, къ нему послано было письмо отъ имени дворянства, — но оно не принесло никакого отвѣта — письмо о томъ, чтобы патріархъ и не старался оправдывать себя. Вездѣ весьма многіе изъ дворянъ переходили изъ схизмы (православія) въ католицизмъ подѣ руководствомъ Прахницкаго (какъ передаетъ іезуитъ Квяткевичъ, ров. 871), внушавшаго уніатамъ ревностное усердіе къ своему дѣлу. Литературный сборникъ, издаваемый галицко-русскою Матицею, подѣ 1629 годъ; стр. 232—293.

265) Synopsis, подѣ 1731 г., по Коялов. Л. ц. у. т. II, примѣч. 227. Ostrowski, Dzieje i prawa kośc. Polsk. т. III, стр. 458. Likowski. Hist. unii kośc. rusk. z kośc. gümsk. стр. 107.

266) Вѣстн. юго-зап. и зап. Россіи 1864 г., мартъ, отд. II, стр. 147—149; Островскій т. III, стр. 460—465 и 468—483; Макарій. И. Р. Ц. т. XI, стр. 441; Коялов. Лит. церк. ун. т. II, стр. 165 — 180. Бант. Кам. Ист. изв. обѣ уніи стр. 84—100.

267) Likowski. Hist. unii... стр. 111 — 112. О Рутскомъ статья г. Говорскаго въ Вѣстн. зап. Россіи за 1864 г., мартъ.

268) Холмскій мѣсяцесловъ за 1868 г.; стр. 120—121 и за 1872 г., стр. 87—93.

269) Ibidem. за 1869 г.. стр. 7, 8—10.

270) Чтенія въ Импер. общ. ист. и древ. рос. 1871 г. кн. II, стр. 207—209.

271) Базилиане всегда старались разстроить проекты основанія семинаріи для блага уніатскаго духовенства. Благодаря этому, проектъ относительно сверженской и перемышльской семинарій не приведенъ былъ въ исполненіе также, какъ и относительно минской. Чт. въ Имп. общ. ист. и др. рос. 1871 г., кн. I, стр. 210—126.

272) Имѣемъ въ виду холмскаго епископа Якова Сушу, ратовавшаго за интересы уніи и блага духовенства. См. Холмскій мѣсяцесловъ за 1868 г., въ отдѣлѣ „холмская старина“, гл. II.

273) Эти ошибки и злоупотребленія лучше всего видны изъ постановленій замойскаго собора, которыя будутъ приведены ниже.

274) Synodus Provincialis стр. 33—34.

275) Ibidem.

276) Дѣянія этого собора изданы въ Римѣ въ 1724 году конгрегаціей de propaganda fide подѣ слѣдующимъ заглавіемъ: Synodus Provincialis Ruthenorum, habita in civitate Zamosciae anno 1720. Sanctissimo Domino Nostro Benedicto p. p. XIII dicata. Romae 1724 superiorum permissu. Потомъ въ 1744 году дѣянія этого собора были изданы на западно-русскомъ языкѣ подѣ названіемъ „Уставы св. собора замойскаго и діоцезіальныя, повелѣніемъ преосвященнаго его милости Кирь-Аеанасія на Шептыцахъ Шептицкаго, архіепископа—митрополита кievскаго и всея Россіи, епископа львовскаго и галицкаго и пр. (Востокъ т. II, стр. 247, пр. 2). Затѣмъ въ 1777 и 1785 гг. дѣянія этого собора еще разъ были изданы на польскомъ языкѣ подѣ заглавіемъ „Synod Prowincjalny Ruski, w mieście Zamoczciu roku 1720 odprawiony

и проч. w Wilnie. Изъ польскихъ писателей о замойскомъ соборѣ упоминаетъ Островскій (*Dzieje i prawa kośc. Polsk.* т. III, стр. 648—653 (изд. 1793 г.) и Likowski (*Histor. unii kośc. rusk. z kośc. rzymsk.* стр. 121—127). Больше подробныхъ свѣдѣнй объ этомъ соборѣ находимъ у Helleniusza (*Wspomnienia narodowe*, стр. 131—153, Paryż, 1861 г.). У Nagasiewiczza о замойскомъ соборѣ см. *Annal. Eccles. Ruth.* стр. 478—487, Leopoli, 1862 г. Въ нашей литературѣ „Исторія замойскаго собора“ Г. Хрущевича. Вильна. 1880 г.

277) *Synod. Provincialis, Decretum s. Congr. Gen. de prorag. fide, habitae die 1 Martii 1723.*

278) Проектъ уничтоженія православной и униатской вѣры въ русскихъ областяхъ, подвластныхъ Польшѣ 1717 г. *Документы, объясн. ист. зап.-рус. края и его отнош. къ Россіи и Польшѣ, № 33, стр. 342, С.-Пб. 1865.*

279) *Synod. Provin., Decretum s. e. g. de prorag. fide, habitae die 1 Martii 1723 an... „Clemente p.p. XI vigore literarum in forma brevis sub die 20 Martii 1716 an. hujusce synodi cura examen“.*

280) *Ostrowski. Dz. i prawa kośc. Polsk.* Томъ III, стр. 651.

281) *Likowski. Hist. unii kośc. rusk. z kośc. rzymsk.* стр. 120.

282) Бант. Камен. Извѣстіе объ униі (изд. 1864 г.), стр. 146.

283) *Synod Provincialis*, стр. 41—43.

284) *Synod. Prov.*, стр. 32—33. *Decret. s. c. prop. fide habitae die 27 Maii 1715 an.; Synod. Prowincjalny Byski* (по виленск. изд. 1785 г.) стр. 1—2.

285) *Synod. Provincialis Romae, 1724 an.* стр. 43—45; *Synod. Prowincjalny Ruski, w Wilnie, 1785 г.* стр. 14—18.

286) Посланіе это адресовано на имя архимандрита Іоанна Радзиминскаго. Однако, кажется, оно не было посланіемъ именнымъ, адресованнымъ только Радзиминскому. Контекстъ его заставляетъ предполагать, что оно предназначалось всѣмъ вообще, и епископамъ, и архимандритамъ. Что же касается того, что въ римскомъ изданіи соборныхъ актовъ оно имѣетъ адресъ къ архимандриту Радзиминскому, то это можно объяснить тѣмъ, что послѣдній былъ первымъ адресатомъ, которому (по аналогіи даже съ теперешней практикой въ окружныхъ предписаніяхъ благочинныхъ, духовниковъ и пр.) прислано было посланіе для передачи слѣдующему и его адресъ, какъ первый, вошелъ въ изданіе.

287) *Synod. Provinc.* стр. 33—35; въ вилен. изд. стр. 3—5.

288) *Ibidem.* стр. 35—36; вил. изд. стр. 6—7.

289) *Ostrowski. Dz. i Pr. kośc. Polsk.* т. III, стр. 651—652.

290) *Synod. Provinc.* стр. 7—37; вил. изд. стр. 9.

291) Этотъ послѣдній, какъ видно изъ актовъ собора (стр. 54; вил. изд. стр. 33) пріѣхалъ только ко второму засѣданію (12 сѣнтября по нов. ст.).

292) *Syn. Prownie.* стр. 21—22; 7—13.

293) *Ibidem.*

294) *Ibidem.* стр. 127; вил. изд. 170—171.

295) Послѣднихъ было только два. *Synod. Prov.*, стр. 11.

296) *Ibidem.*

297) Ibid. стр. 36; вил. изд. стр. 8. Такое-же объявление было прибито и на дверяхъ замойской латинской коллегіи.

298) Ibid. предисл. см. „Oratio“... Вил. изд. „Мова“.

299) Ibid. стр. 41—45; вил. изд. стр. 10—18.

300) Ibid. стр. 45—52; вил. изд. стр. 19—30.

301) Ibid. стр. 52; вил. изд. стр. 29—30.

302) Въ цитируемомъ нами, наравнѣ съ римскимъ, виленскомъ изданіи эти буллы помѣщены 28 марта 1391 г.

303) Synodus Provincialis, стр. 53; вил. изд. стр. 31.

304) Ibidem.

305) Ibid. стр. 54; вил. изд. стр. 34.

306) Ibidem. и стр. 12.

307) Ibid. стр. 54.

308) Ibid. стр. 55—59; вил. изд. 34—42.

309) Ibid. стр. 60—61. Titulus Secundus; вил. изд. стр. 42—45.

310) Ibid. стр. 62—62. Titulus tertius; вил. изд. стр. 45—106.

311) Ibid. Titulus quartus, стр. 92; вил. изд. стр. 106—108.

312) Ibid. Tit. quintus, стр. 93; вил. изд. 108—109.

313) Ibid. Titulus sextus, стр. 94—101; вил. изд. 109—123.

314) Ibid. стр. 101—102, Titulus septimus; вил. изд. стр. 123—125.

315) Ibid. стр. 102—103, Tit. octavus; вил. изд. стр. 125 — 127.

316) Смъ въ предисловіи „Таха cancelariae“.

317) Synod. Prov.: Tit. nonus стр. 103—104; вил. изд. стр. 127—129.

318) Ibid. стр. 104—107, Tit. decimus; вил. изд. стр. 129—135.

319) Ibid. Titulus unodecimus, стр. 107—109; вил. изд. стр. 135—140.

320) Ibid. стр. 109 — 112, Titulus duodecimus; вил. изд. стр. 140—146.

321) Ibid. стр. 112 — 113, titulus decimes tertius; вил. изд. стр. 146—148.

322) Ibid. стр. 114 — 116, titulus dicimus quartus; вил. изд. стр. 148—153.

323) Обычай давать „презенту“ до сихъ поръ существуетъ въ Галиции, гдѣ большая часть церквей имѣетъ своихъ патроновъ.

324) Какія трудности приходилось преодолевать ставленнику, прежде чѣмъ онъ могъ получить священство, объ этомъ см. „Вѣстн. Европы“ за 1872 г., стр. 612, примѣч. 2.

325) Synodus Provincialis, titulus decimus quintus, стр. 116 — 118; вил. изд. стр. 153—157.

326) Ibid. стр. 119—122; tit. dec. sext.; вил. изд. стр. 158—163.

327) Ibid. стр. 122—123, tit. dec. septim.; вил. изд. стр. 163—165.

328) Ibid. Titulus dicimus octavus.

329) Ibid. стр. 124 и дал. titul. dec. nonus.; вил. изд. стр. 164—5 и дал.

330) Synodus Provincialis, стр. 125—127; вил. изд. стр. 168—172.

331) Ibid. стр. 142—143 и въ вил. изд. 198—199.

332) Likowski. Historia unii kośc. rusk. z kośc. rzymsk. стр. 25. Syn. Prov. предисловіе.

333) Ibidem.

334) Ibidem.

335) См. Syn. Prov. de Baptismo стр. 67 и др.

336) Paryż, 1861 г., стр. 140.

337) Likowski. Hist. unii kosć. rusk. z kosć. rzymsk. стр. 126—127.

338) Ostrowski, Dz. i Prawa nar. Polsk. 1793 г., т. III, стр. 652—663.

339) Толстой, Иосифъ, митроп. литов. и воссоединеніе униатовъ съ правосл. церк. въ 1836 г. С.-Пб. 1869 г., стр. 27.

340) Въ разсматриваемое нами время православная церковь окончательно подавлена была унией. Оставались православными только бѣлорусская епархія и нѣкоторые монастыри въ различныхъ мѣстахъ Рѣчи-Посполитой.

341) Кояловичъ. Чтеніе по ист. зап. Рос. стр. 286.

342) Арх. юго-зап. Рос., ч. I, тому II и III.

343) Ibid. ч. I, т. IV, стр. 90. Предисловіе.

344) У насъ были подъ руками эти соборныя опредѣленія, отпечатанныя въ Супраслѣ. Дата ихъ обозначена 10 іюня 1725 г. По формѣ своей они представляютъ большой листъ мелкой печати въ 3 столбца; польскій языкъ перемѣшанъ съ латинскимъ. Одинъ изъ сохранившихся листовъ принадлежитъ теперь музею, основанному пресвященнымъ Модестомъ, при холмскомъ Св.-Богородицкомъ братствѣ, въ г. Холмѣ, Люблинской губерніи.

345) Арх. юго-зап. Рос. т. IV, ч. I. Предисл. стр. 92 — 63 и 478—483, № 205. Между фактомъ насильнаго принятія униатами латинства на замойскомъ соборѣ и указаніемъ Сѣраковскаго въ своемъ проэктѣ тѣсной связи униі съ православіемъ противорѣчія нѣтъ. Такова именно и была униа, что корни ея росли въ православіи (на что Сѣраковскій и указываетъ), а листва была латинская.

346) Ibid. Предисловіе стр. 483—509.

347) Ibid. Предисловіе стр. 94.

348) Арх. юго-зап. Рос. т. IV, ч. I. См. подробный перечень насильственныхъ мѣръ, принятыхъ католическимъ духовенствомъ для обращенія униатовъ въ латинство. Стр. 521, 524, 524, 525, 531, 544, 550, 557 и др.

349) Кояловичъ. Чтеніе по ист. зап. Рос. стр. 293—293. С.-Петербург. 1884 г.

350) Widok przegomocy na słaba niewinność stogo wywartej. Историч. зап. О. Бродовича, стр. 103—106, Львовъ, 1861 г. Сборникъ документовъ, уясняющихъ отношенія латино-польской пропаганды къ русской вѣрѣ и народности, стр. 114—118. Вильно. 1864 г.

351) Извѣстіе объ униі Бант. Каменскаго, стр. 358. Вильно. 1864 г.

352) Бродовичъ, стр. 106—113.

353) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. IV, стр. 82—83.

354) Кояловичъ. Ист. воссоедин. зап.-рус. ун. стар. вр., стр. 213. С.-Петербургъ. 1884 г.

355) Грамоты этихъ іерарховъ напечатаны у Бант.-Камен. Историч. изв. о возн. въ Польшѣ униі, стр. 361—365. 1864 г.

356) Кояловичъ. Ист. возсоед. зап.-рус. ун. стар. вр., стр. 360—364; 372—373 и др. Польскіе писатели насчитываютъ 8 милліоновъ возсоединившихся отъ перваго раздѣла Польши до 1796 г.

357) Коялов. Чт. по ист. зап. Рос. стр. 365—366. Москва. 1884.

358) Его-же. Ист. возсоед. зап.-рус. ун. стар. вр. стр. 355.

359) Likowski. Hist. unii kosć. rusk. z kosć. rzymsk. стр. 165.

360) Кояловичъ. Лекціи по ист. зап. Рос. стр. 365—379. Москва. 1864 г.

361) Ibid. стр. 380.

362) Likowski. Hist. unii kosć. rusk. z kosć. rzym. стр. 168.

363) Указъ этотъ приведенъ въ „Запискахъ Іосифа, митрополита литовскаго“ т. I, стр. 52.

364) Въ изданныхъ недавно Императорскою академіею наукъ „Запискахъ Іосифа, митрополита литовскаго“ помѣщена прекрасная автобіографія его. Въ виду этого мы не останавливаемся на личности в — наго Іосифа, а резюмируемъ только дѣятельность его и ея послѣдствія, окончившіяся полоцкимъ соборомъ.

365) Ibid. стр. 31.

366) Ibid. 32—41.

367) Ibid. стр. 61—62. Толстой. Іосифъ, митр. лит. стр. 42—43. Кояловичъ. Лекціи по ист. зап. Рос. стр. 384.

368) Записки Іосифа, митр. лит. т. I, стр. 68—69.

369) См. прилож. къ I т. записокъ подъ № 40. Ibid. №№ 44, 45, 46.

370) Ibid. № 53.

371) Ibid. № 71—72.

372) Ibid. стр. 114—115.

373) Лекціи по ист. зап. Рос. стр. 390.

374) Записки Іосифа, митр. лит. т. II, № 23.

375) Поповъ. Судьбы униі въ русской холмской епаркіи стр. 66.

376) Записки митрополита Іосифа стр. 116—125.

377) Правда объ униі къ православнымъ христіанамъ. Малышевскаго, стр. 103—104. Записки Іосифа, митрополита литовскаго, т. I, стр. 119—123.

378) Правда объ униі, Малышевскаго, стр. 107.

379) Записки Іосифа, митрополита литовскаго, т. I, стр. 125.

380) Противъ великаго отлученія его отъ церкви по обвиненію въ схизмѣ. 1883 года (переводъ съ латинскаго языка). Нынѣ о. Іоаннъ, страдалецъ за русское дѣло, присоединился къ православной церкви, возведенъ въ санъ протоіерея и живетъ въ Кіевѣ.

Оглавление.

	Стр.
Мѣры, подготовлявшія унію	3
Брестскій соборъ, провозгласившій церковную унію 1596 г.	36
Православные и уніаты послѣ провозглашенія брестской церковной уніи	61
Новогрудскій уніатскій соборъ	69
Кобринскій соборъ	74
Львовскій соборъ	84
Замойскій соборъ	92
Унія послѣ замойскаго собора. — Унія послѣ раздѣловъ Польши. — Полоцкій соборъ 1839 года и воссоединеніе уніатовъ съ православіемъ	131

**БИБЛИОТЕКИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ
КАЗАНСКОЙ
ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.**

185669/7

DN 33- *lv*

412698/1

**DO NOT REMOVE
OR**

M [REDACTED] RD

